

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

2

2022

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

Бакиров В. С.	Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Генчель Г.	Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Гигин В. Ф.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Докторов Б. З.	Независимый аналитик и консультант, США.
Король А. Д.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В.	Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Макаллистер И.	Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия.
Мамедов А. К.	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Нарбут Н. П.	Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Семеньска-Жоховска Р.	Институт социальных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша.
Симхович В. А.	Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т.	Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Халман Л.	Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды.
Херпфер К.	Венский университет, Вена, Австрия.
Цулелер П.	Венский университет, Вена, Австрия.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.danilov@tut.by
Deputy editor-in-chief	ROTMAN D. G. , doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Executive secretary	SHCHYOLKOVA T. V. , PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: tanar2002@tut.by
<i>Bakirov V. S.</i>	Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
<i>Beznyuk D. K.</i>	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Halman L.</i>	Tilburg University, Tilburg, Netherlands.
<i>Hentschel G.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Herpfer K.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Hihin V. F.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Doktorov B. Z.</i>	Independent analyst and consultant, USA.
<i>Filinskaya L. V.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Karol A. D.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Lapina S. V.</i>	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Makallister I.</i>	Australian National University, Canberra, Australia.
<i>Mamedov A. K.</i>	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
<i>Narbut N. P.</i>	RUDN University, Moscow, Russia.
<i>Semen'ska-Zhokhovska R.</i>	Institute of Social Researches of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Simkhovich V. A.</i>	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
<i>Titarenko L. G.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Toshchenko Zh. T.</i>	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
<i>Zulehner P. M.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.

УДК 101.8:316.3(043.3)

КОНВЕРГЕНЦИЯ СЕТЕВИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. М. БАБОСОВ¹⁾, Ю. Л. БАНЬКОВСКАЯ²⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный аграрный технический университет,
пр. Независимости, 99, 220023, г. Минск, Беларусь

Теоретико-методологическим основанием исследования выступает сетевой подход. Выявляются качественные и специфические признаки сетевизации и цифровизации. Исследуются позитивные и деструктивные характеристики развития информационно-коммуникационных технологий, анализируется уровень их воздействия на все сферы жизнедеятельности белорусского общества, раскрывается специфика сетевых структур. Отмечается, что такие признаки информационно-коммуникационных технологий, как децентрализация, превалирование горизонтальных и неформальных взаимосвязей, гибкость, изменчивость, опосредованность, способствуют раскрытию сетевых процессов в качестве многофункционального и универсального феномена, трансформирующего сферу социального взаимодействия людей и оказывающего системное воздействие на социум. Социальные сети модифицируют традиционные ценности и нормы, трансформируют уже сложившуюся систему взаимодействия субъектов. Обосновывается мысль о том, что внедрение цифровых технологий не только способствует формированию новых форм развития экономики, расшире-

Образец цитирования:

Бабосов ЕМ, Баньковская ЮЛ. Конвергенция сетевизации и цифровизации социально-политических процессов в современном белорусском обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;2:4–10.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-4-10>

For citation:

Babosov EM, Bankovskaya YuL. Convergence of network and digital socio-political processes in modern Belarusian society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;2:4–10. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-4-10>

Авторы:

Евгений Михайлович Бабосов – академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник.

Юлия Леонидовна Баньковская – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин инженерно-технологического факультета.

Authors:

Evgenii M. Babosov, academician of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (philosophy), full professor; chief researcher.
babosov@yandex.ru

Yuliya L. Bankouskaya, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of social and humanitarian disciplines, faculty of engineering and technology.
ulia_bank@tut.by

<https://orcid.org/0000-0001-9287-7261>

нию возможностей для проведения научных исследований, созданию гражданских механизмов участия в политической жизни государства, но и содействует киберпреступности и сетевым конфликтам. Результаты исследования могут быть применены в процессе оптимизации сетевых механизмов взаимодействия субъектов.

Ключевые слова: сетевые структуры; сетевизация; цифровизация; взаимодействие; сети; общество.

CONVERGENCE OF NETWORK AND DIGITAL SOCIO-POLITICAL PROCESSES IN MODERN BELARUSIAN SOCIETY

E. M. BABOSOV^a, Yu. L. BANKOVSKAYA^b

^a*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

^b*Belarusian State Agrarian Technical University, 99 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220023, Belarus*

Corresponding author: Yu. L. Bankovskaya (ulia_bank@tut.by)

The theoretical and methodological basis of the research is the network approach. The purpose of the article is to clarify the qualitative and specific features of the networking and digitalisation. The positive and destructive characteristics of the information and communication technologies development is characterised in the article. It is analysed the level of their influence on all spheres of Belarusian society life. The essential and specific characteristics of network structures. Clarification of its qualitative features such as decentralisation, the prevalence of horizontal connections in relation to vertical ones, flexibility, variability, mediation, the predominance of informal relationships over formal ones, contribute to the disclosure of network processes as a multifunctional and universal phenomenon that transforms the sphere of people's social interaction and has a systemic impact on social processes. Networks modify traditional values and norms, transform the already established system of interaction of subjects, acting as a dynamically developing social phenomenon. The introduction of digital technologies contributes, on the one hand, to the formation of economic development new forms, the expansion of opportunities for scientific research, the creation of civil mechanisms for participation in the political life of the state, their involvement in the process of discussing existing problems, the rapid dissemination of information, the increase in opportunities for the introduction of innovative technologies in all spheres of society, the creation of new conditions for a dynamic response to changes and difficulties arising in the social system, the formation of adaptation mechanisms in relation to the environment. On the contrary, it promotes to the emergence of cybercrime and network conflicts involving huge masses of people in the zone of confrontation. The processes of networking and digitalisation create conditions for rapid response to changes taking place in society, prompt detection of new problems, contribute to the elaboration of alternative ways of social development. The results of the study can be applied as a way for optimising the existing network mechanisms of subjects' interaction.

Keywords: network structures; network interaction; digitalisation; interaction; networks; society.

Современный период развития белорусского общества характеризуется качественным изменением форм взаимодействия людей. Благодаря информационно-коммуникационным технологиям непрерывная трансформация социальной реальности затрагивает все сферы деятельности человека, изменяет качество его жизни, модифицирует сложившиеся социальные институты. Теоретическое исследование конвергенции сетевизации и цифровизации приобретает все большую актуальность для повышения качества социальных, экономических и политических услуг. Эффективность их предоставления зависит от возможностей задаваемых им функций вследствие внедрения сетевых моделей управления.

Сетевизация общества является неотъемлемым компонентом его функционирования и развития. Сегодня формируется новый социальный порядок, органически присущим элементом которого становится внедрение сетей во все сферы жизнедеятельности человека.

«Сеть начинает осмысляться и как способ бытия и сознания человека (группы людей, общества, мира), и как самопорождение человека, в том числе на ментальном и духовном уровнях» [1, с. 52]. Отличаясь целями, степенью интенсивности, силы или слабости социальных связей и взаимоотношений, характером институционализации, способом распределения и обмена ресурсами, уровнем концентрации власти, централизации и координации действий, личностной принадлежностью и заинтересованностью, сферой деятельности и типом членства, сети становятся основанием технологических изменений, проявляющихся в расширении возможностей для развития информационно-коммуникативного взаимодействия субъектов. Отражая динамику функционирования и развития современного общества, они являются новой формой организации социальной реальности, замещающей прежние модели социально-политического устройства.

Сетевое общество приводит к трансформации институтов политики, культуры, образования, экономики и сферы занятости. М. Кастельс рассматривает его как «социальную структуру, характеризующую, пусть и с большим разнообразием проявлений в зависимости от культурной и институциональной специфики, информационную эпоху развития общества» [2, с. 23]. Представляя собой глобальное образование, так или иначе затрагивающее жизнедеятельность каждого человека, сети способствуют формированию новых ценностей и культурных кодов, приводящих к трансформации политических и экономических процессов. Оказывая существенное воздействие на функционирование современного общества, сетевые процессы изменяют традиционно сложившиеся взаимоотношения людей в сфере производства, а также взаимодействие структур власти. Источником производительности стали способы продуцирования, хранения, обработки и применения информации, приемы генерирования знаний. Следствием развития информационно-коммуникационных технологий становится образование качественно нового типа социальных процессов, в виде которых выступают, с одной стороны, создание символов и знаков, с другой – производство и распределение материальных благ. Неравный доступ к информационным ресурсам обуславливает возникновение новой формы социального неравенства. Формируется так называемая аномальная власть, которая не контролируется человеком, но оказывает значимое воздействие на его поступки и деятельность. Основной сферой развертывания политического противостояния выступают средства массовой коммуникации и интернет [3, с. 34–72].

Носителями символической власти становятся сетевые структуры, конституирующие новые социальные общности. Благодаря социальным сетям все больше людей привлекаются к участию в политических процессах. Вследствие вовлеченности в управленческий процесс широких слоев населения увеличиваются возможности для совместного обсуждения проблем, изменяются механизмы концентрации власти. Одновременно с повышением уровня доверия к сетевым источникам информации усиливается тенденция к манипулированию сознанием и поступками людей.

В рамках сетевого анализа власть рассматривается в качестве инструмента, обладающего не только формальным авторитетом, но и неформальным влиянием. «Власть неотъемлемо ситуативна и, следовательно, динамична и потенциально нестабильна»¹ [4, р. 1694]. Субъектами власти становятся не отдельные личности, а их позиция, характеризующая социальные отношения и связи. «Власть возникает при доминировании одних позиций над другими в силу контроля и использования организационных ресурсов для поощрения и наказания участвующих акто-

ров» [5, р. 98]. При этом глобальная центральность узловой точки не всегда означает, что данный сетевой элемент обладает большими властными полномочиями по сравнению с элементами, обладающими локальной центральностью. П. Марсден полагал, что власть акторов, имеющих высокий уровень локальной центральности, базируется на их больших возможностях к созданию коалиций. Следовательно, они в большей мере способны воздействовать на конфликтную ситуацию [6, р. 397–405].

Социальные сети выстраивают сферу символической культуры. В работах Е. А. Бердник сетевая культура рассматривается как «информационно-коммуникативная система, связывающая воедино все элементы сети посредством разделяемых всеми нематериальных (символических) форм культуры (ценностей, норм, правил, установок, идей, языка и др.) и обеспечивающая тем самым целостность и самовоспроизводимость сети» [7, с. 53]. Для ее функционирования характерны формирующиеся на основании сетевых принципов семантический и аксиологический плюрализм, комбинация и артикуляция различных смыслов, их обобщение или спецификация, снижение роли индивидуального начала и усиление значимости принадлежности к определенной общности, взаимосвязи с другими субъектами. Следствием модификации социального пространства и социальных связей становится формирование конструктивных возможностей для образования новых социальных сообществ, взаимодействующих на основании сетевых норм и ценностей. В то же время размытость сетевых отношений, анонимность взаимодействия субъектов, обеспечение неприкосновенности личной информации приводят к трансформации аксиологических оснований взаимодействия субъектов, проблемам личностной идентификации.

Многогранный процесс сетевизации затрагивает все сферы жизнедеятельности человека. Данное обстоятельство актуализирует необходимость изучения формирования и деятельности управленческих структур. В современном обществе процессу управления присущ переход от централизованных бюрократических и иерархических форм взаимодействия субъектов к множеству сосуществующих сетей и партнерств, функционирование которых характеризуется взаимопроникновением и взаимовлиянием представителей различных социальных групп. Последние контактируют между собой на основании сотрудничества и кооперации, а нередко и противоборства. Сетевое управление отличается преобладанием горизонтальной, многосторонней, равноправной коммуникации, что позволяет артикулировать внимание на принятии совместных решений представителями разных общностей, занимающих неравнозначные социальные позиции. Оно имеет ситуативный характер, осуществляется

¹Здесь и далее перевод наш. – Е. Б., Ю. Б.

благодаря узловым элементам, которые выступают в качестве ресурсного, информационного и координационного центра.

Политическая сетевая организация имеет следующие основные направления:

- содействие увеличению степени участия граждан в политической сфере, повышению уровня их знаний относительно существующих проблем;
- создание дополнительных возможностей для поддержания взаимосвязи между управленческими структурами и формирование условий для участия различных социальных групп в процессе принятия решений. Л. В. Сморгунув полагает, что «сетевой подход к политике и управлению строит свою исследовательскую стратегию исходя из нового характера отношений между государством и обществом, между публичной и частной сферами социальной жизни» [8, с. 105];
- функционирование на основании взаимосвязи и взаимозависимости всех элементов;
- возможность одновременного объединения и взаимодействия государственных и негосударственных акторов;
- доминирование горизонтальных отношений между сетевыми элементами, способствующее совместному участию представителей разных социальных групп в принятии необходимых государственных решений.

В. Е. Лепский считает, что сетевой организации присущи следующие основополагающие принципы: «Во-первых, взаимоотношения в организации носят неформальный характер, при этом каждый член группы может играть ту роль, которая отвечает поставленным на данный момент задачам. Структура организации становится гибкой, способной адаптироваться к конкретным задачам. Во-вторых, наличие внутренней организованной сети дополняется неформальными связями членов организации с частными лицами, не принадлежащими организации, которые даже помимо своей воли могут вовлекаться в деятельность сетевой организации. <...> В-третьих, внутренние и внешние связи не регламентируются формальными рамками и обязанностями, в их основании лежат, скорее, общие ценности и нормы поведения, разделяемые причастными к группе лицами. Внутри организации деятельность осуществляется самоуправляемыми группами, в то время как внешние связи могут строиться и по общепринятым социальным нормам, и даже в соответствии с законодательством тех стран, на территории которых функционирует организация» [9, с. 281].

Процесс сетевизации общества приводит к становлению новой цифровой эпохи. Российские исследователи В. Г. Халин и А. И. Чернова характеризуют цифровизацию как «современный общемировой тренд развития экономики и общества, который ос-

нован на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни» [10, с. 47]. Оказывая колоссальное воздействие на все сферы жизнедеятельности белорусского общества, его функционирование и развитие, цифровизация стимулирует социальные перемены.

Формирование и развитие цифрового общества является естественным и необратимым процессом, объединяющим всю совокупность экономических тенденций и тесно связанных с ними изменений в производстве, науке, культуре и политике. Цифровизация экономики находится в тесной связи с социальной политикой государства, направленной на создание рабочих мест и снижение уровня безработицы, повышение прозрачности общественно-экономических отношений, противодействие коррупции. Информационно-компьютерные технологии позволяют существенно сократить количество цепочек между компаниями-производителями, банками и потребителями, ускорить операции купли-продажи, аренды и другие расчеты. Кроме того, цифровизация позволяет качественно улучшить производственные, проектно-конструкторские процессы. Можно выделить следующие особенности многогранного феномена цифровизации:

- эмоционально-волевую устремленность, коммуникативную компетентность, высокий уровень ответственности, волевого потенциала и рациональной обоснованности результатов деятельности;
- рост производительности труда как главный источник создания материальных и духовных ценностей, повышение конкурентоспособности предприятий на внутреннем и международных рынках;
- компьютеризацию рабочих мест и производственного оборудования;
- создание интернета вещей, который представляет собой многостороннюю вычислительную сеть физических предметов, оснащенных встроенными технологиями для коммуникации, и активно воздействует на развитие социально-экономических процессов при отсутствии необходимости участия человека, а также распространение беспроводных, программно-конфигурируемых сетей;
- возможность моделирования огромного числа феноменов, функционирующих в действительности, и прогнозирование дальнейшего развития различных отраслей.

Цифровое государство представляет собой целостную и многомерную социально-политическую властную систему, осуществляющую деятельность на основании прямого взаимодействия граждан и власти. Для принятия управленческих решений необходимо упорядочить циркулирование потоков большого количества данных. Цифровое управление ориентировано на достижение поставленной цели посредством использования интеллектуальных

знаний, разработки сценариев риска и экспертной оценки вероятности определенных событий.

Эффективность и прозрачность управления обеспечиваются благодаря образованию и развитию электронного правительства. Использование информационных технологий позволяет властным структурам качественно улучшить взаимодействие между гражданами и правительственными организациями, создать условия для их взаимопонимания, расширить спектр предоставляемых государством услуг. Демократизация общества, развитие гражданских инициатив, стимулирование активности субъектов при принятии управленческих решений, повышение уровня информированности населения о проблемах становятся возможными благодаря формированию электронного правительства, ориентированного на совершенствование системы государственного управления.

Республика Беларусь достигла многого в области цифровой экономики, юрисдикции, направленной на комплексное правовое регулирование бизнеса посредством блокчейн-, нано-, нейро-, биотехнологий, а также авиационных, медицинских, космических, квантовых технологий. Сформированы условия для развития ИТ-компаний. Лидером в данной области выступает Парк высоких технологий (ПВТ). Сегодня в составе ПВТ – 1065 резидентов и более 76 тыс. работников. В нем сконцентрированы 122 центра разработки иностранных корпораций. Доля ПВТ превышает 4 % республиканского ВВП². Кроме того, в Беларуси успешно функционируют общественные организации, обеспечивающие успешность цифровизации: Совет по развитию цифровой экономики, Совет независимого регулятора в сфере информационно-коммуникационных технологий, Совет по развитию информационного общества при Президенте Республики Беларусь.

Для повышения уровня цифрового развития Республики Беларусь необходимо учесть ее позицию в Индексе развития информационно-коммуникационных технологий, Индексе развития электронного правительства и Глобальном инновационном индексе. Индекс развития информационно-коммуникационных технологий составлялся за 2009–2017 гг. с помощью Международного союза электросвязи и включал 11 показателей. В 2017 г. Беларусь в нем занимала 32-е место. Согласно Индексу развития электронного правительства в 2020 г. республика поднялась на 40-ю позицию (в 2012 г. занимала 61-ю позицию, в 2014 г. – 55-ю)³. По данным Глобаль-

ного инновационного индекса, опубликованного в сентябре 2021 г., в рейтинге самых инновационных стран Беларусь поднялась с 64-го места на 62-е. Она улучшила свои позиции в следующих категориях: «Развитие технологий и экономики знаний» (с 46-й позиции на 37-ю), «Результаты творческой деятельности» (с 97-й позиции на 93-ю), «Экспорт услуг в сфере ИКТ» (с 15-й позиции на 11-ю), «Доступ к ИКТ» (с 19-й позицию на 16-ю) и «Создание мобильных приложений» (сохранила лидерство)⁴.

В современном мире особую актуальность приобретают вопросы, связанные с обострением и распространением конфликтов в сфере киберпространства, приводящих к преступлениям в интернете. Сетевые конфликты приобретают все большую распространенность в Беларуси. Дезинформация, искажение событий, сфабрикованность фактов, желание обострить и накалить ситуацию становятся социальной реальностью, с которой постоянно сталкивается белорусский народ. По данным исследований МСЭ-D, доля спама на март 2021 г. в мировом трафике составляла 53,95 %. Доля вредоносных программ для мобильных устройств за последние два года увеличилась на 54 %, программ-вымогателей – на 350 %. По экспертным оценкам, ущерб от действия киберпреступлений превысил 3 млрд долл. США⁵.

Огромное воздействие на стабильность современного общества оказывают информационные войны, использующие информационно-коммуникационные технологии в качестве нелетального оружия. Они представляют собой новый вид «противоборства стран с использованием информационных технологий (без применения военной силы) с целью получения максимального преимущества во всех областях жизнедеятельности» [11, с. 106]. Пропаганда определенных идей в интернете может привести к обострению противостояния. Формирование определенного восприятия видения проблемной ситуации углубляет и расширяет возможности воздействия на общественное мнение. Широкое освещение определенных сообщений в интернете является компонентом стратегии, используемой социальными группами для того, чтобы подорвать доверие к существующей политической системе. Социальные сети представляют собой альтернативный способ общения с большим количеством людей, нередко бесконтрольный и наносящий вред стабильному функционированию общества.

Государство, опирающееся на определенные правовые нормы и законы, способно регулировать

²Парк высоких технологий [Электронный ресурс]. URL: <https://www.park.by> (дата обращения: 14.03.2022).

³Official web resource of measuring digital development [Electronic resource]. URL: <https://www.itu.int> (date of access: 15.03.2022).

⁴Беларусь улучшила позиции в рейтинге самых инновационных стран Global Innovation Index 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/society/view> (дата обращения: 16.03.2022).

⁵Official web resource of measuring digital development [Electronic resource]. URL: <https://www.itu.int> (date of access: 15.03.2022).

процесс сетевого взаимодействия. Оно обладает большими возможностями для блокировки доступа к информационным ресурсам, оказывающим деструктивное воздействие на социальную систему, и занимается разработкой законодательной базы, технологической защиты от киберугроз, созданием административных и кадровых предпосылок для поддержки предприятий. «Управленческая активность государства в условиях расширения практики сетеобразования должна быть направлена как на повышение качества взаимодействия внутри сетей (купировать антагонизм между включенными акторами, привлекать “правильных” участников, элиминировать участников, придерживающихся единой стратегии поведения), так и на повышение качества управления в целом» [12, с. 14].

Нормативно-правовое регулирование сетевого взаимодействия в Беларуси регламентируется Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», Указом Президента Республики Беларусь от 25 октября 2011 г. № 486 «О некоторых мерах по обеспечению безопасности критически важных объектов информации», Указом Президента Республики Беларусь от 8 ноября 2011 г. № 515 «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь», Указом Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2019 г. № 460 «Об общегосударственной информационной системе». Основополагающая роль отводится Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях, предусматривающему ответственность за несанкционированный доступ к компьютерной информации, нарушение правил ее использования, хранения и уничтожения, а также Уголовному кодексу Республики Беларусь, устанавливающему уголовную ответственность за преступления, связанные с деструктивным использованием компьютерных данных и технологий. В целях снижения уровня остроты противоречий в рамках стратегии национальной безопасности Республики Беларусь Указом Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2019 г. № 460 «Об общегосударственной информационной системе» приняты основные положения, регулирующие деятельность людей в рамках информационно-коммуникационного пространства. Для проведения цифровизации были приняты Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества

на 2016–2020 годы и Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Сетевизации и цифровизации современного общества присущи как позитивные, так и негативные аспекты. С одной стороны, они содействуют повышению качества и эффективности деятельности субъектов хозяйствования, продвижению бизнеса и интернет-торговли, росту политического самосознания граждан, повышению уровня знаний, развитию креативных способностей личности, созданию диалогового сотрудничества между людьми, расширению возможностей общения. Являясь технологическим инструментом, способствующим повышению доступности информации, цифровизация приводит к возникновению новых форм организаций. С другой стороны, данные феномены приводят к образованию социальных, экономических и правовых проблем, глобальных рисков. Отсутствие единых ценностно-нормативных стандартов функционирования интернета, его изменчивость и непостоянство обуславливают множество противоречий. Формируются условия для возникновения новых форм хищений, мошенничества и взломов, появляются все новые виды киберпреступлений. Неравный доступ к цифровым услугам и продуктам в разных странах порождает многочисленные экономические проблемы.

Цифровизация и сетевизация привели к ускоренной разработке управленческих навыков и формированию эффективных способов развития современного общества. Возможность быстрого реагирования сетевыми структурами на изменения в обществе, оперативное обнаружение проблем, поиск альтернативных вариантов урегулирования дестабилизирующей ситуации, реализация принятых решений обеспечиваются посредством интенсификации отношений между отдельными субъектами и органами власти, направленной на координацию их сетевого взаимодействия, повышение значимости самоуправления. Сетевое управление ориентировано на институционализацию норм и ценностей, их распространение и упрочение, предоставление информации разным слоям населения в рамках мирового сообщества, изучение и разработку средств разрешения проблемных ситуаций. Следовательно, реализация ценностно-нормативных стандартов является необходимым условием сохранения национальной безопасности государства и общества.

Библиографические ссылки

1. Шенцева ЕА. Сетевой подход: истоки и перспективы. *Идеи и идеалы*. 2012;2(12):48–57.
2. Кастельс М, Киселева Э. Россия и сетевое общество. Аналитические исследования. *Мир России*. 2000;1:23–51.
3. Кастельс М. *Власть коммуникации*. Черных АИ, редактор; Тылевич НМ, переводчик. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2016. 564 с.
4. Knoke D. Playing well together. Creating corporate social capital in strategic alliance networks. *American Behavioural Scientist*. 2009;52:1690–1708.

5. Knoke D. *Political networks: the structural perspective*. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. 290 p.
6. Marsden PV. Network diversity, substructures and opportunities for contact. In: Blau PM, Calhoun CJ, Meyer MW, Scott WR. *Structures of power and constraint: papers in honor of Peter Blau*. New York: Cambridge University Press; 1990. p. 397–410.
7. Бердник ЕА. Сетевая культура как объект социологического анализа. *SOCIOПРОСТИР: междисциплинарный сборник научных работ по социологии и социальной работе*. 2011;2:51–55.
8. Сморгун ЛВ. Сетевая методология исследования политики. *Политический анализ*. 2001;2:97–117.
9. Лепский ВЕ. *Методологический и философский анализ развития проблематики управления*. Москва: Когито-Центр; 2019. 340 с.
10. Халин ВГ, Чернова ГВ. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущество, вызовы, угрозы и риски. *Управленческое консультирование*. 2018;10:46–63. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-10-46-63.
11. Крылова ИА. Информационно-психологические войны как фактор дезинтеграционных процессов в современном мире. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2021;4–1:106–110.
12. Михайлова ОВ. Как возможны властные позиции государства в сетевых альянсах, или «стратегия чеширского кота» по управлению сетями. *Человек. Сообщество. Управление*. 2016;17(4):6–18.

References

1. Shentseva EA. Network approach: origins and prospects. *Idea and ideals*. 2012;2(12):48–57. Russian.
2. Castels M, Kiseleva E. Russia and the network society. Analytical research. *Universe of Russia*. 2000;1:23–51. Russian.
3. Castels M. *Communication power*. Oxford: Oxford University Press; 1976. 564 p.
Russian edition: Castels M. *Vlast' kommunikatsii*. Chernykh AI, editor; Tylevich NM, translator. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2016. 564 p.
4. Knoke D. Playing well together. Creating corporate social capital in strategic alliance networks. *American Behavioural Scientist*. 2009;52:1690–1708.
5. Knoke D. *Political networks: the structural perspective*. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. 290 p.
6. Marsden PV. Network diversity, substructures and opportunities for contact. In: Blau PM, Calhoun CJ, Meyer MW, Scott WR. *Structures of power and constraint: papers in honor of Peter Blau*. New York: Cambridge University Press; 1990. p. 397–410.
7. Berdnik EA. [Network culture as an object of sociological analysis]. *SOCIOPROSTIR: the Interdisciplinary Collection of Scientific Papers on Sociology and Social Work*. 2011;2:51–55. Russian.
8. Smorgunov LV. [Network methodology of policy research]. *Politicheskii analiz*. 2001;2:97–117. Russian.
9. Lepskii VE. *Metodologicheskii i filosofskii analiz razvitiya problematiki upravleniya* [Methodological and philosophical analysis of the development of management issues]. Moscow: Kogito-Tsentr; 2019. 340 p. Russian.
10. Halin VG, Chernova GV. Digitalisation and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks. *Management consulting*. 2018;10:46–63. Russian. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-10-46-63.
11. Krylova IA. [Information and psychological warfare as a factor of disintegration processes in the modern world]. *Bol'shaya Evraziya: pazvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*. 2021;4–1:106–110. Russian.
12. Mikhaylova OV. How are power positions on the state actors in networks are possible, or «Cheshire cat governance strategy». *Human. Community. Management*. 2016;17(4):6–18. Russian.

Статья поступила в редколлегию 19.04.2022.
Received by editorial board 19.04.2022.

**«ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ РАЗУЧИЛАСЬ
ПО-НАСТОЯЩЕМУ НЕ ЗНАТЬ»:
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ А. В. СМЕРНОВА
«ЛОГИКА СМЫСЛА КАК ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ»**

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается концепция многоцивилизационного мира, философские основы которой изложены в новой монографии академика А. В. Смирнова «Логика смысла как философия сознания» (2021). Приводится мнение о том, что новая многоцивилизационная целостность не будет построена, пока в качестве образца для подражания будет рассматриваться только западный проект. Отмечается, что реализация ценностных установок потребительского общества вне Европы порождает новые кризисы и противоречия, не вписываясь в национальные и культурные особенности других стран. Выход к точкам роста новой цивилизационной целостности может быть вовсе не на Западе, а как раз в тех культурах, которые сохранили традиционную почву, несмотря на воздействие модернизационных процессов. Доказывается мысль о том, что новый цивилизационный мир возникает не как завершенный проект, а вырастает из глобального динамического хаоса, оставшегося от уходящей цивилизации. Катализаторами цивилизационных перемен на пути к новой целостности предстают ценности, несущие трансформацию жизненных смыслов под влиянием социума. Новые риски и вызовы, с которыми сталкиваются страны, требуют принятия своевременных и адекватных мер. Сегодня мир столкнулся с глобальной нестабильностью, адаптация к которой стала мотивом для перехода к новой модели цивилизационного развития.

Ключевые слова: А. В. Смирнов; философия; философия сознания; логика смысла; будущее; цивилизационное развитие; многополюсный мир.

**«EUROPEAN PHILOSOPHY HAS FORGOTTEN
HOW TO NOT REALLY KNOW»:
REFLECTION ON THE BOOK BY A. V. SMIRNOV
«THE LOGIC OF SENSE AS A PHILOSOPHY OF MIND»**

A. N. DANILOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The concept of a multi-civilisational world, the philosophical foundations of which are set out in the new monograph of academician A. V. Smirnov «The logic of sense as a philosophy of mind» (2021). Historical experience and analysis of modern practice shows that a new multi-civilisational integrity will not work, as long as only the Western project is considered as the only possible perspective of modern civilisation, and its ideals and values are presented as a role model. At the same time,

Образец цитирования:

Данилов АН. «Европейская философия разучилась по-настоящему не знать»: размышления над книгой А. В. Смирнова «Логика смысла как философия сознания». Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022;2:11–17. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-11-17>

For citation:

Danilov AN. «European philosophy has forgotten how to not really know»: reflection on the book by A. V. Smirnov «The logic of sense as a philosophy of mind». *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;2:11–17. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-11-17>

Автор:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. a.danilov@tut.by

the implementation of the value orientations of the consumer society outside Europe generates new crises and contradictions, not fitting into the national and cultural characteristics of other countries. Therefore, the way out to the points of growth of a new civilisational integrity should be not found in the West at all, but should be explored in those cultures that have preserved the traditional soil under the influence of modernisation processes. The new civilisational world does not arise as a completed project; it grows out of the global dynamic chaos left over from the outgoing civilisation. The catalysts of civilisational changes on the way to a new integrity are values that carry changes in life meanings under the influence of social life. New risks and challenges faced by countries require timely and adequate changes. Recently, the world has faced global instability, adaptation to which has become a motive for the transition to a new model of civilisational development.

Keywords: A. V. Smirnov; philosophy of mind; logic of sense; future; multi-civilisation integrity; multi-polar world.

Введение

Хотелось бы начать размышления со слов академика А. В. Смирнова из другой его книги «Реплики: философские беседы» (2021), вышедшей к 100-летию юбилею Института философии Российской академии наук. Он говорит о незападных культурах, которые западная философия переосмысливает, исходя из собственных оснований, таким образом, чтобы они могли «...уютно уместиться в накатанное русло европейского философского дискурса, чтобы они могли быть объяснены на основе того тезауруса, которым оперирует европейская философия и который она полагает универсальным. <...> Продумывание всерьез оснований незападных философских традиций и шире – незападных культур – и будет тем спасательным кругом, который позволит западной философии сознания не утонуть в нарабатанной схоластике феноменологии и аналитики и открыть совершенно новый и плодотворный путь разговора о сознании. Но для этого надо освободиться от европейской философской заносчивости, скромно и всерьез, по-сократовски признать и принять свое незнание, совершить гуссерлевское эпохе, воздерживаясь от суждений о том, чего европейский философ не знает – не знает до тех пор, пока его горизонт ограничен опытом европейской культуры. Европейская философия разучилась по-настоящему не знать. Ей стоит вновь научиться этому, если она не хочет выродиться в схоластику» [1, с. 98, 99]. Звучит жестко, но во многом справедливо.

Широкий кругозор и хорошее знание восточной культуры, оригинальность мышления позволяют А. В. Смирнову иметь свою научную позицию, которую, может быть, и не все разделяют. Но в этом и есть суть научного поиска. В монографии «Логика смысла как философия сознания» А. В. Смирнов ставит вопрос: «Возможно ли устойчивое существование и развитие мирового разнообразия, опирающееся на единственную опору – западную европейскую цивилизацию?» – и дает на него однозначный ответ: «...многополярный мир возможен как устойчивый только в качестве многоцивилизационного. <...> Современную эпоху было бы точнее назвать эпохой борьбы за глобальное продвижение

одного цивилизационного проекта. <...> Основное противоречие текущего момента в этой связи становится противоречием между декларируемым проектом многополярного мира, в основе которого лежит вектор соответствующего движения в финансовой, экономической, политической, геополитической и военной областях, и совершенным отсутствием проекта многоцивилизационного мира; даже я бы сказал, отсутствием осознания его необходимости» [2, с. 352].

Однако не все так просто. Европейская цивилизация имеет серьезные заслуги в мировой истории, построенное ею общество потребления сегодня доминирует в мире, а некоторые постсоветские страны после распада Советского Союза идут по западному вектору суверенного развития. Они рассматривают это направление в качестве единственно возможной перспективы современной цивилизации, а его идеалы и ценности представляют в качестве образца для подражания, предполагая, что ценностные установки такого рода общества обладают рядом преимуществ перед всеми прочими социальными и культурными типами организации общественной жизни.

В то же время нельзя не видеть, что «...громадные культурно-цивилизационные “материки” – Китай, Индия, исламский мир, – которые прежде с позиций европоцентризма высокомерно относили к периферии мирового развития, выходят на мировую арену в качестве полноценных игроков. Это новые центры культурно-цивилизационного притяжения, каждый из которых опирается на собственный цивилизационный проект» [2, с. 388–389]. Реализация же ценностных установок потребительского общества вне Европы порождает новые кризисы и противоречия, не вписываясь в национальные и культурные особенности других стран. Являются ли эти проблемы преходящими сложностями в движении такого типа общества к торжеству во всемирном масштабе или же свидетельствуют о его исторической ограниченности и отнюдь не безусловной преемственности его ценностных установок? Это тем более важно для обществ, где данный тип организации социально-

экономической и культурной жизни не является органичным и где возможны иные перспективы развития.

Исторически цивилизационная целостность – мгновение в эпистемной цепочке, а вопрос ее устойчивости – дело временное. Мировая практика демонстрирует возможности возникновения уже новой цивилизационной целостности, совмещающей в себе преимущества предыдущих систем и сводящей к минимуму их недостатки. Следует обратить особое внимание на то, что «речь идет об удивительном соответствии современной научной картины

мира не только тем новым менталитетам, которые постепенно формируются в недрах западной (техногенной) культуры конца XX в. в связи с осмыслением современных глобальных проблем, но и о ее соответствии философским идеям, выросшим на почве самобытной культуры России и ее Серебряного века, а также философским и мировоззренческим представлениям традиционных культур Востока» [3, с. 489]. Важно обозначить эти представления о цивилизационных переменах, где интересны механизмы и мотивы выбора нового, а также выявление точек его роста.

Новая цивилизационная целостность

«Мир движется к новому социальному строю, зримые черты которого уже вполне рельефно выступают во многих странах мира» [4, с. 8]. Как правило, новая цивилизационная целостность возникает не как завершённый проект, а вырастает из глобального динамического хаоса, оставшегося от уходящей цивилизации. Фиксируется переход к новой целостности, усложняющиеся системы наращивают уровень своей организации. Этот процесс завершается возникновением нового качества. Новый уровень организации всегда воздействует на предыдущие уровни, меняя их. При этом это может быть связано с появлением новых законов развития. Законы не даны сразу, они появляются со временем. И если возникает новый уровень развития, возникают и новые закономерности, которые могут ограничивать механизм предшествующих, оказывая на них обратное воздействие.

В процессе перехода меняются связи и отношения людей, коммуникации, способы видения мира, сознание, культура. Эти области все время взаимодействуют, развиваются. Духовная матрица старой цивилизации, в которой мы сейчас живем, сформировалась. И, естественно, установился соответствующий тип развития цивилизации. Он представлен широким ценностным разнообразием, которое со временем нарастает. Здесь же можно найти черты, отличающие существующую цивилизацию от традиционалистских.

Конечно, в своих размышлениях легко выдать желаемое за действительное. Что часто и происходит, когда речь заходит о таком фундаментальном вопросе, как возможность утверждения многоцивилизационной целостности. Почему же в реальности не происходит, казалось бы, самого разумного и вполне обоснованного? Что стоит на пути к многополюсному миру и принятию миром *Другого*? Все в самой природе человека и его принадлежности к конкретной цивилизационной целостности, которая изменчива и избирательна, функционирует на орбите вполне конкретной логики собственного смысла. Его сознание не может преодолеть притя-

жение, заданный и принятый им культурный код. Принять диалог с *Другим*, конвергировать смыслы, образ жизни, культуры возможно, но почему-то цивилизационные целостности не пускают в свой круг иные и сами не стремятся вне. «За будущее ведется яростная борьба, поскольку оно теснейшим образом связано с конфликтующими друг с другом общественными интересами» [5, с. 10].

Катализаторами цивилизационных перемен на пути к новой целостности предстают ценности, несущие трансформацию жизненных смыслов под влиянием социальной жизни. Ценности составляют духовную матрицу общества, по которой живут люди. Это понимание человека, природы, традиций и инноваций, личности, власти. В зависимости от того, как эти жизненные смыслы складываются в культуре, формируется программа, по которой люди осуществляют жизнедеятельность, поведение, общение.

В любом обществе с разной скоростью происходит постоянный процесс ценностной трансформации. Последние три десятилетия постсоветский мир уже не рассматривает общество потребления в качестве единственно возможной перспективы развития цивилизации. Тем более что сегодня все более очевидными становятся проблемы, возникающие в ходе реализации ценностных установок потребительского общества, причем порождаемые этим обществом в себе самом. Вопрос лишь в том, являются ли они лишь преходящими сложностями в движении такого типа общества к торжеству во всемирном масштабе или свидетельствуют о его исторической ограниченности и отнюдь не безусловной приемлемости его ценностных установок?

Если идет процесс глобализации, то на какие ценности и жизненные смыслы следует ориентироваться? Есть ценности западного общества, и то, как они реализованы в потребительских обществах (прежде всего это Западная Европа, США), и есть остальной мир, где много пережитков или следов традиционалистских культур, которые в процессе модернизации были трансформированы по-своему. Кстати,

модернизация и есть перенос духовных матриц, прежде всего западных обществ (с заимствованием технологий и систем образования), на традиционалистскую почву. Анализ изменения ценностных ориентаций, происходящего на постсоветском пространстве, показывает тенденцию стремительного движения от ценностей выживания к ценностям развития и самовыражения.

Дело в том, что современная западная цивилизация уже не справляется с тем глобальным кризисом, который она же и вызвала. Этот кризис порождает массу других, более частных кризисов: экономический, финансовый, культурный, экологический и антропологический. Поэтому речь идет о выборе новых стратегий развития. Закономерно возникает вопрос, можно ли положить в основу опыт, стратегию и ценности, которые привели к упадку. Можно ли пролонгировать их, и будет ли это счастливый путь для человечества? Или же надо критически к ним отнестись и взять курс на построение новой многоцивилизационной целостности? Тогда вопрос следует формулировать так: «На какой основе мы будем сопрягать разные ценности и вырабатывать новую ценностную базу, какие пути и механизмы у этого развития?».

Здесь на первый план выходит проблема трансформации базовых ценностей, которые во многом определяют содержание новой цивилизационной целостности. В постиндустриальном мире, в обществе потребления, начинается толковаться иначе и научная, и экономическая, и социальная жизнь. С этой точки зрения полезно проанализировать новые точки роста для будущего и выявить те изменения, которые только усугубляют уже наметившийся глобальный кризис. Проблема ценностей – это проблема выработки некоего общего содержания, которое призвано способствовать выходу из глобального кризиса. Если позитивных изменений происходить не будет, то это не ценности, на которые можно ориентироваться.

Э. Гидденс в своей известной работе «Последствия современности» (1990) отмечал: «...когда мы

говорим о современности, мы отсылаем к институциональным трансформациям, которые имеют западное происхождение», мотивируя это тем, что «национальное государство и систематическое капиталистическое производство... имеют свои корни в специфических характеристиках европейской истории и некоторые соответствия в предыдущих периодах или в других культурных условиях. Если в тесной взаимосвязи друг с другом они с тех пор распространились по миру, то это, помимо всего прочего, произошло из-за силы, которую они создали. Никакие другие, более традиционные социальные формы не были способны конкурировать с этой силой так, чтобы быть в состоянии сохранять полную самостоятельность и не быть затронутыми тенденциями глобального развития» [6, с. 322–323]. И в заключении Э. Гидденс категоричен: «Является ли современность в этом отношении исключительно западной? На этот вопрос надо ответить положительно, несмотря на определенные оговорки. Радикальный поворот от традиции, присущей рефлексивности современности, порывает не только с предшествующими эпохами, но и с другими культурами» [6, с. 324].

Чаще именно процесс всеобщего хаоса предшествует возникновению новой цивилизационной целостности. В нем уже зарождаются точки роста нового. Но выход к ним может быть вовсе не на Западе, как утверждает Э. Гидденс, а как раз в тех культурах, которые сохранили традиционную почву, несмотря на воздействие модернизационных процессов. И это хорошо показано в новой книге А. В. Смирнова.

Задача состоит в том, чтобы возникновение новой многоцивилизационной целостности и стало проектом реального многополюсного мира. Поэтому, не игнорируя многовековой опыт развития греко-латино-европейской культуры, по мнению А. В. Смирнова, следует провести «исследование логики незападных культур в данном ключе, что составляет первейшую задачу теоретической разработки проекта многоцивилизационного мира» [2, с. 357].

Концепция всечеловеческого – основа многоцивилизационной целостности

Как утверждает А. В. Смирнов, будущее человечества видится многоцивилизационным миром, в основе которого лежит идея многополярности. В своих размышлениях он ставит под сомнение 3 главенствующих сегодня в гуманитарных науках тезисах: 1) глобализация – естественный процесс; 2) глобализация экономических процессов обязательно должна сопровождаться культурно-цивилизационной глобализацией; 3) цивилизационный проект, осуществленный Западом в своем историческом развитии и взятый как основа глобализации, уни-

версален по своей сути и является наилучшим социально-политическим и экономическим устройством для всего мира. Ученый объясняет свою позицию следующим образом: «Я опираюсь при этом на изучение всерьез опыта незападных культур, избегающем принятия на веру без обоснования (т. е. без априорной, догматической веры) названных тезисов. Эти два обстоятельства – “всерьез” и “без догматической веры” – составляют существенное условие формулировки моих положений и их восприятия и продумывания» [2, с. 351].

Проанализируем аргументы А. В. Смирнова по поводу его сомнений. Глобализацию сразу приняли не все, было много сомнений относительно естественности этого процесса, взвешивались все плюсы и минусы. Возникновению такой теории в полной мере способствовали современные достижения научно-технической революции. Появились новые информационно-коммуникационные возможности, которые расширили национальные границы, превратив мир в большую деревню, где некуда укрыться от навязчивых «электронных глаз». Компьютерные технологии стали многое определять в жизни человека, формировать свой мир – виртуальный. Возможности искусственного интеллекта поставили под сомнение будущее *homo sapiens*. А. В. Смирнов видит основное противоречие эпохи «между утверждением об общечеловеческом характере цивилизационной модели, выработанной одной, локальной (европейско-американской) культурой, и множественностью векторов культурного развития, представленных историей и настоящим других локальных культур (арабо-мусульманской, индийской, китайской, российской и т. д.), выдвинувших собственные цивилизационные проекты» [2, с. 351–352]. После распада системы социализма было объявлено о полной и безоговорочной победе западной модели развития и установлении однополюсного мира. Но что-то пошло не так.

К сожалению, концепция всечеловеческого, которая была развита в русской мысли XIX–XX вв., уже больше 100 лет не воспринимается как будущее многоцивилизационной целостности. Сложно принять *Другое*, оторваться от своей локальной культуры, которая является безальтернативной и навязывается для воплощения в глобальном цивилизационном проекте. А. В. Смирнов очень точно формулирует основную мысль своих размышлений: «Концепция всечеловеческого предполагает самооценку и нередуцируемость логик локальных культур, составляя важнейшее обоснование многоцивилизационного проекта» [2, с. 357–358].

В качестве предварительной гипотезы, вынесенной на суд общественности, ученый предложил следующую: «...концепция всечеловеческого опирается на интуицию всесубъектности. Интуиция невозможности утратить многообразие субъектности, как и рассмотренные интуиции субстанциональной и процессуальной логик, является интуицией целостности. Она, однако, отличается тем, что вникает не в субъект-предикатную связность, задавая ее варианты, а в межсубъектную связность. <...> Интуиция всесубъектности – это тоска по целостности после субъектности, тоска по восстановлению целостности при неутрате субъектности. <...> Преодолеть ограниченность каждой из логик (понятно, что каждая ограничена самой собою) так, чтобы каждую

из них оставить в полном расцвете, в неприкосновенности: никакого “снятия” здесь быть не может» [2, с. 358].

Но беда в другом... А. В. Смирнов это четко подмечает, констатируя наличие сегодня лишь декларируемой многополярности без конкретных усилий по ее построению, отсутствие реального проекта многоцивилизационного мира и попыток его создания, даже осознания необходимости его построения [2]. А. В. Смирнов предлагает логико-смысловой подход, который поможет выработать успешный и эффективный проект многоцивилизационного мира. В чем суть данного подхода и чем он отличается от уже известных универсалистского и цивилизационного? Он «...определяет культуру как способ смыслополагания. Культура рассматривается здесь как смыслофиксирующий феномен, как осмысленность. Логика культуры составляет стержень, удерживающий идентичность пучка культур и встраивающий его в определенный цивилизационный проект» [2, с. 355–356]. Еще раньше В. С. Стёпин подчеркивал: «Важно осмыслить перемены, происходящие в различных сферах современной культуры, и выяснить, не возникают ли здесь новые жизненные смыслы и ценности, которые потом станут зародышевыми формами нового культурно-генетического кода, обеспечивающего новый тип цивилизационного развития» [7, с. 737]. С возникновением новой цивилизационной целостности должна возникнуть и новая система ценностей, духовная матрица, регулирующая человеческую жизнедеятельность. Однако новая система ценностей в ситуации быстрых перемен без должного историко-социального отбора может создавать иллюзию будущего. Возникнет опасность пойти по ложному пути и сформировать искаженный образ новой цивилизационной целостности. Здесь во многом оправдан изначальный консерватизм культуры и ее носителей.

«Каждая большая культура – иная в отношении любой другой, но любая из них – не иная в отношении человеческого сознания, поскольку наше сознание изначально и в принципе открыто к любой из них. Это значит, что разные варианты смыслополагания, разные типы мышления и разные варианты больших культур могут и должны быть собраны, восстанавливая целостность. Собирающие после субъектности – то, что предполагает *всесубъектность*. <...> Всесубъектность – ключевое слово, на котором должно строиться успешное, работающее понимание ККБ [коллективного когнитивного бессознательного], эпистемной цепочки, индивидуального и коллективного сознания, развернутости систем культуры и общества и, возможно, в будущем на основе этого – собственного цивилизационного проекта России. Над этим стоит потрудиться. Попытки надеть чужие одежды, которыми богата история

нашей страны, пока что не принесли долговременного успеха. Стоит попытаться наконец *стать самими собой*» [2, с. 417–418].

В каждой эпохе есть свои доминанты влияния на формирование национальной идентичности. Сейчас этот процесс все больше выходит из рамок семейной традиции, принадлежности к определенной национальности, вере. Мы вступили в эпоху информационного общества, где очень многое зависит от интернета с его неограниченными возможностями. Созданный человеком виртуальный мир стал воспроизводить и закреплять в социокультурном коде нового поколения жизненные смыслы и поведенческие установки, не прошедшие адаптацию

на пригодность в реальном культурном пространстве. Здесь возможно серьезное расхождение между государственной культурной традицией, историческим опытом народа и жизненными установками нового поколения. Конечно, это механизм непрямого действия. И здесь необходимо различать, что «передают вам взрослые – мудрость, неподвластную времени, или устаревшие предрассудки» [8, с. 321]. Новые риски и вызовы, с которыми сталкиваются страны, требуют своевременных и адекватных перемен. В последнее время мир столкнулся с глобальной нестабильностью, адаптация к которой стала мотивом для перехода к новой модели цивилизационного развития.

Заключение

Сегодня мир делает очередной поворот к многополярности. А. В. Смирнов в своей новой работе отмечает, что основным противоречием текущего момента становится противоречие между декларируемым проектом многополярного мира и отсутствием проекта многоцивилизационного мира, более того, отсутствием у нынешних исследователей осознания необходимости его разработки. Нельзя не замечать, что заявили о себе новые центры культурно-цивилизационного притяжения, каждый из которых опирается на собственный цивилизационный проект. Это Китай, Индия, исламский мир. Выход к точкам роста многоцивилизационной целостности может быть вовсе не на Западе, а как раз в тех культурах, которые сохранили традиционную почву, несмотря на воздействие модернизационных процессов. И это хорошо показано в книге А. В. Смирнова. Задача состоит в том, чтобы новая многоцивилизационная целостность и стала проектом реального многополюсного мира. Поэтому, не игнорируя многовековой опыт развития греко-латино-европейской культуры, следует провести исследование логики незападных культур в данном ключе и перейти к теоретической разработке проекта многоцивилизационного мира.

А. В. Смирнов ставит под сомнение главенствующие сегодня в гуманитарных науках тезисы о том, что глобализация – это естественный процесс, глобализация экономических процессов обязательно должна сопровождаться культурно-цивилизационной глобализацией и то, что цивилизационный проект, осуществленный Западом и взятый как основа глобализации, универсален. Как правило, новая цивилизационная целостность возникает не как завершенный проект, а вырастает из глобального динамического хаоса, оставшегося от уходящей цивилизации. В процессе перехода меняются связи и отношения людей, коммуникации, способы видения мира, сознание, культура. Катализаторами цивилизационной трансформации на пути к новой целостности предстают ценности, несущие перемены жизненных смыслов под влиянием социальной жизни.

Новые риски и цивилизационные вызовы, с которыми сталкиваются страны, требуют своевременных и адекватных мер, осознания необходимости разработать концепцию многоцивилизационного мира. Начало этой работы уже положено в новой книге А. В. Смирнова «Логика смысла как философия сознания».

Библиографические ссылки

1. Синеокая ЮВ, редактор. *Реплики: философские беседы*. 2-е издание. Москва: Издательский Дом ЯСК; 2021. 1000 с.
2. Смирнов АВ. *Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению*. 2-е издание. Москва: Издательский Дом ЯСК; 2021. 440 с.
3. Стёпин ВС. *Теоретическое знание: структура, историческая эволюция*. Минск: Беларуская навука; 2021. 539 с.
4. Цаголов ГН, редактор. *Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика*. Москва: Ленанд; 2016. 256 с.
5. Урри Дж. *Как выглядит будущее?* Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; 2019. 320 с.
6. Гидденс Э. *Последствия современности*. Москва: Праксис; 2011. 352 с.
7. Стёпин ВС. *Человек. Деятельность. Культура*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2019. 796 с.
8. Харари ЮН. *21 урок для XXI века*. Москва: Синдбад; 2019. 416 с.

References

1. Sineokaya YuV, editor. *Repliki: filosofskie besedy* [Remarks: philosophical conversations]. 2nd edition. Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK; 2021. 1000 p. Russian.
2. Smirnov AV. *Logika smysla kak filosofiya soznaniya: priglashenie k razmyshleniyu* [The logic of sense as a philosophy of mind: an invitation to reflection]. 2nd edition. Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK; 2021. 440 p. Russian.
3. Stepin VS. *Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical knowledge: structure, historical evolution]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2021. 539 p. Russian.
4. Tsagolov GN, editor. *Novoe integral'noe obshchestvo. Obshcheteoreticheskie aspekty i mirovaya praktika* [The new integral society. General theoretical aspects and world practice]. Moscow: Lenand; 2016. 256 p. Russian.
5. Urry J. *What is the Future?* Cambridge: Polity; 2016. 232 p.
Russian edition: Urry J. *Kak vyglyadit budushchee?* Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS; 2019. 320 p.
6. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Redwood City: Stanford University Press; 1991. 188 p.
Russian edition: Giddens A. *Posledstviya sovremennosti*. Moscow: Praxis; 2011. 352 p.
7. Stepin VS. *Chelovek. Deyatel'nost'. Kul'tura* [Man. Activity. Culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2019. 796 p. Russian.
8. Harari YuN. *21 lessons for the 21st century*. New York: Random House; 2018. 400 p.
Russian edition: Harari YuN. *21 urok dlya XXI veka*. Moscow: Sindbad; 2019. 416 p.

Статья поступила в редколлегию 06.05.2022.
Received by editorial board 06.05.2022.

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ ОБЫДЕННОГО ПОЗНАНИЯ

Р. Н. ДОЖДИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь

Систематизированы функции обыденного познания. Эксплицированы те его функции, которые ранее не становились предметом специального философского рассмотрения: онтологическая, нормативно-регулятивная, рефлексивная, селективная, прогностическая, а также функция программирования деятельности, поведения и общения и функция воспроизводства общественной жизни. Рассмотрены когнитивные механизмы и коммуникативные схемы обыденного познания, раскрыты его экзистенциальная и методологическая функции, особенности когнитивной и цифровой социализации, специфика адаптационной функции обыденного познания на современном этапе. Сделан вывод о том, что обыденное познание – ключевой когнитивный фактор воспроизводства общественной жизни.

Ключевые слова: функции обыденного познания; систематизация; программирование деятельности, поведения и общения; воспроизводство общественной жизни.

Благодарность. Выражаем благодарность академику НАН Беларуси Е. М. Бабосову, профессору В. К. Лукашевичу и члену-корреспонденту НАН Беларуси Л. М. Томильчику за обсуждение проблем, поднятых в статье, и ценные замечания.

COGNITIVE ANALYSIS OF THE EVERYDAY COGNITION FUNCTIONS

R. N. DOZHDIKOVA^a

^aBelarusian National Technical University, 65 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220013, Belarus

As a result of the present research, the systematisation of the functions of everyday cognition was carried out, which made it possible to explicate its functions that had not previously been the subject of special philosophical consideration: ontological, regulatory, reflexive, selective, prognostic, programming function of the activity, behaviour and communication function of reproduction of social life. The cognitive mechanisms and communicative schemes of everyday cognition, its existential and methodological functions, the features of the functions of cognitive and digital socialisation, as well as the adaptive function of everyday cognition at the present stage are considered. It was concluded that everyday cognition is a key cognitive factor in the reproduction of social life.

Keywords: functions of everyday cognition; systematisation; programming of activity, behaviour and communication; reproduction of social life.

Acknowledgements. I express my gratitude to academician of the National Academy of Sciences of Belarus E. M. Babosov, full professor V. K. Lukashevich and corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus L. M. Tomilchik for discussing of the problems raised in the article and valuable critical comments.

Образец цитирования:

Дождикова РН. Когнитивный анализ функций обыденного познания. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;2:18–26.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-18-26>

For citation:

Dozhdikova RN. Cognitive analysis of the everyday cognition functions. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;2:18–26. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-18-26>

Автор:

Раиса Нуриевна Дождикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философских учений факультета технологий управления и гуманитаризации.

Author:

Raisa N. Dozhdikova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophical studies, faculty of management technologies and humanisation.
dozhdikova@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6389-7220>

Введение

Английский термин *background* ‘фон, задний (второй) план, подоплека’ удачно характеризует функциональную роль обыденности в процессе формирования личности. В данном ключе процесс обыденного познания определяет не только совокупность желаний и поступков индивида, но и их фактическую мотивацию (подоплеку). Фоновый характер повседневности приводит к тому, что он впитывается субъектом обыденного познания на подсознательном уровне с момента рождения. «В этом смысле можно упомянуть о реликтовом электромагнитном излучении (BCR: background cosmic radiation), на фоне которого проходят все физические процессы во Вселенной, практически сразу после ее “рождения”» [1, с. 60], а сегодня BCR является источником ценнейшей информации о ее прошлом, настоящем и возможном будущем. «Повседневность, рассматриваемая в качестве фона, оказывает влияние на формирование ценностных, профессиональных и иных ориентаций личности. В ходе цивилизационного развития этот фон усложняется, качественно изменяется и активизируется в смысле влияния на индивидуальное и общественное сознание, на формы деятельности, поведения и коммуникации, образ жизни и образ мыслей обычного человека» [1, с. 6]. Когнитивный анализ функций обыденного познания позволит исследовать его роль в становлении научного знания, диагностировать изменения в субъекте и объекте обыденного познания в современную цифровую эпоху, прогнозировать перспективы исследования данного феномена.

Проблема функций обыденного познания становится особенно актуальной на современном этапе развития постиндустриального общества в связи с возрастанием активности масс в социокультурной и политической сферах, появлением возможности манипулировать их поведением в политической борьбе через мобильную связь и интернет. Возникает проблема идеологического и политического самоопределения молодежи, происходящего под влиянием виртуальной реальности и так называемой мягкой силы (социально-гуманитарных технологий), в контексте обыденного познания как формы когнитивной и цифровой социализации. Когнитивное своеобразие современной ситуации состоит в том, что многие социокультурные ценно-

сти (литература, театр, живой голос артиста и певца, живое общение) утрачивают свое прежнее значение, а это позволяет говорить о известной культурной дисфункции современного индивида и переформатировании его социокультурного пространства. Кроме того, ситуация в мире характеризуется глобализацией, нестабильностью и обострением проблем, связанных с нынешним состоянием духовности, кризисом морали, усилением потребительских тенденций, общим снижением грамотности, растущей инвазией псевдонауки. Реклама, мода, социальные сети могут программировать поведение человека через механизмы обыденного познания. Поэтому важной задачей является исследование новых способов мышления, поведения, деятельности и общения современного субъекта обыденного познания, жизненный мир которого переполнен технологиями и гаджетами, простыми в применении, но сложными для понимания. Для этого необходимо изучить особенности адаптационной функции обыденного познания в современную эпоху: «.. как в зыбучих песках увязает человек в своих невиданных возможностях и достижениях – чем больше силы он применяет, тем больше в ней нуждается, и если вовремя не научиться ею пользоваться, то обречен стать вечным пленником этих зыбучих песков» [2, с. 118]. Встает проблема границ адаптивных ресурсов человека и его мозга, исследования рефлексивной функции обыденного познания и адекватного (или девиантного) существования субъекта обыденного познания в мультимедийном информационном пространстве.

Исследователи проблем повседневности отмечают значение и роль обыденного сознания и познания в обществе, но проблема их функций пока еще не становилась предметом специального философского исследования. Целью данной работы является когнитивный анализ функций обыденного познания. В связи с поставленной целью сформулированы следующие задачи: эксплицировать функции обыденного познания на основе теоретического анализа существующих исследований и практик использования данного феномена, систематизировать функции обыденного познания, выявить функции обыденного познания, которые не становились предметом специального философского рассмотрения.

Предпосылки исследования функций обыденного познания

Исследователи обыденного познания подчеркивали его особую функциональную значимость в структуре познавательной деятельности человека. Как отмечал Т. И. Ойзерман, «обыденное сознание ассимилирует опыт и знания, усваивает представления и некоторые понятия, имеющиеся в науке,

но не проявляет самостоятельности в оценке их познавательной ценности; люди применяют эти знания как определенные стереотипы для ориентации в сфере своих повседневных, непрофессиональных занятий и интересов» [3, с. 123]. Кроме того, обыденное сознание аккумулирует «не только привычные

восприятия и представления, не выходящие за пределы непосредственно окружающей человека жизненной обстановки, но и многообразный, в особенности производственный, опыт людей, который служит основой для научных выводов» [3, с. 122]. Таким образом, обыденное познание – это процесс ассимиляции и аккумуляции знаний.

Е. А. Кукушкина, рассматривая обыденное познание как основу нерелефлексивного сознания, «особый тип отношения к действительности, неотделимый от конкретной жизненной ситуации», утверждала, что оно является «предпосылкой осмысления действительности во всех его видах» [4, с. 69]. С ее точки зрения, главной функцией обыденного познания является «переработка всего теоретического и опытного материала, добытого за его пределами, и преобразование его в форму практических знаний, необходимых как средство ориентации в повседневной практике» [4, с. 70]. Таким образом, обыденное познание выполняет не только функцию переработки теоретического и опытного материала, но и выступает средством ориентации в повседневной практике, предпосылкой осмысления действительности.

Б. Я. Пукшанский в своих работах рассматривал обыденное познание как элемент обыденного сознания [5, с. 74]. Согласно подходу Б. Я. Пукшанского обыденное сознание является «регулятором человеческого поведения и общения» [6, с. 20]. Обыденное знание направлено «на практическое решение повседневных хозяйственных и культурных задач, связанных с собственно человеческими (практическими или духовными) потребностями», помогает человеку ориентироваться в социально-предметной среде [6, с. 97–98]. Следовательно, можно говорить

о практической и ориентационной функциях обыденного познания.

В фундаментальном исследовании И. Т. Касавина и С. П. Щавелева сделан вывод о том, что «повседневность как познание выражается в процессе когнитивной социализации, адаптации к условиям и вживания в архетипы» [7, с. 414]. И. Т. Касавин отмечает, что «необходимость повседневности как реальности, сознания и знания состоит в том, что она представляет собой: а) материал для творческого преобразования; б) область исследования методов путем решения стандартных задач “разгадывания головоломок”; в) способ освоения и фиксации творческих достижений; г) свободное пространство рекреации и переключения на иные виды деятельности»¹. Исходя из данной теоретической позиции, можно сделать вывод о том, что в культуре любого общества обыденное познание выполняет функции адаптации к условиям, вживания в архетипы, фиксации и усвоения творческих достижений, а также когнитивной социализации и рекреации.

Упомянутые исследователи обыденного познания выделили важные когнитивные функции: переработки, ассимиляции, аккумуляции знания, осмысления действительности, ориентации людей, адаптации к условиям, вживания в архетипы, фиксации, усвоения творческих достижений, когнитивной социализации и рекреации. На основании данных предпосылок нашего исследования мы выявили функции усвоения и потребления научных достижений, а также предпосылочную функцию обыденного познания и пришли к выводу о необходимости исследовать особенности когнитивной социализации и адаптационной функции обыденного познания в современном цифровом обществе.

Методология исследования и проблема систематизации функций обыденного познания

К. Поппер справедливо отмечал методологические трудности анализа обыденного познания, а также то, что научное знание, по сути, является расширением обыденного знания: «К проблематике эпистемологии можно подходить с двух сторон: (1) как к проблемам обычного или обыденного знания или (2) как к проблемам научного знания. Философы, тяготеющие к первому подходу, совершенно верно считают, что научное знание не может быть не чем иным, как расширением обыденного знания. Однако они при этом ошибочно считают, что из двух указанных видов знания легче анализировать обыденное знание» [8, с. 13–14]. Данное понимание соотношения обыденного и научного знания позволяет применить «схему объекта» и «схему метода» научного познания [9, с. 260] к анализу функций

обыденного познания, осуществить их систематизацию. Метод систематизации является продуктивной схемой исследования, которая позволяет искать и находить функции там, где никто их не искал.

По утверждению В. А. Лекторского, необходимым условием допуска результата деятельности ученого в систему научного знания является овладение содержанием и исследовательскими методами образцовых теорий, служащих парадигмой исследования [10, с. 6]. Опираясь на данную методологическую установку, в качестве образцовой теории мы рассматриваем гносеологическую парадигму В. С. Степина. Такой методологический подход позволяет нам выделить следующие основания обыденного познания: 1) картина жизненного мира; 2) идеалы и нормы обыденного познания; 3) философия здра-

¹Повседневность // Энцикл. эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. М. : Канон+, 2009. С. 706.

вого смысла [11, с. 263–264]. Это структурирование обыденного познания можно положить в основу систематизации функций обыденного познания и выделить его когнитивные элементы (предметное, нормативное и рефлексивное знание), что соответствует концепции креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания в научном поиске В. К. Лукашевича [12, с. 10]. В. С. Степин и Л. Ф. Кузнецова выделили следующие функции научной картины мира: онтологическую, эвристическую, интегративно-систематизирующую и мировоззренческую [13, с. 250]. С нашей точки зрения, некоторые из этих функций являются также функциями картины жизненного мира.

На основании данного методологического подхода можно утверждать, что обыденное познание на уровне картины жизненного мира выполняет онтологическую, мировоззренческую и эвристическую функции, способствует получению субъектом обыденного познания предметного знания о своем жизненном мире, синтезу, интерпретации и трансляции различных форм знания (функции синтеза и интерпретации), программирует поведение, деятельность и общение субъекта обыденного познания. Картина жизненного мира может выполнять эвристическую функцию, вдохновлять субъекта обыденного и научного познания на различного рода открытия и творческие свершения.

С идеалами и нормами обыденного познания связана нормативно-регулятивная функция обыденного познания, а также получение нормативного знания о мире человеческой деятельности. На уровне философии здравого смысла появляются элементы рефлексивного знания о преобразованном мире и самом себе. В данном контексте философия здравого смысла осуществляет рефлексивную функцию, а также функцию сохранения и трансляции жизненного опыта. Кроме того, обыденное познание выполняет важную прогностическую и экзистенциальную функции, так как здравый смысл (философия здравого смысла) позволяет достаточно эффективно оценивать и прогнозировать динамику и исход той

или иной жизненной ситуации. Обыденное познание на уровне здравого смысла выполняет селективную функцию, помогает отличать существенное от случайного и неважного и выбирать то решение, которое принесет пользу. Именно в контексте обыденного познания происходят воспроизводство мировоззрения эпохи, формирование и дальнейшая модернизация собственной обобщенной картины жизненного мира, которая помогает индивиду ориентироваться и действовать [14, с. 197]. В повседневной жизни происходят прагматический отбор и селекция ценностей, соответствующих мировоззрению эпохи, типу цивилизационного развития.

Говоря о методологических подходах к анализу социального познания, В. С. Степин подчеркивал значение обыденного познания, которое «программирует поведение людей даже намного больше, чем наука» [15, с. 3]. Обыденное познание выполняет функцию субъектного программирования не только соответствующих ценностных ориентиров, идеалов и норм (аксиологическая функция), но и образа жизни, определенных форм и способов познания (социально-когнитивная функция), обуславливает поведение и общение людей (праксеологическая и коммуникативная функции), координирует их действия (координирующая функция). Исследование обыденного познания позволит понять чрезвычайно важный для социума механизм формирования девиантных моделей поведения, которые складываются у индивида под влиянием виртуальной реальности, агрессивных компьютерных игр и интернета, порой на подсознательном уровне. Частое погружение в киберпространство может приводить субъекта обыденного познания к формированию игровой и интернет-зависимости, возрастанию агрессивности и жестокости. Механизмы формирования девиантного поведения действуют на уровне обыденного познания, что обуславливает важность и необходимость его исследования. В известном смысле повседневное познание выступает как фактор самоопределения (в том числе девиантного) молодежи.

Особенности обыденного познания как формы когнитивной социализации на современном этапе

Функция когнитивной социализации, выполняемая обыденным познанием, связана с функциями воспитания и самовоспитания, образования и самообразования, обучения и самообучения субъекта обыденного познания. В процессе социализации субъект обыденного познания усваивает соответствующие программы поведения, общения и деятельности. Разрабатывая планы собственной жизнедеятельности, индивид занимается, по сути, самопрограммированием.

Проблема обыденного познания приобретает особую остроту в связи с тем, что «новые когнитив-

ные и информационные технологии взрывают привычные жизненные миры» [16, с. 33]. Это приводит к качественным сдвигам в образе жизни, общении, языке, иных структурах повседневности. На современном этапе информационного общества обыденное познание осуществляет функцию цифровой социализации индивида, связанную с цифровыми возможностями его познавательной деятельности, общения и поведения. Поскольку происходит расширение объекта обыденного познания, его субъект тоже изменяется, так как цифровая социализация привела к появлению «цифрового человека», модели

поведения и программы общения которого задаются прежде всего возможностями социальных сетей, смартфонов, электронных средств коммуникации. «Цифру можно назвать своеобразной точкой роста различных видов цифровой реальности: цифровой культуры, науки, дигитальных технологий, человека цифровой реальности (поколения Z), цифровой экономики, дигитального капитализма» [1, с. 9], дигитальной философии, цифrogenной цивилизации как нового этапа техногенной цивилизации. У субъекта обыденного познания оцифрованы доходы, расходы, работа, заработок, удовольствия и развлечения. Информационные технологии превратили мир в тотально связанную смарт-среду: «Благодаря обыкновенному, вполне доступному смартфону каждый может позволить себе общаться со всем миром в режиме реального времени» [17, с. 24]. Но подобная тотальная связь всех со всеми мешает нормальной жизни и деятельности человека, его мозга, создает проблемы и перегрузки, ведь человеческий мозг не в состоянии осуществить селекцию, обработку и усвоение всей получаемой информации. Будущее же общества зависит от того, сможет ли человек справиться с постоянно растущей информационной нагрузкой, ведь для него жизненно важна не вся информация, а только та, что соответствует его нуждам и интересам.

Проблема состоит в том, что субъект обыденного познания не соблюдает правила умственной гигиены, подвергает себя воздействию стрессов, напряжений, шоковых потрясений, хотя «...и психическим, и умственным способностям человека тоже свойственны различного рода ограничения. <...> Возможно, в погоне за прогрессом мы уже внесли в свою жизнь такие изменения, которые превышают наши способности к адаптации» [2, с. 158]. По-видимому, адаптационная функция обыденного познания имеет пределы. Встает задача согласования «жизненного мира с новыми расширенными представлениями о реальности» [18, с. 72], так как субъект обыденного

познания имеет дело с различными ее видами: цифровой, виртуальной, игровой реальностью, смарт-реальностью, нанореальностью, а также псевдореальностью. «В море информации много сознательно фабрикуемой лжи», поэтому обычный человек в повседневной жизни «все больше окружается миром фантомов и симулякров» [18, с. 70, 81], ему очень трудно отделить зерна от плевел, найти надежные ориентиры в мире дезинформации.

Лавина информации, обрушившаяся на субъект обыденного познания, выходит за пределы его информационных потребностей и превращается в информационный шум, который мешает ему адекватно действовать в новом цифровом мире. Индивид перестает удивляться новому. Можно сказать, притупляется умение удивляться и утрачивается свежесть восприятия, необходимые, например, для творчества. Утрата способности удивляться – это тревожный симптом, сигнализирующий об интеллектуальном неблагополучии современного человека. Особенностью цифровой социализации нашего времени является «неизлечимая неразвитость» [2, с. 158]. К сожалению, субъект обыденного познания ищет ответы на встающие перед ним вопросы не в своей голове, а в интернете, т. е. без собственного критического осмысления. Часто он так и остается на уровне детского мышления и мировоззрения. Инфантилизм становится болезнью многих молодых людей: «Цифровизация приводит к деинтеллектуализации общества в целом. Никогда человечество не имело таких возможностей для обогащения духовного мира индивидов. Но никогда общий интеллектуальный уровень людей не падал так низко, как в настоящее время» [19, с. 51]. Исследование цифровой социализации позволяет диагностировать состояние социального здоровья общества, выявить проблемы адаптационной функции обыденного познания, связанные с психофизическими возможностями индивида, вскрывает корни изменений в современной культуре.

Когнитивные механизмы и коммуникативные схемы обыденного познания

Обыденное познание осуществляет прием и переработку первичной информации, которая связана с индивидуальным психосоматическим познанием индивида, а также вторичной информации, полученной в результате домашнего воспитания, обучения и общения через СМИ, семейный, учебный, трудовой, коммуникативный и коллективный опыт, intersubъективное, нарративное и книжное познание. В этом смысле обыденное познание является важным интегрирующим фактором полученной информации. В процессе обыденного познания формируются общераспространенные точки зрения – то, что мы называем общественным мнением. Субъект обыденного познания постигает мировоззренческие

универсалии, например добро и справедливость, как специфические стандарты жизнедеятельности, определенный образ жизни. Именно через механизмы и практики обыденного познания происходит освоение существующего образа жизни, вживание в него, постижение правды, цели и смысла существования. В этом также проявляется экзистенциальная функция обыденного познания, которое помогает человеку жить, работать, общаться.

Первоначальным когнитивным механизмом обыденного познания является подражание, начинающееся в детском возрасте. Основой подражания выступает условно-рефлекторное повторение (копирование) определенных моделей поведения

в сочетании с верой в авторитет родителей, учителей, мастеров трудового обучения, а также в подлинность приобретаемых знаний и умений. Подражание – основа обыденного познания. Подражание образцам деятельности, поведения и общения происходит в семье, учебном или трудовом коллективе, других социальных группах. Применяя те или иные предметы и средства деятельности в быту, на производстве и даже на отдыхе, человек открывает их свойства, функции, полезность или вредность, а также свои способности и возможности действия. Подобные открытия начинаются с игровой деятельности ребенка. Игра является приемом обыденной познавательной деятельности, в которой игрушки, куклы, шахматы являются своего рода моделями реальных людей, ситуаций и процессов, развивают абстрактное мышление, способность к обобщениям и интерпретации. Детская игра – это способ моделирования тех или иных житейских ситуаций, общественных отношений, подготовка ко взрослой жизни. «Игровое моделирование является одним из способов обыденного познания, когнитивной социализации в целом. В дальнейшем игровое моделирование становится методом технического программного моделирования и прогнозирования, обучения не только детей, но и машин (компьютеров). Можно сказать, что игровое моделирование – своеобразная точка роста для различных видов познавательной, образовательной и технической деятельности» [1, с. 48]. Такие приемы познавательной деятельности, как подражание, анализ, синтез, моделирование, интерпретация и аналогия, формируются в процессе повседневной жизнедеятельности уже в детстве. Таким образом, обыденное познание осуществляет методологическую функцию. В данном контексте обыденное познание – это рецептурное познание, раскрывающее механизм, алгоритмы решения тех или иных проблем, позволяющее узнать, как выполнять конкретные повседневные действия, реализовывать соответствующие программы деятельности, поведения и общения, жизненные стратегии и технологии. Приобщение к культурным, политическим и идеологическим ценностям осуществляется через механизмы и практики обыденного познания.

Согласно подходу В. С. Степина предметный мир повседневности (одежда, мебель, техническое обустройство быта) может быть представлен в качестве набора кодов, своеобразного текста, сообщающего о человеческой жизнедеятельности в определенную историческую эпоху [20, с. 40]. Этот набор кодов нуждается в расшифровке. Существует символика жестов, танцев, взглядов, любовных посланий и цветов, а также действий и поступков. Наши болезни,

страдания и потери могут быть своего рода знаком, который надо расшифровать, шансом что-то понять и возможностью «одуматься и сосредоточиться на самом жизненно-существенном» [21, с. 777]. Можно утверждать, что человек – ученик школы возможностей. Возможности воспитывают его, учат жизненному оптимизму и нравственному выбору, ведь существует множество возможностей поступить плохо и лишь одна – совершить нравственно достойный поступок. «Совершать поступок можно по-разному (ибо зло, как образно выражались пифагорейцы, принадлежит беспредельному, а благо – определенному), между тем как поступать правильно можно одним-единственным способом (недаром первое легко, а второе трудно, ведь легко промахнуться, трудно попасть в цель)» [22, с. 86]. Существует язык вещей, событий и поступков. Даже молчание и бездействие могут быть красноречивыми. Американский психолог П. Вацлавик подчеркивал, что молчание содержит экзистенциальное сообщение: «Все поведение в ситуации интеракции имеет ценность сообщения. <...> Деятельность и бездействие, слово и молчание – все имеет ценность сообщения» [23, с. 43–44]. Коммуникативные «ключи» содержит вся невербальная коммуникация: позы, жесты, выражение лица, интонация голоса и все остальные невербальные проявления [23, с. 59]. В этом смысле существует экзистенциальное определение истины, которое проявляется в процессе непосредственной коммуникации, так как язык жестов и телодвижений может сигнализировать об истинных намерениях человека и даже о том, говорит он правду или нет.

«Познание – это философская категория, описывающая процесс построения идеальных планов деятельности и общения, создания знаково-символических систем, опосредствующих взаимодействие человека с миром и другими людьми в ходе синтеза различных контекстов опыта»². Исходя из данного определения познания и концепции культуры В. С. Степина, можно сделать вывод о том, что не только научное, но и прежде всего обыденное познание – это освоение надбиологических программ общения, поведения и деятельности, характерных для культуры и той или иной социокультурной прослойки данного общества (например, национальной, конфессиональной). В процессе этого освоения происходит синтез различных типов опыта. Такое понимание обыденного познания позволяет говорить о его социокультурной функции, связанной с функцией синтеза и интерпретации различных типов опыта, практик производства и потребления знания в процессе когнитивной социализации.

²Познание // Новая филос. энцикл. Т. 3 / под ред. И. Т. Касавина. М. : Мысль, 2001. С. 259.

Обыденное познание – ключевой когнитивный фактор воспроизводства общественной жизни

Надбиологические программы деятельности, поведения и общения, сложившиеся в процессе исторического развития той или иной культуры, «...накладываются на генетические программы человека. Состыковка этих программ происходит в процессе социализации, обучения и воспитания. Для одних индивидов этот процесс протекает относительно безболезненно, у других он вызывает серьезные трудности» [24, с. 50]. Состыковка биологических и надбиологических программ деятельности, поведения и общения происходит через механизмы обыденного познания, а научный анализ этого процесса позволит не только понять истоки и проблемы самоопределения молодежи, но и перспективы изменения программ ее жизнедеятельности. В процессе обыденного познания происходит разучивание укорененных в традициях и культуре сценариев поведения, а также их имманентная реконструкция. Обыденное познание выполняет функции трансляции социокультурного опыта и воспроизводства общественной жизни, важнейшие для выживания человека, сохранения, воспроизводства и дальнейшего развития его культурной среды. Обычаи, традиции, ритуалы, правила, стандарты, мировоззренческие универсалии – это способы фиксации и трансляции социального опыта, социокода. Они являются своего рода надбиологическими программами поведения и действий людей. Так, памятник русской литературы XVI в. «Домострой» – это свод житейских правил и наставлений, защищающий принципы патриархального быта и семьи. Учебником житейской мудрости является и памятник русской литературы XVIII в. «Юности честное зерцало», в первой главе которого говорится о том, «что самое важное, дети должны уважать и чествовать своего отца и свою мать» [25, с. 149]. Можно рассматривать «Домострой» и «Юности честное зерцало» как определенный пакет программ поведения, общения и деятельности, выработанный в процессе обыденного познания и завещанный нам прошлыми поколениями. Данные памятники русской культуры содержат архетипы национального характера, учат быть справедливыми, честными, добросердечными, воспитывают качества хозяина и чувство собственного достоинства. В процессе освоения этих глубинных программ и культурных традиций через механизмы обыденного познания и образования происходит воспроизводство общественной жизни, так как традиция осуществляет «в развитии культуры

ту же функцию, какую геном выполняет в изменении видов» [26, с. 37]. В обыденном познании отражаются, транслируются и реконструируются традиционные для данного общества потребности, модели и стереотипы деятельности, поведения и общения, традиционный образ жизни.

Именно в обыденном познании происходит освоение социокодов, «воспроизводство соответствующих видов деятельности, поведения и общения и воссоздание определенных типов социальной жизни» [20, с. 41]. Обыденное познание филогенетически (как исторически развивающийся социокультурный феномен), онтогенетически (как индивидуальный житейский опыт, формирующийся с рождения до зрелого состояния) пронизывает все формы социального познания, включая научное. В этом смысле обыденное познание является всеобщим. Мировоззренческие универсалии через систему воспитания, образования влияют на смысложизненные ориентиры конкретного человека, определяют характер его социализации, картину мира, отношение к науке. Благодаря категориальной упаковке социального опыта в процессе обыденного познания происходит его усвоение, а также трансляция стереотипов мышления и деятельности, шаблонов поведения, социальных кодов общения, например золотого правила нравственности. Предшествующий социокультурный опыт программирует деятельность, поведение и общение субъекта обыденного познания. Социокультурная трансляция жизненных смыслов осуществляется также через повседневные нарративы (житейские истории, легенды, басни, анекдоты и остроты), которые складываются или сочиняются на ходу, как импровизация на заданную тему. В этом проявляется функция нарративной интерпретации обыденного знания. Опираясь на транслируемый через механизмы обыденного познания социальный и исторический опыт, человек оказывается способным к активной деятельности. Через механизмы и практики обыденного познания транслируются и воспроизводятся традиционные промыслы (Палеха, Гжели, Хохломы, Жостово, Тулы, Вологды) и способы решения типичных производственных и жизненных задач. Обыденное познание генерирует, транслирует и реконструирует определенные образцы и когнитивные схемы поведения, деятельности и общения, поэтому является ключевым когнитивным фактором воспроизводства общественной жизни.

Заключение

Анализ теоретических предпосылок исследования функций обыденного познания позволил эксплицировать следующие его функции: первичной

переработки и ассимиляции полученной теоретической и практической информации, аккумуляции нового опыта и знаний, ориентации субъекта обы-

денного познания в повседневной жизни, осмысления действительности, а также функции адаптации к условиям, вживания в архетипы, фиксации и усвоения творческих достижений, когнитивной социализации и рекреации. На основании данного анализа мы выявили функции усвоения и потребления научных достижений, а также предпосылочную функцию обыденного познания. Нами систематизированы функции обыденного познания на основании следующих критериев: картины жизненного мира, идеалов и норм обыденного познания, философии здравого смысла. Метод систематизации оказался продуктивной схемой исследования, которая позволила эксплицировать такие функции обыденного познания, которые ранее не были выделены в качестве таковых: онтологическую, нормативно-регулятивную, рефлексивно-прогностическую, селективную, координационную, экзистенциальную, функцию программирования поведения, деятельности и общения субъекта обыденного познания, а также воспроизводства общественной жизни. Обыденное познание выполняет функцию социокультурного и субъектного программирования не только ценностных ориентиров, идеалов и норм обыденного познания (аксиологическая функция), но и образа жизни, определенных форм и способов познания (социально-когнитивная функция). Функ-

ция когнитивной социализации обыденного познания рассмотрена в связи с функциями воспитания и самовоспитания, образования и самообразования, обучения и самообучения субъекта обыденного познания. Такое понимание обыденного познания позволяет говорить о социокультурной функции обыденного познания, связанной с функцией синтеза и интерпретации различных типов опыта в процессе когнитивной социализации. На современном этапе информационного общества обыденное познание осуществляет функцию цифровой социализации индивида, связанную с цифровыми возможностями его познавательной деятельности, общения и поведения. Происходит изменение субъекта и объекта обыденного познания. Рассмотрены когнитивные механизмы и коммуникативные схемы обыденного познания, его методологическая функция, а также функции производства, потребления и нарративной интерпретации знания. В процессе обыденного познания формируются общераспространенные точки зрения – то, что называют общественным мнением. Таким образом, обыденное познание генерирует, транслирует и реконструирует определенные образцы и когнитивные схемы поведения, деятельности и общения, является ключевым когнитивным фактором воспроизводства общественной жизни.

Библиографические ссылки

1. Дождикова РН. *Обыденное познание в контексте цивилизационного развития*. Минск: БНТУ; 2020. 210 с.
2. Печчеи А. *Человеческие качества*. 2-е издание. Захарова ОВ, переводчик. Москва: Прогресс; 1985. 312 с.
3. Ойзерман ТИ. Философия и обыденное сознание. *Вопросы философии*. 1967;4:119–130.
4. Кукушкина ЕА. *Познание, язык, культура*. Москва: Издательство МГУ; 1984. 264 с.
5. Пукшанский БЯ. Обыденное и научное познание, их диалектическое взаимодействие. В: Козлова МС, редактор. *Диалектика познания. Компоненты. Аспекты. Уровни*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1983. с. 70–75.
6. Пукшанский БЯ. *Обыденное знание*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1987. 154 с.
7. Касавин ИТ, Щавелев СП. *Анализ повседневности*. Москва: Канон+; 2004. 432 с.
8. Поппер К. *Логика научного исследования*. Садовский ВН, редактор, переводчик. Москва: АСТ; 2010. 576 с. Совместно с издательством «Астрель».
9. Степин ВС. *Теоретическое знание*. Москва: Прогресс-Традиция; 2003. 744 с.
10. Лекторский ВА. *Субъект. Объект. Познание*. Москва: Наука; 1980. 358 с.
11. Дождикова РН. Современная структура обыденного познания. *Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук*. 2021;66(3):263–270. DOI: 10.29235/2524-2369-2021-66-3-263-270.
12. Лукашевич ВК. *Креативное взаимодействие предметного, нормативного и рефлексивного знания в научном поиске*. Минск: Беларуская навука; 2019. 299 с.
13. Степин ВС, Кузнецова ЛФ. *Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации*. Москва: ИФРАН; 1994. 274 с.
14. Дождикова РН. Специфика обыденного познания и формирование образа науки в общественном сознании. *Вопросы философии*. 2018;7:196–206. DOI: 10.31857/S004287440000241-0.
15. Степин ВС. О методологических подходах к анализу социального познания. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2014;3:3–10.
16. Лекторский ВА, Филатов ВП, Черткова ЕЛ, Труфанова ЕО, Смирнова НМ, Пружинин БИ и др. Современные тенденции развития эпистемологии (материалы круглого стола). *Вопросы философии*. 2018;10:31–66. DOI: 10.31857/S004287440001151-1.
17. Скинер К. *Человек цифровой*. Сивченко ОЮ, переводчик. Москва: Манн, Иванов и Фербер; 2019. 304 с.
18. Лекторский ВА. *Философия, познание, культура*. Москва: Канон+; 2012. Совместно с РООИ «Реабилитация».
19. Гобозов ИА. Цифровизация общества и деинтеллектуализация. *Философия и общество*. 2021;3:35–54. DOI: 10.30884/jfo/2021.03.02.
20. Степин ВС. *Философская антропология и философия культуры*. Москва: Альма Матер; 2015. 544 с. Совместно с издательством «Академический проект».

21. Ильин ИА. *Почему мы верим в Россию*. Москва: Эксмо; 2006. 912 с.
22. Аристотель. *Сочинения в четырех томах. Том 4*. Доватур АИ, редактор. Москва: Мысль; 1983. 830 с. (Философское наследие; том 90).
23. Вацлавик П, Бивин Д, Джексон Д. *Прагматика человеческих коммуникаций: изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия*. Суворова А, переводчик. Москва: Апрель-Пресс; 2000. 320 с. Совместно с издательством «Эксмо». (Психология. XX век).
24. Степин ВС. *Цивилизация и культура*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2011. 408 с.
25. Прохоров ГС, переводчик. *Домострой. Юности честное зерцало*. Санкт-Петербург: Азбука-классика; 2008. 208 с.
26. Лоренц К. *Оборотная сторона зеркала*. Федоров АН, Швейник ГФ, переводчики. Москва: Республика; 1998. 393 с. (Мыслители XX века).

References

1. Dozhdikova RN. *Obydennoe poznanie v kontekste civilizatsionnogo razvitiya* [Everyday cognition in the context of civilizational development]. Minsk: Belarusian National Technical University; 2020. 210 p. Russian.
2. Peccei A. *The human quality*. Oxford: Pergamon Press; 1977. 214 p.
Russian edition: Peccei A. *Chelovecheskie kachestva*. 2nd edition. Zakharova OV, translator. Moscow: Progress; 1985. 312 p.
3. Oizerman TI. [Philosophy and everyday consciousness]. *Voprosy filosofii*. 1967;4:119–130. Russian.
4. Kukushkina EA. *Poznanie, yazyk, kul'tura* [Cognition, language, culture]. Moscow: Publishing House of Lomonosov Moscow State University; 1984. 264 p. Russian.
5. Pukshanskii BYa. [Everyday and scientific cognition, their dialectical interaction]. In: Kozlova MS, editor. *Dialektika poznaniya. Komponenty. Aspekty. Urovni* [Dialectics of cognition. Components. Aspects. Levels]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1983. p. 70–75. Russian.
6. Pukshanskii BYa. *Obydennoe znanie* [Everyday knowledge]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1987. 154 p. Russian.
7. Kasavin IT, Shchavalev SP. *Analiz povsednevnosti* [Analysis of everyday life]. Moscow: Kanon+; 2004. 432 p. Russian.
8. Popper K. *The logic of scientific discovery*. Routledge: Taylor & Francis group; 2002. 544 p.
Russian edition: Popper K. *Logika nauchnogo issledovaniya*. Moscow: AST; 2010. 576 p. Co-published by the «Astrel».
9. Stepin VS. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya; 2003. 744 p. Russian.
10. Lektorskii VA. *Sub'ekt. Ob'ekt. Poznanie* [Subject. Object. Cognition]. Moscow: Nauka; 1980. 358 p. Russian.
11. Dozhdikova RN. Modern structure of everyday cognition. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*. 2021;66(3):263–270. Russian. DOI: 10.29235/2524-2369-2021-66-3-263-270.
12. Lukashevich VK. *Kreativnoe vzaimodeistvie predmetnogo, normativnogo i refleksivnogo znaniya v nauchnom poiske* [Creative interaction of subject, normative and reflexive knowledge in scientific search]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2019. 299 p. Russian.
13. Stepin VS, Kuznetsova LF. *Nauchnaya kartina mira v kul'ture tekhnogennoi tsivilizatsii* [The scientific picture of the world in the culture of technogenic civilisation]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 1994. 274 p. Russian.
14. Dozhdikova RN. Special features of everyday cognition and the development of an image of science in social consciousness. *Voprosy filosofii*. 2018;7:196–206. Russian. DOI: 10.31857/S004287440000241-0.
15. Stepin VS. On the methodological approaches to the social cognition analysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 2014;3:3–10. Russian.
16. Lektorskii VA, Filatov VP, Chertkova EL, Trufanova EO, Smirnova NM, Pruzhinin BI, et al. Contemporary tendencies of epistemology's development (round table discussion). *Voprosy filosofii*. 2018;10:31–66. Russian. DOI: 10.31857/S004287440001151-1.
17. Skinner Ch. *Digital human*. Singapore: Marshall Cavendish Bussiness; 2018. 400 p.
Russian edition: Skinner Ch. *Chelovek tsifrovoy*. Sivchenko OYu, translator. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2019. 304 p.
18. Lektorskii VA. *Filosofiya, poznanie, kul'tura* [Philosophy, cognition, culture]. Moscow: Kanon+; 2012. Co-published by the ROOI «Reabilitatsiya». Russian.
19. Gobofov IA. [Digitalisation of society and de-intellectualisation]. *Filosofiya i obshchestvo*. 2021;3:35–54. Russian. DOI: 10.30884/jfio/2021.03.02.
20. Stepin VS. *Filosofskaya antropologiya i filosofiya kul'tury* [Philosophical anthropology and philosophy of culture]. Moscow: Al'ma Mater; 2015. 544 p. Co-published by the «Akademicheskii proekt». Russian.
21. Il'in IA. *Pochemu my verim v Rossiyu* [Why do we believe in Russia]. Moscow: Eksmo; 2006. 912 p. Russian.
22. Aristotel'. *Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 4* [Works in four volumes. Volume 4]. Dovatur AI, editor. Moscow: Mysl'; 1983. 830 p. (Philosophical heritage; volume 90). Russian.
23. Vatslavik P, Bivin D, Dzhekson D. *Pragmatika chelovecheskikh kommunikatsii: izuchenie patternov, patologii i paradoksov vzaimodeistviya* [Pragmatics of human communications: the study of patterns, pathologies and paradoxes of interaction]. Suvorova A, translator. Moscow: April-Press; 2000. 320 p. (Psychology. 20th century). Co-published by the «Eksmo». Russian.
24. Stepin VS. *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilisation and culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2011. 408 p. Russian.
25. Prokhorov GS, translator. *Domostroi. Yunosti chestnoe zertsalo* [Domostroy. Youth is an honest mirror]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika; 2008. 208 p. Russian.
26. Lorenz K. *Die Rückseite des Spiegels*. München: Piper Verlag; 1973. 338 S.
Russian edition: Lorenz K. *Obrotnaya storona zerkala*. Fedorova AI, Shveinik GF, translators. Moscow: Respublika; 1998. 393 p. (Myisliteli XX veka).

Статья поступила в редколлегию 16.05.2022.
Received by editorial board 16.05.2022.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ОБЩЕСТВО ГРАЖДАН: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Г. М. ЕВЕЛЬКИН¹⁾

¹⁾Институт национальной безопасности Республики Беларусь, ул. Зм. Бядули, 2, 220032, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются проблемные характеристики фундаментальных понятий «гражданское общество» и «общество граждан», истоки и основы их формирования с позиции современных взглядов на социально-политические процессы. Исследуются такие категории, как социально-экономическая стабильность, социально-политическая ситуация и др. Предпринимается попытка представить социальные процессы в их взаимосвязи с экономическими, духовными, политическими и иными проявлениями массового сознания. Описываются либеральная и диалектическая модели государственного устройства.

Ключевые слова: гражданское общество; общество граждан; стабильность; социум; политическая сфера общества; экономическая сфера общества; духовная сфера общества; социальная сфера общества; либеральная и диалектическая модели взаимоотношений личности, общества и государства.

CIVIL SOCIETY AND SOCIETY OF CITIZENS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

G. M. EVELKIN^a

^aNational Security Institute of the Republic of Belarus, 2 Zm. Biaduli Street, Minsk 220032, Belarus

The problematic characteristics of the fundamental concepts of «civil society» and «society of citizens», the origins and foundations of their formation from the standpoint of modern views on socio-political processes are considered. Such categories as socio-economic stability, socio-political situation are being explored. An attempt is made to describe social processes in their relationship with economic, spiritual, political and other manifestations of mass consciousness. The liberal and dialectical models of the state system are described.

Keywords: civil society; society of citizens; stability; society; the political sphere of society; economic sphere of society; spiritual sphere of society; social sphere of society; liberal and dialectical models of the relationship between the individual, society and the state.

Введение

В современных условиях проблема национальной безопасности связана не только с экономикой и международными отношениями. Основой любой государственности являются люди, в частности

их отношение к государству, в котором они живут, восприятие власти в стране, духовные и социокультурные традиции, а также принципы взаимодействия личности, общества и государства. Порядок

Образец цитирования:

Евелькин ГМ. Гражданское общество и общество граждан: теоретико-методологический аспект. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;2:27–35.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-27-35>

For citation:

Evelkin GM. Civil society and society of citizens: theoretical and methodological aspect. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;2:27–35. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-27-35>

Автор:

Георгий Михайлович Евелькин – доктор социологических наук, профессор; профессор специальной кафедры.

Author:

Georgiy M. Evelkin, doctor of science (sociology), full professor; professor at the special department.
lag121@mail.ru

и стабильность в обществе обеспечивают национальную безопасность, особенно в условиях динамичного развития мира и появления геополитических угроз.

Развитие современного общества и государства зависит от ряда факторов:

- модели взаимоотношений личности, общества и государства;

- системных характеристик общества граждан;
- духовной сферы общества как основы национального единства.

Рассмотрим каждый из выделенных факторов и проанализируем возможные направления развития общества и государства с учетом культурных традиций и специфики духовной сферы.

Концептуализация понятий «общество граждан» и «гражданское общество»

При описании социальных процессов наиболее активно используются термины «социально-политическая ситуация», «социально-экономическая ситуация», «социокультурная ситуация», содержание которых воспринимается достаточно определенно. При этом содержание понятия «социальные процессы» до сих пор не имеет четкой интерпретации. Незаменимым инструментарием для описания социальных процессов и конкретной социальной системы выступает ряд взаимосвязанных понятий: «состояние», «порядок», «стабильность», «ситуация» и др. Рассмотрим их подробнее.

Понятие «состояние» в настоящее время является общеметодологической категорией, изучение которой стимулируется потребностями практики в области учебной и трудовой деятельности, спорта, космонавтики, психогигиены и т. д. Состояние характеризует существование объектов и явлений, реализацию бытия в данный и последующие моменты времени [1]. Говоря о порядке как об одной из характеристик состояния общества и государства, необходимо отметить, что он (как и беспорядок) отражает состояние организованности (неорганизованности) в пределах определенной системы. В энциклопедических источниках порядок трактуется как ясная и четкая организация какой-либо сферы действительности. Понятие «стабильность» А. Г. Караткевич интерпретирует как гражданский порядок, легитимность и надежность управления, социальная справедливость и социальная ответственность [2]. При этом стабильность общества можно трактовать и как устойчивость социального порядка, защиту прав людей. А. О. Ярославцева трактует стабильность как способность системы функционировать, не изменяя собственную структуру и находясь при этом в равновесии [3]. Стабильность общественного функционирования является противоположностью его нестабильности. Данная дихотомия позволяет взвешенно, объективно рассматривать социальные процессы в обществе и государстве. Понятие «ситуация» обозначает сочетание условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку, положение, а также систему внешних по отношению к субъекту условий, побуждающих и определяющих его активность. Социальная ситуация – это совокупность социальных факторов, влияющих на поведение индивида или группы в системе взаи-

модействия в определенный период времени. Это эпизод, фрагмент жизни, определяемый включенными в него людьми, местом действия и характером происходящего. Под государством мы понимаем: 1) основную политическую организацию общества, осуществляющую его управление, охрану территориальной, экономической и социальной структуры; 2) страну, находящуюся под управлением политической организации, которая осуществляет охрану ее экономической и социальной структуры. В теории права страна – это определенный способ организации общества, основной элемент политической системы, организация публичной политической власти, которая распространяется на все сферы жизни общества, выступает его официальным представителем. Понятие «социум» выступает синонимом понятий «общество», «общность», «социальная среда». Это совокупность людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности, круг людей, объединенных общностью положения, происхождения, интересов; добровольное, постоянно действующее объединение единомышленников, имеющих общие задачи. Понятие «политика» следует трактовать как деятельность органов государственной власти и управления, отражающую социально-экономическую природу общества, а также деятельность классов, партий, групп, определяемая их интересами и целями.

Таким образом, социально-политическая ситуация в стране – это отношения между обществом и властью в определенных исторических условиях на конкретной территории. Формирование социально-политического пространства является следствием взаимодействия социальной и политической сфер в рамках конкретного государственного образования. Социально-политическая ситуация имеет относительно устойчивую структуру, взаимодействие элементов которой определяет процесс функционирования общества [4].

В данном контексте государство и общество рассматриваются как два взаимодействующих субъекта. При этом социально-политические интересы общества включают в себя осознанные потребности в материальном благополучии, духовном саморазвитии, социальной справедливости, гарантиях прав и свобод, участии в управлении страной, а также

в независимом и стабильном развитии нации. Реальным представителем государства являются органы власти (законодательные, судебные, исполнительные) и управления, формирующиеся на основе фундаментального законодательного акта (конституции) и иных документов, развивающих и конкретизирующих конституционные нормы.

Э. Дюркгейм рассматривал общество как надличностную духовную реальность. По мнению М. Вебера, общество – это форма социального взаимодействия. Т. Парсонс определял общество как систему отношений между людьми на основе моральных норм и ценностей. С точки зрения К. Маркса, общество – это исторически развивающаяся совокупность отношений между людьми в процессе совместной деятельности.

Общество, воспринимая действия власти, оценивает степень удовлетворения своих интересов и в зависимости от этого принимает участие в достижении заявленных государством целей (способствует, противодействует их достижению или относится к ним индифферентно).

Позитивное взаимодействие общества и власти обеспечивает консолидацию в системе функционирования основных институтов государства. Негативное взаимодействие общества и власти приводит к дестабилизации обстановки и изменениям в государственном устройстве. В силу этого поддержание стабильности в стране занимает ключевое место среди задач по обеспечению национальной безопасности. С учетом их реализации формируются основные политические решения, определяются стратегические направления развития общества и государства. Значимость теоретических и прикладных взглядов на рассматриваемую проблему общества подтверждает и тот факт, что только в России за последние два десятилетия на данную тему защищено более 200 кандидатских и докторских диссертаций, опубликовано множество монографических и публицистических работ. При этом для объективного познания данного явления фундаментальное значение имеет либеральный, или диалектический, подход к рассмотрению взаимодействия личности, общества и государства.

Либеральная модель взаимоотношений личности, общества и государства

При либеральном подходе личность, общество и государство рассматриваются как самостоятельные, рядоположенные, но взаимосвязанные категории. Либеральная модель взаимоотношений личности, общества и государства зародилась в процессе теоретического познания как основа формирования научного представления о каждой из социальных категорий в процессе достижения ими индивидуальных целей в формировании общественного и индивидуального сознания [5].

Представленная модель лежит в основе экзистенциального, структурно-функционального и культурологического анализа гражданского общества. Становление и развитие идей либерализма связано с деятельностью таких ученых, как Дж. Локк, А. Смит, И. Бентам, Ш. Л. Монтескье, И. Кант, В. Гумбольдт, Г. Спенсер, Дж. Кейнс, Р. Арон и др.

Как известно, либерализм сформировался в период борьбы против феодального способа производства, политической системы абсолютизма, духовного господства церкви. Сам термин «либерализм» вошел в широкое употребление в первой половине XIX в., когда в ряде западноевропейских государств появились политические партии либералов. Фактически эти идеи стали выражением мировоззрения среднего сословия, которое было представлено прежде всего свободными предпринимателями, называемыми также бюргерами или буржуазией. В этих условиях молодой класс буржуазии стремился заменить феодальные отношения капиталистическими.

С момента зарождения и до настоящего времени либерализм является доминирующим идейно-

политическим течением Запада. Сегодня он имеет приверженцев почти во всех странах мира. Как интеллектуальная и нравственная установка, социально-политическая теория и идейно-политическое течение, либерализм основывается на признании личности, ее свободы и самореализации высшей ценностью и условием развития общества. Основным принципом либерализма как идеологии и политики является приоритет экономических и политических прав и свобод личности, ее ответственности за свое благополучие и общественное положение. Данное течение ориентировано на рыночное хозяйство и свободную конкуренцию при минимальном вмешательстве государства. Основой свободы личности в данном контексте выступают частная собственность, свободное индивидуальное и групповое предпринимательство, свободный рынок и свободная конкуренция. Либерализм провозглашает свободу взглядов и убеждений, волеизъявления и творческой самореализации, право личности исповедовать любую религию (или не исповедовать никакой религии), определять, каким моральным принципам следовать, а также самостоятельно формулировать свои нравственные обязанности. Государство наделяется лишь функциями по охране общественного порядка и защите страны от внешней опасности. Государственная власть должна стоять на страже прав и свобод человека, но при этом не вмешиваться в его частную жизнь. Либеральная модель демократии – это форма власти, в которой приоритет отдается правам личности. Она провозглашает равенство всех граждан перед законом. Каждый человек имеет

основные политические права и свободы. Органы государственного управления обладают всей полной предоставляемой им законом властью, но при этом находятся под контролем общественности.

Основой функционирования государства является принцип разделения власти с преобладанием представительных форм политического влияния. Концепция парламентаризма имеет систему сдержек и предполагает наличие способов контроля граждан над государственной властью. Меньшинство подчиняется большинству в строго определенных рамках, но имеет право отстаивать свое мнение.

В процессе своего развития либерализм не представлял собой однородного течения: в нем постоянно противоборствовали различные политические тенденции и идеологические установки. Выражением этого противоборства является сосуществование двух направлений либерализма. Одно из них восходит к классическому периоду, когда основной акцент делался на экономической независимости индивида от государства. Другое направление обозначилось в начале XX в. и основывалось на идее реформ с опорой на сильную государственную власть. В России данное направление проявилось в реформистской деятельности П. А. Столыпина и было ориентировано на превращение крестьян в семейных фермеров и частных собственников.

Признание позитивной роли государства в организации социально-экономической жизни и необходимости расширения его функций в целях реализации фундаментальных либеральных ценностей составляет сегодня содержательную основу неолиберализма, или социального либерализма. В число важнейших функций государства неолибералы включают активную защиту свободы предпринимательства, рынка, конкуренции от возрастающей угрозы монополизма в любых его формах. По мнению неолибералов, государство призвано выполнять данную функцию путем разработки антимонопольного, или антитрестовского, законодательства, оказания поддержки мелким и средним предпринимателям, бизнесменам-новаторам, подвергающимся наибольшему риску. Одной из самых важных целей при этом становится неуклонное расширение числа собственников. Неолибералы стали вменять в обязанность государству разработку и реализацию общей стратегии экономического развития. С признанием государства равноправным собственником оформилась идея плюрализма форм собственности.

Понятие «гражданское общество» имеет англосаксонские корни. В его трактовке до сих пор нет четкой определенности. Это система самостоятельных и независимых от государства общественных инструментов и отношений, обеспечивающих условия для реализации частных интересов и потребностей индивидов и групп людей для насыщенной социальной, культурной и духовной жизни, сохранения, воспроизводства и передачи накопленных нравственных ценностей.

Термин «гражданское общество» исторически употреблялся в разных значениях. Впервые он был использован Аристотелем для обозначения сообщества свободных и равных граждан, связанных между собой определенной формой политического устройства. Вплоть до XVIII в. понятие «гражданское общество» употреблялось как синоним понятия «государство». В различных источниках отмечается, что в качестве самостоятельной политической категории понятие «гражданское общество» впервые рассмотрел Дж. Локк в работе «Два трактата о правлении». Автор признает за государством лишь тот объем полномочий, который санкционирован общественным договором между гражданами по собственному разумному выбору.

К. Маркс под гражданским обществом подразумевал буржуазное общество, в котором следует различать члена гражданского общества и гражданина государства. Ученый акцентировал внимание на том, что гражданское общество – это общество частных лиц и их интересов, общество, которое развивается только вместе с буржуазией [6, с. 266]. К. Маркс, характеризуя гражданское общество, писал, что ни одно из так называемых прав человека не выходит за пределы интересов эгоистического человека как члена гражданского общества, как индивида, замкнувшегося в себе и обособившегося от общественного целого. Человек отнюдь не рассматривается в этих правах как родовое существо, напротив, сама родовая жизнь, общество рассматриваются как внешняя для индивидов рамка, ограничение их первоначальной самостоятельности. Единственной связью, объединяющей их, являются их естественные потребности и частный интерес, сохранение собственности и своей эгоистической личности [6, с. 336–337].

В экзистенциальной трактовке гражданское общество определяется качеством целостной национальной или глобальной макрообщности, включающей или не включающей в свое содержание государство. При этом для становления гражданского общества, помимо наличия демократических прав и свобод личности и рыночной экономики, необходимы определенные культурные и социально-психологические условия.

В структурно-функциональной парадигме гражданское общество представлено как специфический элемент целого. Обязательным условием его развития выступает уровень материального благосостояния, дающий гражданам возможность неформального общения на внеэкономические темы.

В. М. Межуев акцентирует внимание на том, что под гражданским обществом (или обществом граждан) принято понимать совокупность совместных действий людей в сфере публичной жизни, причем в условиях, когда она перестает быть объектом монополии властных элит (как традиционных, так и современных) [7].

На субъективном уровне гражданское общество проявляется как социальность в индивидуальном

сознании и поведении людей, на объективном уровне – как надличностный и надколлективный элемент культуры, воплощенный в ее образцах и ценностях, на интересубъективном уровне – как социальный элемент, выраженный в коллективном или групповом

сознании и поведении людей. Институциональные формы гражданского общества (всевозможные объединения и ассоциации), с одной стороны, представляют интересы населения, а с другой – подчиняются требованиям нормативного порядка.

Диалектическая модель взаимоотношений личности, общества и государства

Диалектическая модель взаимоотношений личности, общества и государства зарождалась в процессе становления экономических отношений, системы государственного регулирования и права. Данная модель показала свою эвристическую значимость при формировании системных представлений о месте и роли взаимодействия всех граждан – участников процесса, ориентированного на достижение единых или независимых целей. При диалектическом подходе государственное образование рассматривается как социальный институт, который объединяет в себе интересы общества граждан в целом и граждан страны в частности и реализует эти интересы в своей внутренней и внешней политической деятельности.

В данном ключе интересна позиция П. А. Сорокина, который акцентирует внимание на том, что социальное взаимодействие включает категории «личность», «общество» и «культура». При этом личность выступает субъектом взаимодействия, общество – совокупностью взаимодействующих субъектов, а культура – совокупностью исторически сложившихся значений, ценностей и норм, которыми владеют и руководствуются социальные субъекты [8].

Конкретизировать понятия «личность» и «общество» позволит введение такой категории, как «гражданство». Имея культурную и социально-правовую окраску, гражданство выступает правом личности на нормативные отношения с государством. При этом государство рассматривается как макросистема. При таком подходе, во-первых, устраняется аморфность понятия «гражданское общество» и формируется предметность его научного рассмотрения как институционального и социокультурного явления, во-вторых, делается акцент на роли социальных институтов. Экономические, этнические, региональные, профессиональные, религиозные объединения граждан призваны содействовать всесторонней реализации интересов, устремлений и целей индивидов. Социальный прогресс невозможен без социально ответственного общества граждан, умеющих критиковать и контролировать власть.

При таком подходе подавляющее большинство функций гражданского общества перестает быть абстракцией. Они реализуются на территории кон-

кретного государства. Поле их действия расширяется: это проявляется в поддержке инициатив органов власти и управления (и в целом государства), направленных на укрепление национального благосостояния и социальной стабильности, а также в участии граждан в государственных программах, ориентированных на укрепление и защиту интересов страны в международных отношениях.

Подобный подход формирует четкие представления о вертикальных и горизонтальных связях и взаимодействиях социальной системы, призванной обеспечить эффективное сосуществование личности, общества и государства. Сохраняя внутреннюю диалектичность своих отношений, триада «личность – общество – государство» выходит на качественно новый уровень.

Ведущие цели и устремления общества формируются на основе интеграции потребностей конкретных граждан – представителей социальных групп и сообществ, имеющих различные мировоззренческие, идейно-политические и нравственно-эстетические ориентиры. Процесс формирования общества граждан обусловлен такими факторами, как активное взаимодействие всех сфер общественной жизни, наличие отлаженной социальной политики государства с учетом этнокультурных традиций населения, исторического опыта проживания на конкретной территории и устойчивых этноконфессиональных стереотипов мировосприятия.

Стратегическими целями внутренней социальной политики Республики Беларусь выступают следующие:

- развитие демократических, социальных, правовых основ государства;
- устойчивое социально-экономическое развитие;
- обеспечение прав и свобод человека и гарантий их реализации;
- повышение уровня благосостояния народа;
- достижения равенства всех форм собственности в интересах личности и общества;
- достижение социальной справедливости;
- взаимодействие законодательной, исполнительной и судебной власти в интересах личности, общества и государства.

Системные характеристики общества граждан

В работе «Перспективы развития социума» С. А. Шавель указывает на то, что сфера общества представляет собой кластер институтов с имеющимися у них

материальными и кадровыми ресурсами, инфраструктурой, коммуникациями, органами управления, объединенных на основе функционального

назначения в процессах системного воспроизводства социального общества [9].

Традиционно общество включает такие сферы функционирования, как политическая, экономическая, социальная, духовная. Они находятся в постоянной взаимосвязи. Для общества граждан значимыми факторами также являются территориально-природные условия, история совместного проживания, этнокультурное и языковое наследие, экономическое пространство [10].

Политическая сфера жизни общества – это система политического управления, ведущим элементом которой выступает государственная власть, обладающая определенными полномочиями. Политическая сфера охватывает функции государственных органов, политических партий, общественных движений, организаций и их лидеров. От политической сферы во многом зависит жизнедеятельность других сфер жизни. В современном социуме влияние политики на культуру, искусство, образование, экономику чрезвычайно велико.

Экономическая сфера жизни общества – это совокупность отношений людей в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных и нематериальных благ и услуг. С объективной точки зрения, она отражает потребности и экономические интересы людей, производительные силы и производственные отношения, экономические законы. С субъективной точки зрения, экономическая сфера есть не что иное, как проявление сознания людей, их воли, целей, ценностей, ориентаций.

Социальная сфера – это люди, социальные общности и группы, классы и сословия. У социальной сферы есть две формы. С одной стороны, это общество в целом, которое включает в себя территорию,

национальности, демографические особенности, менталитет, а с другой – совокупность организаций и учреждений, которые отвечают за реализацию социальных интересов граждан.

Духовная сфера жизни общества – это комплекс определенных социальных подсистем, в которых действуют люди. Духовная сфера включает в себя мировоззрение личности, мораль, вероисповедание, владение культурой своего общества. Их функциональная взаимосвязь очевидна, поскольку обеспечивает условия для гармоничного развития человека и его успешного взаимодействия с окружающим миром.

Важную роль играет территориально-природный фактор. Наличие тех или иных природных, материально-технических, человеческих и информационных ресурсов во многом определяет жизнедеятельность населения: его быт, труд, отдых, а также состояние здоровья.

Этнологический фактор вызывает пристальное внимание исследователей. В современной науке существуют различные теории этноса: пассионарная теория этноса Л. Н. Гумилёва, дуалистическая концепция этноса Ю. В. Бромлея, информационная концепция этноса Н. Н. Чебоксарова и С. А. Арутюнова, системно-статистическая, или компонентная, теория этноса Г. Е. Маркова и В. В. Пименова. Этнос представляет собой общность людей, обладающую этнонимом (самоназванием этноса), этнокультурными особенностями (которые проявляются в языке, религии, обычаях, обрядах, народном искусстве и фольклоре, нормах этики), антропо-психологическими признаками (отличительными чертами во внешнем облике и психологическом складе), а также единством территории.

Духовная сфера общества – основа гражданской позиции и национального единства

Согласимся с В. С. Грехневым, утверждающим, что духовное – это способ деятельности людей и социальных институтов, создающих ценности общественного бытия (в области науки, искусства, политики, образования и т. д.), а также сами люди, воплощающие в себе разнообразные ценности. Кроме того, духовность есть осознанная деятельность людей, которая включает в себя психологические компоненты. Всякие духовно-душевные проявления выступают как ментальным (интеллектуальным), так и эмоционально-чувственным, или переживаемым, отношением людей к природе, собственной деятельности, другим людям, а также к самим себе [11]. В силу этого духовная составляющая, как форма выражения нравственных ценностей в национальном самосознании, является ведущим компонентом воспитания молодого поколения и просвещения всех слоев населения. Находясь под влиянием этой сферы и вдохновляясь ею, личность создает свое нравственное окружение и потребляет духовные ценности,

которых еще не имеет в своем интеллектуальном потенциале. Духовная сфера общества во многом обеспечивает могущество страны. Государство не может быть сильным и процветающим без уважения и сохранения исторических традиций и духовного наследия. Именно духовная сфера является системообразующей основой государственно-цивилизационного устройства. В своей фундаментальности духовная сфера, включающая нравственные идеалы и ценностные ориентиры личности и общества в целом, выступает основой ментальности конкретной нации, народа, отражая как своеобразие, порожденное историческими факторами становления и развития этноса, так и общечеловеческие качества, присущие всей системе духовной сферы личности и общества. В условиях отсутствия четко выраженной государственной идеологии большое значение для поддержания духовности в большинстве стран постсоветского пространства имеют традиционные религии.

Е. М. Бабосов справедливо полагает, что безусловными ценностями традиционного белорусского менталитета являются трудолюбие и коллективизм. При этом для белорусов главной ценностью выступает не универсальный закон морали и не согласование интересов, а теплые межличностные отношения с ближайшим окружением. Е. М. Бабосов акцентирует внимание на том, что в сознании белорусов свобода связана в первую очередь с самоуважением [12]. Л. Г. Титаренко отмечает, что мораль помогает человеку осознать собственную ценность как уникальной личности. По отношению общества к своему моральному наследию можно судить об уровне нравственной зрелости его граждан, их нравственной культуре [13].

Утрата исторической памяти и культурных традиций создает угрозы кризиса культурной идентичности и формирует предпосылки для разрушения культурных оснований национально-этнической и религиозной идентичности населения [14]. Существование типа индивидуалиста-конформиста подтверждается и в исследовании, проведенном под руководством С. В. Лапиной. Автор делает вывод о том, что декларируемый индивидуализм в сочетании со склонностью к принятию тотальных социокультурных ценностей, в которых растворяется индивидуальность, на практике может обернуться своей противоположностью [15]. В этом контексте Е. М. Доровских особое внимание обращает на необходимость разработки и принятия концепции культуры, где были бы конкретизированы и развиты положения, уже содержащиеся в стратегии национальной безопасности страны [16].

Н. И. Лапин, рассматривая характеристики и динамику изменений ценностных ориентаций россиян в условиях трансформации общества в постсоветский период, констатирует, что эти ориентации проявляются в двух основных формах: в традиционализации – институционализации традиций, других элементов культуры и социальной структуры, которые обеспечивают приоритет предписанных норм и правил поведения субъектов, а также в либерализации – расширении свободы выбора и ответственности субъектов, увеличении возможностей для инновационных целерациональных действий путем дифференциации структуры общества, включения в нее новых элементов [17].

Среди наиболее явных угроз для прогрессивного развития общества современные исследователи называют следующие:

- рост бездуховности и падение общекультурного уровня молодежи, разрыв с культурными корнями;
- приоритет онлайн-коммуникации, демонстрируемые при этом безграмотность и засорение русского языка;
- насаждение в прессе худших образцов массовой культуры, китча;

- критическое снижение роли науки, культуры и искусства в жизнедеятельности общества;
- манипулирование общественным мнением и мифологизация массового сознания, воздействие технологий черного пиара;
- рост религиозного фундаментализма, составляющий значительную угрозу для духовной безопасности [18].

Духовная зрелость выступает качественной характеристикой состояния общества в аспекте его нравственной и мировоззренческой состоятельности, потенциала базовых целей и ценностей, баланса индивидуальных, групповых и социетальных интересов, функциональной согласованности политических институтов, идеологии и культуры [19]. При этом укрепление стабильности страны неразрывно связано с обстоятельствами социокультурного характера, проблемами духовной, культурной, цивилизационной самобытности и идентичности общества. Обеспечение духовной безопасности общества в условиях глобализации приобрело геополитический характер.

Э. К. Наберушкина и Е. А. Бердник обращают внимание на то, что с учетом интенсификации сетевых коммуникаций культурная сфера общества подвергается качественным трансформациям, что несет в себе не только возможности адаптации к новым условиям, но и существенные угрозы стабильному существованию социальных субъектов. Авторы акцентируют внимание на том, что нельзя оставлять без внимания процесс становления сетевой культуры общества и личности. Решение вопросов информационной безопасности и отражения информационных угроз приобретает все большую актуальность [20].

Развитие информационной сферы общества, экранной культуры в настоящее время позволяет глобально воздействовать на сознание общества. Такие возможности все чаще используются в противоборстве между государствами. Это ярко проявляется в украинских событиях, где уничтожение памятников стало визитной карточкой политики декоммунизации. Культурная экспансия принимает форму продавливания национальных культур через геополитические интересы Запада. Культурные ценности западной культуры имеют витальные основания, в то время как результат культурной экстремизации лишен непосредственной связи с культурным самосознанием как западной культуры, так и собственной [21].

Как отмечает Ж. Т. Тощенко, обеспечение безопасности духовной сферы общества в условиях глобализации приобрело геополитический характер. Данное обстоятельство во многом обусловлено тем, что человечество все стремительнее приближается к осознанию того, что духовные потребности важнее материальных [22].

Заклучение

Таким образом, основой функционирования любого государства является взаимодействие граждан, их общественных объединений и государства, представленного органами власти и управления. Процесс этой взаимосвязи, диалектической по своему содержанию, ориентирован на устойчивое развитие

общества граждан. Данная позиция основана на паритете интересов всех участников данного взаимодействия и предполагает стремление общества к стабильности путем реализации национальной идеи и исторически сложившихся консолидирующих ценностей.

Библиографические ссылки

1. Костюченко ЛГ, Резник ЮМ. *Введение в теорию личности: социокультурный подход*. Москва: Независимый институт гражданского общества; 2003. 272 с.
2. Караткевич АГ. Социальное неравенство как угроза политической стабильности и безопасности общества. *PolitBook*. 2014;4:89–99.
3. Ярославцева АО. Политическая стабильность: современные параметры и коннотации. В: Зубкова АИ, Иванов ВГ, редакторы. *Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования*. Москва: РУДН; 2012. с. 11–45.
4. Котляров ИВ. Социально-политическая ситуация как фактор цивилизационного кода. *Социологический альманах*. 2018;9:15–28.
5. Кальной ИИ, Лопушанский ИН, редакторы. *Гражданское общество: истоки и современность*. 3-е издание. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2006. с. 126–127.
6. Маркс К, Энгельс Ф. *Избранные произведения в трех томах. Том 1*. Москва: Издательство политической литературы; 1980. 642 с.
7. Межуев ВМ. Гражданское общество и современная Россия. *Личность. Культура. Общество*. 2006;8(специальный выпуск 1):71–79.
8. Сорокин ЮА. Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятий. В: Тарасов ЕФ, Сорокин ЮА, Уфимцева НВ, редакторы. *Общение: теоретические и прагматические проблемы*. Москва: Наука; 1978. с. 133–138.
9. Шавель СА. *Перспективы развития социума*. Минск: Беларуская навука; 2015. 507 с.
10. Абдулатипов РГ. *Человек, нация, общество*. Москва: Политиздат; 1991. 222 с.
11. Грехнев ВС. Социальная философия как форма знания и познания. *Философия и общество*. 2000;3:50–69.
12. Бабосов ЕМ. *Конфликтология*. Минск: Право и экономика; 1997. 357 с.
13. Титаренко ЛГ. *Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект*. Минск: БГУ; 2004. 205 с.
14. Шаповалова ИС. Анализ социокультурных угроз среды обитания. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015;2(11):127–134.
15. Лапина СВ, Грибов ГМ, Жарикова АА, Лапина ИА, Смоликова ТМ, редакторы. *Студенческая молодежь Беларуси в мире современной культуры*. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь; 2004. 107 с.
16. Доровских ЕМ. Культура как фактор национальной безопасности: правовые аспекты. *Журнал российского права*. 2009;12:14–21.
17. Лапин НИ. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций. *Мир России*. 2000;3:3–47.
18. Верминенко ЮВ, Ершов НВ. Культурная безопасность общества и государства и ее основные угрозы. *Управленческое консультирование*. 2017;12:111–119.
19. Беспаленко ПН. *Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения* [диссертация]. Ростов-на-Дону: Северо-Кавказская академия государственной службы; 2009. 260 с.
20. Наберушкина ЭК, Бердник ЕА. Социокультурные аспекты информационной безопасности в сетевом обществе. *Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право*. 2016;17:90–98.
21. Ополев ПВ. Культурные угрозы в условиях глобализации. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016;4:124–127.
22. Тощенко ЖТ. Фантомы общественного сознания и поведения. *Социология*. 2014;1:43–53.

References

1. Kostyuchenko LG, Reznik YuM. *Vvedenie v teoriyu lichnosti: sotsiokul'turnyi podkhod* [Introduction to personality theory: a sociocultural approach]. Moscow: Nezavisimyi institut grazhdanskogo obshchestva; 2003. 272 p. Russian.
2. Karatkevich AG. Social inequality as a threat of political stability and safety of society. *PolitBook*. 2014;4:89–99. Russian.
3. Yaroslavtseva AO. Political stability: modern parameters and connotations. In: Zubkova AI, Ivanov VG, editors. *Politicheskaya stabil'nost': novye vyzovy, metodologicheskie aspekty analiza i prognozirovaniya, regional'nye issledovaniya* [Political stability: new challenges, methodological aspects of analysis and forecasting, regional studies]. Moscow: RUDN University; 2012. p. 11–45. Russian.
4. Kotlyarov IV. Socio-political situation as a barometer of the civilisational code. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2018;9:15–28. Russian.
5. Kal'noi II, Lopushanskii IN, editors. *Grazhdanskoe obshchestvo: istoki i sovremennost'* [Civil society: origins and modernity]. 3rd edition. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2006. p. 126–127. Russian.
6. Marx K, Engels F. *Izbrannye proizvedeniya v trekh tomakh. Tom 1* [Selected works in three volumes. Volume 1]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1980. 642 p. Russian.

7. Mezhuiev VM. [Civil society and modern Russia]. *Personality. Culture. Society*. 2006;1(33):71–79. Russian.
8. Sorokin YuA. [Stereotype, stamp, cliché: on the problem of defining concepts]. In: Tarasov EF, Sorokin YuA, Ufimtseva NV, editors. *Obshchenie: teoreticheskie i pragmaticheskie problemy* [Communication: theoretical and pragmatic problems]. Moscow: Nauka; 1978. p. 133–138. Russian.
9. Shavel' SA. *Perspektivy razvitiya sotsiuma* [Prospects for the development of society]. Minsk: Belaruskaya navuka; 2015. 508 p. Russian.
10. Abdulatipov RG. *Chelovek, natsiya, obshchestvo* [Man, nation, society]. Moscow: Politizdat; 1991. 222 p. Russian.
11. Grekhnev VS. [Social philosophy as a form of knowledge and learning]. *Filosofiya i obshchestvo*. 2000;3:50–69. Russian.
12. Babosov EM. *Konfliktologiya* [Conflictology]. Minsk: Pravo i ekonomika; 1997. 357 p. Russian.
13. Titarenko LG. *Tsennostnyi mir sovremennogo belorusskogo obshchestva: Gendernyi aspekt* [Value world of modern Belarusian society: gender aspect]. Minsk: Belarusian State University; 2004. 205 p. Russian.
14. Shapovalova IS. [Analysis of socio-cultural threats to the environment]. *Humanities, Social-economic and Social Sciences*. 2015;2(11):127–134. Russian.
15. Lapina SV, Gribov GM, Zharikova AA, Lapina IA, Smolikova TM, editors. *Studencheskaya molodezh' Belarusi v mire sovremennoi kul'tury* [Student youth of Belarus in the world of modern culture]. Minsk: Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus; 2004. 107 p. Russian.
16. Dorovskih EM. Culture as factor of national security: legal aspects. *Journal of Russian Law*. 2009;12:14–21. Russian.
17. Lapin NI. Crisis society in the context of socio-cultural transformations. *Mir Rossii*. 2000;3:3–47. Russian.
18. Verminenko YuV, Ershov NV. Cultural security of society and the state and its main threats. *Administrative Consulting*. 2017;12:111–119. Russian.
19. Bepalenko PN. *Dukhovnaya bezopasnost' v sisteme national'noi bezopasnosti sovremennoi Rossii: problemy institutsionalizatsii i modeli resheniya* [Spiritual security in the national security system of modern Russia: institutionalisation problems and solution models; dissertation]. Rostov-on-Don: Severo-Kavkazskaya akademiya gosudarstvennoi sluzhby; 2009. 260 p. Russian.
20. Naberushkina EK, Berdnik EA. Socio-cultural aspects of information security in a network society. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2016;17:90–98. Russian.
21. Opolev P V. Cultural threats in the conditions of globalisation. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2016;4:124–127. Russian.
22. Toshchenko ZhT. [Phantoms of social consciousness and behaviour]. *Sotsiologiya*. 2014;1:43–53. Russian.

Статья поступила в редакцию 02.06.2022.
Received by editorial board 02.06.2022.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 314:316.346.3

ИСТОКИ НОВОГО ВИТКА ДЕПОПУЛЯЦИИ В БЕЛАРУСИ

А. Г. ЗЛОТНИКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации,
пр. Октября, 50, 246029, г. Гомель, Беларусь

Рассматриваются проблемы демографического развития в Республике Беларусь. Отмечается тенденция к сокращению численности женщин репродуктивного возраста. Новый виток депопуляции создает угрозу демографической безопасности государства. Анализируются результаты переписи населения Республики Беларусь 2019 г. Интерпретируются данные о репродуктивных установках белорусских женщин. Отмечаются объективные и субъективные факторы депопуляционных процессов. Делается вывод о роли субъективного фактора в демографических процессах, а также о значении активной демографической политики государства. Приводится мысль о том, что в последние годы демографическая политика утратила системность, стала подчиняться ведомственным интересам. Подчеркивается необходимость формирования престижности семейных ценностей, ориентированных на стимулирование репродуктивных установок на среднетотность и многодетность.

Ключевые слова: депопуляция; рождаемость; репродуктивные тенденции; репродуктивные установки; демографическая перспектива; демографическая безопасность; перепись населения; Республика Беларусь.

THE ORIGINS OF A NEW ROUND OF DEPOPULATION IN BELARUS

A. G. ZLOTNIKOV^a

^aBelarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives,
50 Kastryčnika Avenue, Homiel 246029, Belarus

The problems of demographic development in the Republic of Belarus are considered. Based on their analysis, it is noted that reproductive processes in the country tend to worsen. And that the country has entered a new round of depopulation.

Образец цитирования:

Злотников АГ. Истоки нового витка депопуляции в Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;2:36–48.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-36-48>

For citation:

Zlotnikov AG. The origins of a new round of depopulation in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;2:36–48. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-36-48>

Автор:

Анатолий Геннадьевич Злотников – кандидат экономических наук, доцент; профессор кафедры права и экономических теорий факультета экономики и управления.

Author:

Anatoly G. Zlotnikov, PhD (economics), docent; professor at the department of law and economic theory, faculty of economics and management.
zlot@tut.by
<https://orcid.org/0000-0002-8182-4970>

They generate depopulation processes and pose a threat to demographic security. The article analyses the results of the population census of the Republic of Belarus in 2019. The interpretation of the census data on the reproductive attitudes of Belarusian women is given. Objective and subjective factors of depopulation processes are noted. The conclusion is made about the role of the subjective factor in demographic processes and the need for an active demographic policy of the state. It is noted that the social demographic policy in recent years has ceased to be systemic and state, and is subordinated to the necessary, but departmental interests. The article formulates a provision on the implementation of demographic policy aimed at the formation of prestige of family values, focused on stimulating medium- and large-child reproductive attitudes.

Keywords: depopulation; fertility; reproductive trends; reproductive attitudes; demographic perspective; demographic security; population census; Republic of Belarus.

Введение

На рубеже второго и третьего десятилетий нынешнего столетия в демографических процессах Республики Беларусь сложились невиданные, но прогнозируемые нами депопуляционные перспективы [1; 2]. Хотелось бы в предыдущем предложении вместо слов «в демографических процессах» написать «в демографическом развитии», но сложившиеся тенденции не свидетельствуют об этом. Наоборот, наблюдается демографическая стагнация, которая в дальнейшем только усилится. Она свидетельствует об угрозе депопуляции, а именно об углублении депопуляции.

В период реализации мероприятий, определенных Законом Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь» (далее – Закон «О демографической безопасности Республики Беларусь»), рождаемость росла – с 88 512 человек в 2003 г. до 119 028 человек в 2015 г. (прирост рождаемости составил около 30,5 тыс. человек). Затем уровень рождаемости стал резко снижаться и к 2019 г. составил 87 602 человека. Среднегодовые темпы прироста рождаемости в начале нового тысячелетия зафиксированы на отметке 2,47 %, а среднегодовые темпы снижения рождаемости за 2016–2019 гг. оказались в пределах 7,31 %. Сегодня принято списывать негативные тенденции на COVID-19. Но это некорректное объяснение, ведь такое снижение рождаемости наблюдалось еще до пандемии. При этом снижение темпов рождаемости за более короткий период в прошедшем двадцатилетии почти в 3 раза превышало показатели предшествующего роста. Такого низкого уровня рождаемости демографическая история Беларуси еще не знала.

Кроме того, в 2020–2021 гг. численность белорусского населения сократилась почти на 155 тыс. чело-

век, о чем свидетельствуют данные Национального статистического комитета Республики Беларусь: на начало 2020 г. численность населения страны составляла 9 410 259 человек, на начало 2021 г. – 9 349 645, а на начало 2022 г. – 9 255 524 человека¹. Это значит, что за 2020 г. численность населения Беларуси сократилась на 60 614 человек, а за 2021 г. – еще на 94 121 человека.

С подобным значительным сокращением численности населения страны в демографической истории послевоенного периода Беларусь столкнулась еще в 1998–2007 гг. Тогда среднегодовое уменьшение численности населения составило почти 62,5 тыс. человек², на что государство отреагировало принятием Закона «О демографической безопасности Республики Беларусь». Современные тенденции в этой области требуют кардинальных мер, о чем в преддверии нового витка депопуляции говорил глава государства. В Послании Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию проблемы демографии рассматриваются как «вопрос будущего и нашей государственности, и нашей национальной идентичности». Современные депопуляционные процессы заставляют задуматься об этом, иначе «завтра жить в Беларуси некому будет при такой тенденции»³.

К сожалению, официальная статистика не публикует показатели естественного (рождаемость и смертность) и механического (миграционные показатели) движения за 2020–2021 гг. Такая тенденция в работе статистических органов свойственна для тех периодов, когда демографические процессы характеризуются крайне отрицательными показателями. Так, в начале 1980-х гг. в связи с резким снижением рождаемости и ростом смертности в ежегодных статистических сборниках «Народное

¹Численность населения на 1 января 2022 г. и среднегодовая численность населения за 2021 г. по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, поселков городского типа : стат. бюл. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2022. 30 с.

²Демографический ежегодник Республики Беларусь. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. 429 с.

³Три столпа уверенного курса нашей страны: благополучие народа, миролюбивая внешняя политика, национальная безопасность // Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/tri-stolpa-uverennogo-kursa-nashey-strany-blagopoluchie-naroda-mirolubivaya-vneshnyaya-politika-nats.html> (дата обращения: 13.04.2022).

хозяйство Белорусской ССР» в течение нескольких лет не публиковались сведения о естественном движении населения. Демографическая статистика последних лет свидетельствует о негативных тенденциях.

Исследование репродуктивных процессов является одним из важнейших направлений белорусской экономической, социологической и демографической научной мысли. Демографическое развитие Беларуси в XX–XXI вв. анализировали Е. А. Антипова, А. А. Белов, А. Г. Боброва, А. В. Богданович, Ю. М. Бубнов, С. Н. Бузова, С. Я. Вольфсон, А. Ю. Денисов, В. С. Загорец, А. А. Залуцкая, В. В. Кириенко, М. Киркевич, К. К. Красовский, Д. Г. Лин, Н. Е. Лихачев, С. Н. Лихачева, Б. А. Манак, В. Ф. Медведев, К. М. Надудик, П. Г. Никитенко, М. П. Пилуй, Н. Н. Привалова, А. А. Раков, Я. И. Рубин, Б. Я. Смулевич, Г. Н. Соколова, Н. А. Сосновская, Л. Е. Тихонова, Л. П. Шахотько, З. М. Юк, Н. Г. Юркевич и др.

Основы анализа репродуктивных процессов в современной белорусской науке были заложены А. А. Раковым. Важной вехой в развитии национальной демографической мысли стала его монография «Население БССР» [3]. А. А. Раков впервые дал комплексную социально-экономическую характеристику демографическим процессам за полувековую историю страны, проанализировал воспроизводство населения и изменение его половозрастной структуры. Также он исследовал многогранность демографических процессов, их взаимосвязь и детерминированность различными явлениями общественной жизни.

В 1960-х гг. А. А. Раков исследовал начавшееся снижение уровня рождаемости и факторы этого процесса. Позже в своей докторской диссертации он прогнозировал отрицательное сальдо естественного движения населения в середине 1990-х гг. Его прогнозы подтвердились: с 1994 г. демографические процессы в Беларуси протекали в русле отрицательных показателей естественного движения населения. На протяжении первых трех кварталов 2016 г. показатели рождаемости и смертности сблизились, но в четвертом квартале ситуация резко изменилась [2].

В монографии Л. П. Шахотько «Воспроизводство населения Белорусской ССР» [4] проанализированы репродуктивные процессы, исследована динамика рождаемости в Беларуси за почти столетний период. Автор выявила факторы снижения рождаемости: структурные изменения в половозрастной и брачной структуре населения, трансформацию ценностных ориентаций, противоречия между расширением масштабов занятости и выполнением функций материнства. В работе «Рождаемость в Белоруссии (социально-экономические вопросы)» [5] Л. П. Шахотько рассматривает демографические процессы в связи с брачными и семейными отношениями, состоянием здоровья и уровнем миграции. Современные тенденции рождаемости обуславливают изменения в половозрастной структуре населения, прежде всего уменьшение численности женщин репродуктивного возраста, что является определяющим фактором для перспектив демографического развития Беларуси.

Тенденции рождаемости в демографических процессах Беларуси

По итогам переписи населения 2019 г. Национальный статистический комитет Республики Беларусь опубликовал ряд обобщающих материалов, которые позволяют исследовать социально-демографические механизмы и репродуктивные перспективы Беларуси. В связи с этим важными являются ответы респондентов на вопрос № 25 переписного листа: «Планируете ли Вы рождение детей?»⁴ Опросом были охвачены 2 075 325 женщин в возрасте 18–49 лет. При этом 1 236 988 (59,6 %) из них состояли в браке, 404 743 (19,5 %) не состояли в браке, 229 594 (11,1 %) были разведены, 105 833 (5,1 %) состояли в незарегистрированных брачных отношениях, 36 538 (1,8 %) являлись вдовами. Небольшая часть (2,9 %) респондентов на вопрос о брачном состоянии не ответили, тем не менее определились в своих репродуктивных планах⁵.

В первую очередь уровень рождаемости отражает тенденции в изменяющейся величине демографического потенциала, в качестве которого выступают женщины репродуктивного возраста – 15–49 лет. Данные национальных переписей населения (табл. 1) свидетельствуют о циклической зависимости формирования наиболее активного репродуктивного потенциала, а именно женщин в возрасте 20–39 лет, на долю которых приходится почти три четверти рожденных в Республике Беларусь детей.

В 2009 г. репродуктивный потенциал составлял 94,54 % по сравнению с 1999 г., а в 2019 г. снизился до 88,88 % по сравнению с 2009 г. Данная тенденция обусловила низкие показатели рождаемости в конце второго десятилетия XXI в.

⁴Основные организационные и методологические положения переписи населения Республики Беларусь 2019 года / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : Альтиора Форте, 2021. Т. 1. 199 с.

⁵Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : Альтиора Форте, 2021. Т. 2. 487 с.

Таблица 1

**Динамика численности женского населения Республики Беларусь
по возрастным группам в 1999, 2009 и 2019 гг.**

Table 1

**Dynamics of the female population of the Republic of Belarus
by age groups in 1999, 2009 and 2019**

Возрастная группа, лет	1999	2009	2019
0–4	231 240	239 947	255 488
5–9	319 651	214 662	273 160
10–14	404 908	226 112	246 882
15–19	385 356	308 757	221 344
20–24	350 170	378 895	219 413
25–29	344 587	368 456	310 546
30–34	354 901	341 428	392 937
35–39	423 370	340 125	381 356
40–44	415 529	342 488	345 140
45–49	353 960	404 468	337 685
50–54	259 150	403 920	333 961
55–59	262 774	339 861	385 127
60–64	327 155	257 241	387 326
65–69	299 958	214 675	310 845
70 и старше	594 377	702 576	660 763
<i>Всего</i>	<i>5 327 616</i>	<i>5 083 611</i>	<i>5 061 973</i>

Примечание. Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, полученным в ходе переписей населения Республики Беларусь 1999, 2009 и 2019 гг.

Конечно, как и во многих других странах, снижение рождаемости в Беларуси в 2020–2021 гг. в определенной степени было обусловлено COVID-19. Но при этом следует отметить, что в нашей стране устойчивая тенденция к снижению рождаемости сложилась уже за несколько лет до пандемии, о чем свидетельствуют следующие данные: в 2015 г. родились 119 028 человек, в 2016 г. – 117 779, в 2017 г. – 102 556, в 2018 г. – 94 042, в 2019 г. – 87 602 человека⁶.

Важным демографическим фактором такой негативной тенденции стала низкая рождаемость в конце XX в.: малочисленность того поколения обуславливает нынешнее падение рождаемости. На рубеже конца 2010-х – начала 2020-х гг. выросло отрицательное сальдо миграции, связанное со значительным ростом протестной эмиграции белорусского населения, что обусловило уменьшение общей численности женщин репродуктивного возраста в стране.

В небольшом иммиграционном потоке преобладает пожилое население. Перед иммигрантами репродуктивного возраста на новом месте жительства на первый план выходят проблемы экономической и социальной адаптации, вопросы рождаемости отодвигаются на второй план. По нашим предварительным расчетам, в 2020–2021 гг. рождаемость в Беларуси упала до показателя менее 80 тыс. человек. В относительных величинах данный показатель может колебаться в пределах 9 ‰, т. е. остается на прежнем уровне. Но за этими относительными величинами скрывается уменьшение численности населения Беларуси только за один календарный год более чем на 94 тыс. человек. В послевоенной демографической истории страны это антирекорд, связанный в том числе со снижением рождаемости. В 2019–2021 гг. рождаемость была значительно ниже, чем даже в самом тяжелом для Беларуси военном, 1943, году.

⁶Демографический ежегодник... 429 с.

На наш взгляд, в ходе финансовой реформы были приняты, по сути, антидемографические меры. При назначении женщинам пенсии из трудового стажа был исключен период нахождения в декретном отпуске. Разработка государственных программ⁷ по обеспечению демографической безопасности в 2015–2020 и 2021–2025 гг. была подчинена лишь интересам Министерства здравоохранения Республики Беларусь. В данных программах перечислены мероприятия по развитию системы здравоохранения, но при этом не сформулированы задачи по решению демографических проблем.

При проведении переписи 2019 г. лица женского пола должны были ответить на вопрос, рожали ли они или нет. Если опираться на ответы только тех респондентов, которые указали информацию о рождении детей, то самый низкий уровень рождаемости отмечается в Минске (1036 деторождений) и Витебской области (1214 деторождений). Если же учитывать и респондентов, не указавших информацию о рождении детей, то перерасчет опубликованных данных, выполненный в рамках настоящего исследования, дает меньшие величины рождения

детей: в Брестской области зафиксированы 1346 деторождений, в Витебской – 1154, в Гомельской – 1240, в Гродненской – 1267, в Минской – 1245, в Могилёвской области – 1212, в Минске – 968, в целом по Беларуси – 1180 деторождений. Но будем исходить из официальной статистики, так как численность неответивших находится в пределах допустимых статистических отклонений и составляет менее 5,0 %. По Беларуси эта цифра составляет 4,7 %. Наименьшее значение зафиксировано в Гродненской области (2,9 %). Значение, превышающее допустимое статистическое отклонение, наблюдается только в Минске (6,6 %).

Тенденции к снижению рождаемости, отраженные в табл. 2, свидетельствуют о негативной демографической ситуации и в будущем. Эти данные показывают, что у поколения женщин, родившихся во второй половине 1940-х гг. и участвовавших в переписи населения 2019 г., показатели рождаемости, характерные для послевоенной демографической компенсации, в основном были еще близки к требованиям простого воспроизводства населения, но при этом имели постоянную тенденцию к снижению.

Таблица 2

Число рожденных детей на 1000 женщин соответствующей возрастной группы в зависимости от региона

Table 2

The number of births per 1000 women of the corresponding age group, depending on the region

Возрастная группа, лет	Регион							Республика Беларусь
	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Минская область	Могилёвская область	Минск	
15–19	24	22	25	20	25	27	15	22
20–24	455	374	437	380	417	434	204	363
25–29	1165	1020	1098	1098	1069	1081	751	1005
30–34	1658	1426	1541	1590	1528	1486	1233	1462
35–39	1849	1595	1719	1755	1734	1657	1514	1673
40–44	1823	1569	1675	1719	1706	1628	1503	1650
45–49	1758	1511	1615	1679	1652	1589	1398	1591
50–54	1808	1850	1684	1738	1713	1652	1398	1644
55–59	1922	1712	1807	1829	1817	1754	1489	1747
60–64	1979	1789	1897	1894	1932	1854	1552	1827
65–69	2024	1806	1942	1933	1966	1885	1576	1855
70 и старше	2263	1978	2208	2128	2190	2146	1667	2066
15–49	1397	1214	1298	1305	1300	1271	1036	1238

Примечание. Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, полученным в ходе переписи населения Республики Беларусь 2019 г. Сведения, представленные в графе «Республика Беларусь», рассчитывались исходя из общего по стране количества женщин соответствующей возрастной группы.

⁷Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.government.by/upload/docs/filecd0f8a76b95e004.pdf> (дата обращения: 15.03.2022) ; Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/C22100028_1611349200.pdf (дата обращения: 15.03.2022).

Среди женщин, родившихся в 1960-х гг., наблюдаются самые высокие темпы снижения рождаемости. Женщины, которым сейчас 35–44 года, в свое время несколько улучшили репродуктивную ситуацию в Беларуси: в группе женщин 40–44 лет число деторождений в расчете на 1 тыс. женщин увеличилось на 59 деторождений по сравнению с предыдущим периодом и еще на 23 деторождения по сравнению с дальнейшим периодом. Однако последующее поколение женщин в возрасте 30–34 лет установило антирекорд: снижение рождаемости в расчете на 1 тыс. женщин этой группы составило более 200 деторождений.

По региональному признаку в демографическом развитии Беларуси традиционно выделяются западные области (Брестская и Гродненская), восточные (Витебская, Могилёвская и Гомельская), южные (Брестская и Гомельская), а также центральная (Минск и Минская область). Интересно то обстоятельство, что внутри каждой группы областей наблюдаются собственные демографические тенденции и уровни демографического развития.

Например, западные области имеют свою демографическую специфику. В Брестской области численность населения превысила довоенный уровень, а в Гродненской области данный показатель на 280 тыс. человек ниже довоенного уровня. В Брестской области уровень рождаемости является самым высоким в стране, а в Гродненской области имеет значение ниже среднего. И хотя обе области граничат с Польшей, удельный вес поляков в этнической структуре населения Гродненской области составляет 21,73 %, а в Брестской области эта цифра почти в 20 раз меньше (1,10 %).

Среди восточных областей, граничащих с Россией, Гомельская область имеет стабильный показатель рождаемости, превышающий среднереспубликанское значение. Витебская область в течение более полувека имеет один из самых низких уровней рождаемости. В демографическом плане Гомельскую, Могилёвскую и Витебскую области объединяют, во-первых, самый высокий уровень внебрачной рождаемости в стране, во-вторых, самая масштабная трудовая миграция населения в наиболее активном репродуктивном возрасте на российский рынок труда.

Брестская и Гомельская области представляют группу южных регионов с самыми высокими показателями рождаемости. В середине 1970-х гг. только эти две области сумели превысить довоенную численность населения. Территориально они входят в одну полесскую зону, но при этом их областные центры расположены асимметрично: Брест – самый западный областной центр, Гомель – самый восточный областной центр.

Наиболее негативные тенденции репродуктивного поведения характерны жителям столицы и Ви-

тебской области (см. табл. 2). Низкая рождаемость в Минске в наибольшей степени влияет на остроту депопуляционных процессов в стране, так как в столице зафиксирован самый высокий удельный вес женщин в наиболее репродуктивном возрасте.

Низкий уровень рождаемости в столице и Витебской области имеет как социальные причины, так и демографические. В этих регионах наблюдается наиболее значительная гендерная диспропорция – наименьший удельный вес мужчин. Так, согласно переписи населения 2009 г. доля мужчин в общей численности населения Витебской области составляла 46,24 %, этот показатель в Минске был еще ниже – 45,94 %. По материалам переписи 2019 г. гендерная диспропорция в этих регионах ухудшилась: в Витебской области доля мужского населения составляла 45,88 %, в столице – 45,75 %.

В областных центрах гендерная диспропорция выше, чем в областях. Так, удельный вес мужчин в областях и их областных центрах составил: в Брестской области – 46,40 %, в Бресте – 45,19 %; в Витебской области – 45,88 %, в Витебске – 44,68 %; в Гомельской области – 46,17 %, в Гомеле – 45,17 %; в Гродненской области – 46,33 %, в Гродно – 45,61 %; в Минской области – 46,35 %, в Минске – 45,75 %; в Могилёвской области – 46,54 %, в Могилёве – 45,79 %. На первый взгляд, разница в процентах небольшая, но, к примеру, в Витебске в количественном измерении эта относительная разница дает величину около 40 тыс. человек. Если же рассматривать не общее гендерное соотношение, а наиболее активный репродуктивный возраст, то ситуация еще более негативная, что сказывается на брачном состоянии и динамике рождаемости. Мужская природа в репродуктивных процессах такова, что мужчины в большей степени, чем женщины, заинтересованы в продолжении своего рода. И меньшая численность заинтересованных в продолжении рода также влияет на остроту депопуляционных процессов.

Материалы переписи населения 2019 г., характеризующие итоги вклада в демоовпроизводство репродуктивного потенциала Беларуси, отражены в табл. 3. В демографическом аспекте эта гендерная диспропорция подтверждается тем, что во всех возрастных когортах наиболее низкая рождаемость наблюдается в Минске. В возрастной группе 20–24 лет доля родивших в Минске составила 14,63 %. Это более чем в 2 раза ниже, чем в Минской области. Показатели рождаемости во всех остальных возрастных когортах столицы также наиболее низкие по республике.

Основной репродуктивный процесс приходится на возраст 25–34 года. В старшей когорте 40–44 лет прирост рождаемости небольшой. В репродуктивном возрасте 45–49 лет более 10 % женщин детей не рожали. Наиболее значительный удельный вес нерожавших женщин приходится на Минск. Если

такая тенденция сохранится (а ответы респондентов о деторождении демонстрируют, что доля непланирующих рожать высока), Беларусь ждет обостре-

ние депопуляционных процессов как в ближайшей, так и в отдаленной демографической перспективе.

Таблица 3

Репродуктивный вклад в демовоспроизводство репродуктивного потенциала Республики Беларусь в зависимости от возраста и региона, %

Table 3

Reproductive contribution to the process of reproduction of reproductive potential of the Republic of Belarus, depending on the age and region, %

Возрастная группа, лет	Регион							Республика Беларусь
	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Минская область	Могилёвская область	Минск	
15–19	1,99	1,89	2,14	1,67	1,16	2,27	2,14	1,80
20–24	31,21	27,31	30,09	27,01	14,63	30,67	29,25	25,45
25–29	69,46	64,74	67,23	68,79	50,30	68,32	66,69	63,03
30–34	85,50	82,50	84,21	86,05	74,80	84,35	83,93	81,89
35–39	88,54	86,44	87,77	89,26	83,08	87,04	87,69	86,63
40–44	90,24	87,67	89,01	90,52	86,32	89,08	89,46	88,67
45–49	90,58	88,16	89,33	90,77	87,43	90,23	90,39	89,42
15–49	72,02	69,98	70,85	70,87	61,22	65,78	70,70	68,63

Примечание. Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, полученным в ходе переписи населения 2019 г. Сведения, представленные в графе «Республика Беларусь», рассчитывались исходя из общего по стране количества женщин соответствующей возрастной группы.

Репродуктивные установки и демографические перспективы Беларуси

Региональное распределение ответов респондентов на вопрос: «Планируете ли Вы рождение детей?» – в ходе национальной переписи населения 2019 г. (табл. 4) характеризует субъективный фактор репродуктивных планов женщин в возрасте 18–49 лет⁸. Анализ репродуктивных установок позволяет выявить и демографические перспективы Беларуси.

Результаты переписного опроса показывают, что менее трети опрошенных (30,81 %) планируют иметь

детей. Более половины (57,50 %) респондентов ответили на этот вопрос отрицательно, 11,69 % опрошенных пока не определились. Это означает, что Беларусь имеет неблагоприятную демографическую перспективу. И даже если затруднившиеся с ответом родят детей, это не улучшит демографическую ситуацию. По мере увеличения возрастной когорты респондентов доля тех, кто планирует рожать, уменьшается.

Таблица 4

Региональное распределение ответов респондентов на вопрос: «Планируете ли Вы рождение детей?», %

Table 4

Regional distribution of answers of respondents' of the corresponding age group to the question: «Are you planning to have children?», %

Ответ	Возрастная группа, лет							
	18–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	18–49
<i>Брестская область</i>								
Да, планирую	60,04	64,67	54,85	37,84	24,28	7,07	2,39	29,75
Нет, не планирую	11,18	12,73	32,69	54,65	69,21	86,17	92,60	60,44
Затрудняюсь ответить	28,78	22,60	12,46	7,51	6,51	6,76	5,01	9,81

⁸Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года... 487 с.

Окончание табл. 4
Ending table 4

Ответ	Возрастная группа, лет							
	18–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	18–49
<i>Витебская область</i>								
Да, планирую	55,45	56,78	53,22	39,22	22,66	7,82	3,19	29,63
Нет, не планирую	14,71	15,01	30,50	49,82	64,84	82,34	88,91	57,60
Затрудняюсь ответить	29,84	28,21	16,28	10,96	12,50	9,84	7,90	12,77
<i>Гомельская область</i>								
Да, планирую	57,75	61,93	52,12	37,59	24,75	7,08	2,60	29,42
Нет, не планирую	12,72	14,23	32,69	52,80	67,61	84,78	91,42	59,14
Затрудняюсь ответить	29,53	23,84	15,19	9,61	7,64	8,14	5,98	11,44
<i>Гродненская область</i>								
Да, планирую	59,06	62,91	53,85	36,08	23,03	6,92	2,78	29,46
Нет, не планирую	5,02	14,26	33,07	56,45	70,55	86,05	91,84	60,33
Затрудняюсь ответить	35,92	22,83	13,08	7,47	6,42	7,03	5,38	10,21
<i>Минская область</i>								
Да, планирую	56,45	59,01	48,81	34,27	21,48	5,36	0,78	27,21
Нет, не планирую	8,83	22,02	37,77	55,15	69,06	87,93	93,32	61,56
Затрудняюсь ответить	34,62	18,97	13,42	10,58	9,46	6,71	5,90	11,23
<i>Могилёвская область</i>								
Да, планирую	59,21	60,11	48,14	34,31	22,51	5,35	0,58	26,50
Нет, не планирую	11,53	23,89	40,64	55,89	65,88	87,69	93,51	63,34
Затрудняюсь ответить	29,26	16,00	11,22	9,80	11,61	6,96	5,91	10,16
<i>Минск</i>								
Да, планирую	59,14	63,81	58,82	46,79	32,18	10,45	3,21	37,52
Нет, не планирую	14,06	15,70	26,42	40,52	56,21	78,43	86,09	48,50
Затрудняюсь ответить	26,80	20,49	14,76	12,69	11,61	11,12	10,70	13,98
<i>Республика Беларусь</i>								
Да, планирую	58,31	61,93	53,51	39,21	25,83	7,44	2,29	30,81
Нет, не планирую	12,46	16,64	32,41	50,54	66,35	84,21	90,82	57,50
Затрудняюсь ответить	29,23	21,43	14,08	10,25	7,82	8,35	6,89	11,69

Примечание. Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, полученным в ходе переписи населения 2019 г.

Так, среди респондентов 25–29 лет планируют иметь детей 53,51 %, среди респондентов 30–34 лет – уже 39,21 %. В каждой следующей возрастной когорте почти на 14 процентных пунктов меньше желающих улучшить демографическую ситуацию: в возрасте 35–39 лет таких респондентов 25,83 %, в возрасте 40–44 лет – 7,44 %. Определенный потенциал демографического роста в старших репродуктивных возрастных группах (40–49 лет) представляет отложенную рождаемость. Для понимания демографических перспектив необходимо учитывать, что определенная часть респондентов в момент опроса были беременными и их ответ характеризует ближайшую перспективу. Отдаленные репродуктивные перспективы для Беларуси (даже по обеспечению простого демоовоспроизводства) еще менее благоприятные.

По мере увеличения возраста респондентов растет доля тех, кто не планирует иметь детей. Так, этого желания не имеют 12,46 % респондентов в возрасте 18–19 лет и 16,64 % – в возрасте 20–24 лет. При этом, вероятно, большинство из них еще не рожали. Интересно то обстоятельство, что с каждой следующей возрастной группой растет доля непланирующих иметь детей, а по мере перехода в старшую возрастную группу доля затруднившихся с ответом снижается. С одной стороны, респонденты, еще не определившиеся в своем репродуктивном желании, – это резерв демографического роста. Но с другой стороны, не все женщины приходят к старшему репродуктивному возрасту с хорошим для деторождения здоровьем, а значит, существует значительный риск физических и (или) умственных проблем у будущего ребенка.

Региональные характеристики репродуктивных установок белорусок показывают, что наиболее высокий репродуктивный потенциал присущ респондентам столицы – 37,52 % (см. табл. 4). В других областях он не превышает 30 %, причем наименьший показатель репродуктивных установок зафиксирован в Могилёвской и Минской областях – 26,50 и 27,21 % соответственно.

Анализ субъективного демографического фактора показывает, что в Беларуси усиливаются негативные демографические тенденции. Важнейшей парадигмой демографических процессов в Беларуси, как и в целом на постсоветском пространстве, является коренное изменение социального облика семьи, а также репродуктивного потенциала, сформировавшегося в других условиях социальной, политической и экономической реальности. Изменение социального облика семьи связано с переходом от патриархального устройства (с несколькими поколениями) к нуклеарному (с двумя поколениями). Приоритетной, как свидетельствуют материалы

переписи населения, становится малодетная семья (с одним ребенком, реже с двумя).

Среди респондентов 59,6 % состоят в браке, 19,5 % в браке не состояли, 11,1 % были разведены, 5,1 % состояли в незарегистрированных брачных отношениях, 1,8 % являлись вдовами, 2,9 % респондентов на вопрос о семейном статусе не ответили. Большинство опрошенных поделились своими репродуктивными планами (табл. 5).

Анализ репродуктивных намерений женщин в возрасте 18–49 лет выявляет, что в большинстве возрастных когорт высокие показатели наблюдаются у тех опрошенных, которые не указали семейный статус. Они лидируют прежде всего среди респондентов старшего возраста: 30–34, 35–39 и 40–44 лет. Состоящие в браке женщины 18–24 и 40–49 лет имеют самые высокие репродуктивные установки. К сожалению, в средних возрастных когортах (25–39 лет) желание рожать первого и второго ребенка у замужних женщин находится даже за пределами тройки ведущих показателей.

Таблица 5

Численность женщин репродуктивного возраста, планирующих иметь детей, в зависимости от возраста и семейного статуса в целом по стране, %

Table 5

Number of women of reproductive age, planning to have children, depending on age and marital status in the Republic of Belarus, %

Возрастная группа, лет	Все женщины репродуктивного возраста, планирующие иметь детей независимо от семейного статуса	Семейный статус					
		Состоящие в браке	Никогда не состоявшие в браке	Разведенные и разошедшиеся	Состоящие в незарегистрированных отношениях	Вдовы	Не указали семейный статус
18–19	58,31	74,19	57,08	62,11	69,55	60,00	60,83
20–24	61,93	70,76	57,08	47,31	66,27	36,92	65,09
25–29	53,51	52,63	58,70	42,43	55,18	25,93	57,33
30–34	39,21	36,52	53,40	31,79	47,67	38,78	57,19
35–39	25,83	23,03	37,20	20,02	39,81	24,27	52,25
40–44	7,44	7,38	10,46	5,15	9,10	4,45	12,53
45–49	2,29	3,06	2,43	0,81	0,74	0,44	0,43
18–49	30,81	27,68	49,05	15,07	33,92	9,26	39,30

Примечание. Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, полученным в ходе переписи населения 2019 г.

Намерение иметь детей преобладает среди женщин, которые не состоят в браке (49,05 %). При этом значительной разницы между возрастными когортами у них нет: в трех группах от 18 до 29 лет это репродуктивное намерение находится в пределах 57–58 %. Третий показатель потенциального демографического роста у состоящих в незарегистрированных брачных отношениях зафиксирован на уровне 33,92 %. Нет надежды на обеспечение демографического роста теми женщинами, семейная жизнь которых не

сложилась. В эту группу вошли разведенные и разошедшиеся, а также вдовы старше 40 лет.

Анализ репродуктивных намерений респондентов показывает, что они наиболее высоки в Минске: 37,52 % опрошенных планируют иметь детей, что на 7,77 процентного пункта выше, чем среди представителей Брестской области (табл. 6). Но более высокие субъективные репродуктивные установки минчанок находятся в обратной корреляции с низким фактическим уровнем рождаемости.

Таблица 6

Численность женщин репродуктивного возраста, планирующих иметь детей,
в зависимости от возраста и семейного статуса по регионам, %

Table 6

The proportion of women of reproductive age, planning to have children,
depending on age and marital status in the Belarusian regions, %

Возрастная группа, лет	Все женщины репродуктивного возраста, планирующие иметь детей независимо от семейного статуса	Семейный статус				
		Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Состоящие в незарегистрированных отношениях	Разведенные и разошедшиеся	Вдовы
Брестская область						
18–19	60,04	58,26	81,28	72,99	30,00	–
20–24	64,67	59,19	72,62	68,87	46,98	37,50
25–29	54,85	67,82	52,57	56,04	42,26	30,67
30–34	37,84	67,55	33,77	45,45	28,83	43,90
35–39	24,28	50,38	20,64	40,32	15,14	28,37
40–44	7,07	9,93	7,18	12,54	3,79	3,09
45–49	2,39	2,74	3,18	0,72	0,76	0,29
18–49	29,75	53,65	26,41	33,53	12,75	12,75
Витебская область						
18–19	55,45	54,09	71,57	78,00	61,54	–
20–24	56,78	53,64	68,51	65,70	43,57	44,44
25–29	53,22	63,58	50,99	53,25	36,75	30,61
30–34	39,22	60,14	36,11	43,82	28,58	45,71
35–39	22,66	41,85	24,67	37,46	19,74	23,34
40–44	7,82	7,53	8,70	9,44	5,18	2,50
45–49	3,19	1,08	4,83	0,68	0,59	0,28
18–49	29,63	48,34	27,34	30,18	13,00	13,00
Гомельская область						
18–19	57,75	56,36	75,17	64,94	53,85	–
20–24	61,93	56,90	70,34	64,01	42,94	42,86
25–29	52,12	62,60	50,16	51,88	37,88	21,95
30–34	37,59	57,12	34,13	45,95	26,59	32,30
35–39	24,75	41,21	21,29	38,39	16,51	13,01
40–44	7,08	8,32	7,41	8,08	4,55	5,14
45–49	2,60	2,12	3,83	0,76	0,62	0,41
18–49	29,42	48,88	26,65	32,49	11,96	11,96
Гродненская область						
18–19	59,06	57,89	75,70	71,35	77,78	75,00
20–24	62,91	57,74	71,78	68,32	45,41	22,22
25–29	53,85	67,34	51,28	55,02	41,09	12,20
30–34	36,08	64,89	33,19	46,66	27,02	30,60
35–39	23,03	48,54	20,67	35,67	16,44	23,45
40–44	6,92	9,19	7,26	4,55	4,37	2,23
45–49	2,78	2,27	3,71	0,48	0,64	0,34
18–49	29,46	52,93	26,03	30,40	12,97	12,97

Окончание табл. 6
Ending table 6

Возрастная группа, лет	Все женщины репродуктивного возраста, планирующие иметь детей независимо от семейного статуса	Семейный статус				
		Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Состоящие в незарегистрированных отношениях	Разведенные и разошедшиеся	Вдовы
Минская область						
18–19	56,45	55,35	62,77	66,35	40,00	–
20–24	59,01	56,16	63,25	64,51	46,37	11,10
25–29	48,81	51,67	47,87	54,29	41,59	17,28
30–34	34,27	41,28	32,71	43,80	28,39	34,70
35–39	21,48	24,63	13,48	35,19	16,53	33,54
40–44	5,36	9,25	4,59	6,04	3,98	8,04
45–49	0,78	2,15	0,72	0,78	0,69	0,33
18–49	27,21	44,55	24,23	30,72	13,64	13,64
Могилёвская область						
18–19	59,21	58,52	65,82	58,93	40,00	–
20–24	60,11	57,84	63,47	63,53	49,60	45,45
25–29	48,14	49,64	46,26	51,38	39,77	20,63
30–34	34,31	39,43	33,33	40,60	28,86	17,50
35–39	22,51	23,61	21,36	33,67	19,34	1,46
40–44	5,35	8,03	5,02	6,74	4,45	2,49
45–49	0,58	1,39	0,46	0,45	0,69	0,58
18–49	26,50	43,27	23,79	29,76	13,49	13,49
Минск						
18–19	59,14	57,68	86,22	70,76	74,16	–
20–24	63,81	57,59	81,05	68,12	53,15	50,00
25–29	58,82	55,21	61,68	59,44	48,92	35,17
30–34	46,79	51,24	45,02	54,91	41,88	39,43
35–39	32,18	36,03	28,97	47,88	29,15	22,40
40–44	10,45	16,64	10,15	10,22	8,02	4,00
45–49	3,21	4,20	4,09	1,02	1,41	1,08
18–49	37,52	50,51	34,59	40,70	22,32	22,32

Примечание. Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, полученным в ходе переписи населения 2019 г.

Самые высокие показатели репродуктивных установок имеют респонденты, никогда не состоявшие в браке (49,05 %). В региональном разрезе в этой группе наиболее высокие репродуктивные планы характерны респондентам Брестской области (53,65 %), что более чем на 10 процентных пунктов выше, чем в Могилёвской области (43,27 %). Кроме того, брестские респонденты лидируют по намерению рожать среди опрошенных в возрасте 20–39 лет. В других возрастных когортах более высокие репродуктивные установки имеют столичные женщины 40–44 лет (16,64 %) и 45–49 лет (4,20 %). То, что репродуктивные установки у респондентов,

никогда не состоявших в браке, зафиксированы на уровне менее 50 %, – неблагоприятный сигнал.

Также выступают в качестве репродуктивного потенциала и планируют иметь детей женщины, состоящие в незарегистрированных брачных отношениях (33,92 %). В региональном разрезе наиболее высокие показатели наблюдаются в Минске (40,70 %), наиболее низкие – в Могилёвской области (29,76 %). Среди возрастных когорт репродуктивный потенциал выше у респондентов в возрасте 18–19 лет (69,55 %), 20–24 лет (66,27 %), 25–29 лет (55,18 %). Но в целом он не превышает двух третей респондентов, что также с позиций перспектив де-

мографического роста характеризует будущие демографические процессы.

Среди состоящих в браке планируют рожать 27,68 % респондентов. Этот более низкий по сравнению с другими группами респондентов показатель, очевидно, связан с тем, что многие из них уже имеют детей и считают свою репродуктивную функцию выполненной. При этом среди женщин, состоящих в браке, самый высокий показатель по намерению рожать приходится на столицу (34,59 %), что значительно выше (более чем на 7 процентных пунктов) по сравнению с Витебской областью, имеющей в этой когорте второй показатель. Отметим, что, как и по общему опросу, репродуктивные установки респондентов Минска и Витебской области находятся в обратной корреляции с самыми низкими фактическими уровнями рождаемости в данных регионах. Это свидетельствует о значимости субъективного фактора в репродуктивных процессах, а значит, о необходимости создания условий для реализации отложенной репродуктивной компоненты.

Среди разведенных и разошедшихся респондентов, а также среди вдовых зафиксированы наименьшие репродуктивные установки – 16,09 и 9,26 % соответственно. В региональном разрезе наиболее высокие показатели отмечаются в Минске. Это, конечно, невысокий потенциал демографического роста.

В Республике Беларусь снижение численности рождений первого ребенка связано с сокращением населения, вступающего в брачный период. Снижение численности рождений второго ребенка связано с возрастными поколенческими сдвигами, а также с политикой «финансовой диеты» (с 2016 г. в трудовом стаже не учитывается декретный отпуск). В то же время наблюдается некоторый рост рождений третьего и последующих детей. Рост числа рождений третьего и последующих детей невелик. К сожалению, такая тенденция не привела к обеспечению даже простого демовоспроизводства. Третий ребенок часто появляется в семьях женщин с низким социальным статусом.

Наблюдается увеличение поколенческого лага рождений – с 20 лет в 1980-х гг. до сегодняшнего показателя 30 лет, а также снижение количества детей в каждом последующем поколении. Ныне временной лаг поколений имеет тенденцию к увеличению. При этом снижение рождаемости происходит от по-

коления к поколению, длина которого определяется средним возрастом (превышающим 26 лет) рождения первого ребенка. Изменился календарь рождений в связи с возрастом, а также супружеством. При этом у современных родителей меньше детей, чем было у их родителей. Это отражает снижение суммарных коэффициентов рождаемости.

Сводить проблему обеспечения перспектив демографического роста только к сузившемуся репродуктивному потенциалу, конечно, важно, но недостаточно. В таком случае можно оправдать и бездействие демографической политики. Репродуктивные перспективы зависят от многих составляющих. Ведущим направлением современной науки является поведенческий подход, в частности поведенческая психология и экономика. Поведенческий подход к демографическому анализу должен учитывать поведение всех акторов: государства, мужчины, женщины и ребенка. В репродуктивных процессах поведение большинства мужчин связано с его природной сущностью – продолжением рода, значительная их часть в большей степени заинтересованы в большой семье. Современная женщина, как показывают материалы опроса, имеет другую ориентацию. Интересна позиция детей: значительная часть первых детей хотели бы иметь братика или сестренку. Но с появлением второго ребенка многие дети ощущают, что им стали уделять меньше внимания, что также сказывается на репродуктивных установках семей.

Репродуктивное поведение семьи зависит от того, насколько счастлива семья. Так, рождение ребенка – счастье для каждой семьи, но оно создает и проблемы, препятствующие повторению этого счастья. Если в связи с рождением ребенка и декретным отпуском семьи в течение некоторого времени получают пособие, то в последующем они сталкиваются с проблемами. Родители должны платить за различные услуги – факультативы в школах, пользование бассейнами, обеспечение канцелярскими товарами, санитарно-гигиеническими средствами в детских дошкольных учреждениях и т. д.

С позиций необходимого демографического развития современная семья нуждается в обеспечении детей нормальной социальной инфраструктурой, расширении доступных услуг для совмещения трудовой деятельности, воспитания детей и семейной жизни.

Заключение

Основные направления решения демографических проблем в нашем государстве отражены в Законе «О демографической безопасности Республики Беларусь». Документ акцентирует внимание на необходимости преодолеть демографические угрозы, важнейшими из которых являются депопуляционные процессы. К сожалению, со второй половины прошедшего десятилетия демографические процес-

сы в Беларуси вошли в новый виток депопуляции. Соответствующие программы, разработанные государством, носят преимущественно ведомственный характер и не предусматривают социальных мер по обеспечению демографической безопасности. В то же время депопуляционные тенденции создают геополитические риски и требуют пристального внимания.

Репродуктивное поведение является важнейшим компонентом современного социально-экономического развития Беларуси, в частности обеспечения национальной безопасности. Для решения демографических проблем следует сформировать новую парадигму государственной демографической политики, которая позволит предупредить и нивелировать большинство демографических угроз и будет способствовать формированию прогрессивного типа воспроизводства населения. На наш взгляд, необходимы следующие антидепопуляционные меры:

- актуализация проблемы демографического развития страны на уровне всей системы социальной и экономической политики (примером может стать российский национальный проект «Демография»);

- разработка демографических мероприятий в соответствии с социально-демографическими потребностями групп населения и региональными особенностями;

- повышение престижности семейных ценностей, ориентированных на формирование репродуктивных установок на среднедетность и многодетность;

- стимулирование рождаемости путем прогрессивной поддержки семей и женщин, имеющих не менее двух малолетних детей и (или) собирающихся рожать второго и последующих детей;

- постоянное корректирование демографической политики;

- обеспечение системности и комплексности государственных демографических программ, выходящих за рамки ведомственных интересов.

Библиографические ссылки

1. Злотников АГ. *Демографические идеи и концепции*. Минск: Право и экономика; 2014. 388 с. (Гуманитарные науки).
2. Злотников АГ. Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;3:59–68.
3. Раков АА. *Население БССР*. Минск: Наука и техника; 1969. 224 с.
4. Шахот'ко ЛП. *Воспроизводство населения Белорусской ССР*. Раков АА, редактор. Минск: Наука и техника; 1985. 128 с.
5. Шахот'ко ЛП. *Рождаемость в Белоруссии (социально-экономические вопросы)*. Минск: Наука и техника; 1975. 167 с.

References

1. Zlotnikov AG. *Demograficheskie idei i kontseptsii* [Demographic ideas and concepts]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2014. 388 p. (Humanitarian sciences). Russian.
2. Zlotnikov AG. Expertise of the modern reproductive situation in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;3:59–68. Russian.
3. Rakov AA. *Naselenie BSSR* [Population of the BSSR]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1969. 224 p. Russian.
4. Shakhot'ko LP. *Vosproizvodstvo naseleniya Belorusskoi SSR* [Reproduction of the population of the Belarusian SSR]. Rakov AA, editor. Minsk: Nauka i tekhnika; 1985. 128 p. Russian.
5. Shakhot'ko LP. *Rozhdaemost' v Belorussii (sotsial'no-ekonomicheskie voprosy)* [Birth rate in Belarus (socio-economic issues)]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1975. 167 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 03.06.2022.
Received by editorial board 03.06.2022.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВОСПРОИЗВОДСТВА НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

С. А. БОРЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы,
пр. Победителей, 7, 220004, г. Минск, Беларусь

На основе анализа статистических данных обосновывается определяющее влияние демографического фактора на уровень воспроизводства научных работников высшей квалификации. Установлено, что в Республике Беларусь сокращение численности лиц, обучающихся в аспирантуре, носит закономерный характер. Отмечается, что данная тенденция вызвана снижением рождаемости, а вследствие этого сокращением численности молодых людей в возрасте 17–24 лет, которые составляют основу студенчества. Сокращение численности молодежи обуславливает ежегодное снижение численности приема студентов, что влияет на объемы подготовки кадров высшей научной квалификации (на 1 тыс. студентов приходится 13,9 аспиранта). С использованием метода передвижки возрастов на основе данных демографической статистики прогнозируется численность набора студентов и аспирантов в учреждения высшего образования Беларуси до 2030 г.

Ключевые слова: система послеуниверситетского образования; научные работники высшей квалификации; воспроизводство научных работников; эффективность системы аспирантуры; профессорско-преподавательский состав учреждений высшего образования; факторы воспроизводства научных работников.

DEMOGRAPHIC FACTOR OF REPLACEMENT OF EMPLOYEES WITH PhD DEGREES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

S. A. BOREIKO^a

^aBelarusian Institute of System Analysis and Information Support for Scientific and Technical Sphere,
7 Pieramożcaŭ Avenue, Minsk 220004, Belarus

Based on the analysis of statistical data, the determining influence of the demographic factor on the level of replacement of employees with PhD degrees in the economy is substantiated. It is established that the reduction in the number of persons studying at the postgraduate school of the Republic of Belarus is of a natural nature. This trend is due to the processes of reducing the number of young people aged 17 to 24 years, who form the basis of students. Due to the reduction in the number of young people, there is an annual decrease in the number of students who have a decisive influence on the volume of training of employees with PhD degrees (there are 13.9 graduate students per 1 thousand students). Based on demographic statistics data, as well as using classification by year of birth, the recruitment of students and postgraduates to higher educational institutions until 2030 is predicted.

Keywords: the system of postgraduate education; employees with PhD degrees; replacement of employees; efficiency of the postgraduate system; teaching staff of universities; factors of replacement of employees with PhD degrees.

Образец цитирования:

Борейко С.А. Демографический фактор воспроизводства научных работников высшей квалификации в Республике Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;2:49–55.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-49-55>

For citation:

Boreiko SA. Demographic factor of replacement of employees with PhD degrees in the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;2:49–55. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-49-55>

Автор:

Снежана Андреевна Борейко – заведующий сектором статистики науки и инноваций отдела научно-методического обеспечения инновационного развития.

Author:

Snezhana A. Boreiko, head of the sector of science and innovation statistics, department of scientific and methodological support of innovative development.
snezhana.boreiko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1514-6673>

Введение

Важнейшей задачей устойчивого социального и экономического развития общества является максимальное и эффективное использование интеллектуальных ресурсов. Основным интеллектуальным ресурсом любой страны считаются научные кадры. В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь¹ формирование экономики, основанной на знаниях, а также создание условий для функционирования науки как базы устойчивого инновационного развития выступают национальными интересами Беларуси в научно-технологической сфере.

Научные работники высшей квалификации (далее – НРВК) являются основным ядром кадрового потенциала национальной экономики. В рамках данной статьи под НРВК понимается специалист, обладающий ученой степенью кандидата наук. Поскольку для возможности получения степени доктора наук необходимо уже иметь степень кандидата наук, событием входа в совокупность НРВК целесообразно считать присуждение ученой степени кандидата наук [1]. Воспроизводство НРВК в данной ра-

боте рассматривается как постоянное восполнение численности научных работников с ученой степенью, занятых в экономике.

Актуальность изучения факторов воспроизводства НРВК в Беларуси подтверждается объективными статистическими данными. В течение последнего десятилетия в нашей стране наблюдается тревожная и достаточно стремительная тенденция к сокращению численности НРВК, занятых в экономике. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, на конец 2020 г. в экономике были заняты 14 617 работников с ученой степенью, или 3,38 НРВК на 1 тыс. занятых в экономике². В 2010 г. таких специалистов в нашей стране насчитывалось 17 040 человек, или 3,62 НРВК на 1 тыс. занятых в экономике. Таким образом, в течение анализируемого периода численность НРВК сократилась на 14,2 %. Подобное сокращение интеллектуального потенциала белорусского общества требует всестороннего и объективного анализа, выяснения негативных факторов, а также прогнозирования развития ситуации.

Результаты и их обсуждение

Для выяснения факторов снижения численности НРВК важно отметить, что единственным источником формирования данной категории работников является присуждение ученой степени кандидата наук. В последние годы в нашей стране значительно снизилось количество фактов ее присуждения. Так, если в 2011–2018 гг. ежегодно присуждалось более 400 степеней кандидата наук, то в 2020 г. эта цифра снизилась до 274. Подобная ситуация наблюдалась только в период кризиса после распада СССР. В связи с этим необходимо ответить на вопрос о том, где находят свое применение НРВК и какова структура их занятости.

Анализ структуры занятости НРВК показывает, что их подавляющее количество представляет профессорско-преподавательский состав учреждений высшего образования (УВО). В 2020 г. из 14 617 научных работников 9218 (63 %) работали в УВО, еще 3280 (22,4 %) были заняты в сфере научных исследований и разработок, 2119 (14,5 %) – в других сферах экономики³ (рис. 1).

Структура занятости НРВК в полной мере соответствует структуре их подготовки. Как известно, подготовка НРВК происходит в системе аспирантуры. Цифры приема формируются на основании заявок на подготовку кадров из организаций, которые испытывают потребность в соответствующих специалистах. При этом более чем в 90 % случаев за-

казчиками кадров являются сами государственные научные организации и УВО, т. е. в подавляющем большинстве случаев они готовят НРВК для собственных нужд. Данное обстоятельство позволяет предположить, что существенное сокращение численности лиц, обучающихся в аспирантуре, связано в первую очередь с тенденциями в государственном секторе научных исследований и разработок, а также в сфере высшего образования. Нами будет рассмотрена лишь сфера высшего образования, поскольку большинство аспирантов (82 %) готовят именно УВО⁴ (рис. 2).

Аспиранты, проходящие подготовку в УВО, это будущие преподаватели университетов. Безусловно, университеты могут готовить аспирантов и для других сфер экономики, однако следует отметить, что в нашей стране аспирантура носит целевой характер. При приеме в аспирантуру заключается трехсторонний договор между аспирантом, учреждением, которое его готовит, и заказчиком специалиста. В 9 случаях из 10 при заключении договора предполагается, что аспирант пойдет работать по распределению в тот университет, где проходил подготовку (т. е. университет указывается в договоре и как заказчик, и как исполнитель). Так, можно сделать однозначный вывод о том, что аспирантура при УВО предназначена прежде всего для воспроизводства собственного профессорско-преподавательского состава.

¹Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

²Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь. 2020 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск, 2020. 125 с.

³Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2021 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск, 2021. 407 с.

⁴Там же.

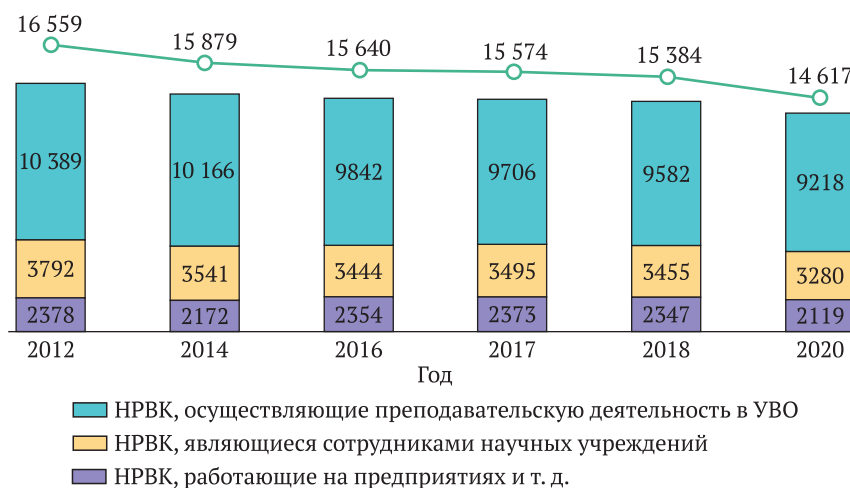

Рис. 1. Динамика численности кандидатов и докторов наук, занятых в экономике, в 2012–2020 гг.

Fig. 1. Dynamics of the number of PhD and doctors of science employed in economics in 2012–2020

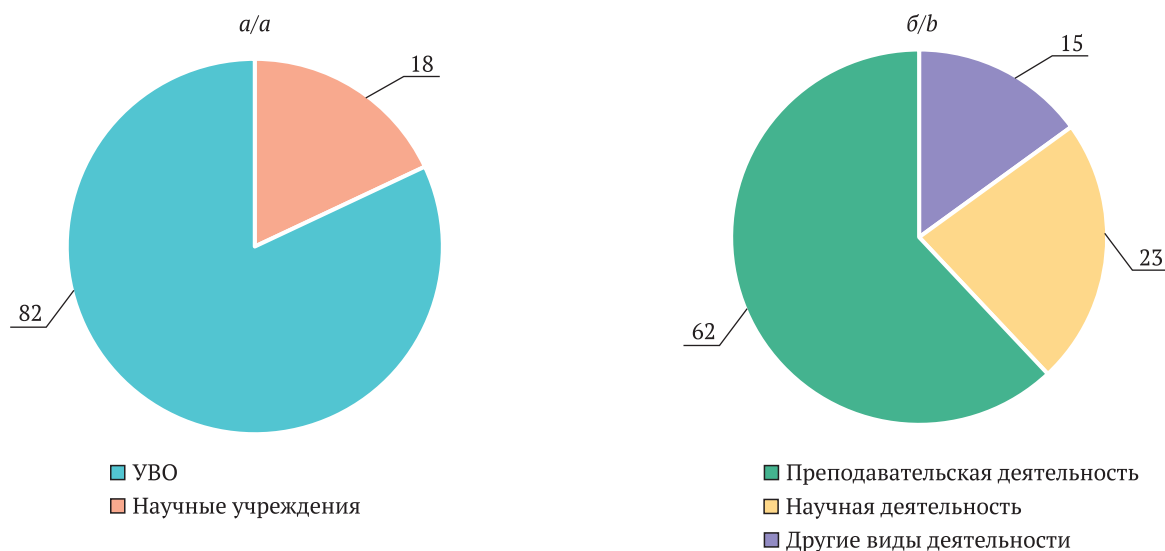

Рис. 2. Структура подготовки (а) и занятости (б) НРВК в Республике Беларусь, %

Fig. 2. The structure of training (a) and employment (b) of highly qualified workers in the Republic of Belarus, %

При этом именно снижение приема аспирантов в УВО более чем на 90 % определило снижение приема в аспирантуру в целом по стране (рис. 3). Как видим, с 2004 по 2020 г. прием в аспирантуру в УВО сократился с 1154 до 710 человек в год. За это время общая численность приема в аспирантуру в целом по стране сократилась с 1511 до 840 человек в год⁵.

В действительности данное сокращение является еще большим, поскольку с 2011 г. к общей численности приема аспирантов прибавляется численность приема на обучение в форме соискательства. Ранее данная форма не учитывалась при расчете обобщающих показателей. Для корректной оценки

тенденции, а также для анализа факторов необходимо привести показатели к единой базе расчета. Теоретически это можно осуществить двумя способами: либо ко всем предыдущим показателям (до 2009 г.) прибавить численность соискателей, либо от всех последующих показателей (после 2009 г.) отнять численность соискателей. Следует отметить, что первый способ является менее приемлемым, поскольку на протяжении последних 10 лет существенно менялась нормативная основа подготовки соискателей и с 2004 г. резко сократилась численность соискателей до относительной стабилизации в 2009 г.

⁵Образование в Республике Беларусь. 2021 : буклет / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск, 2021. 40 с. ; Образование в Республике Беларусь. 2015–2016 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск, 2015. 233 с. ; Образование в Республике Беларусь. 2013 : стат. бюлл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск, 2013. 46 с.

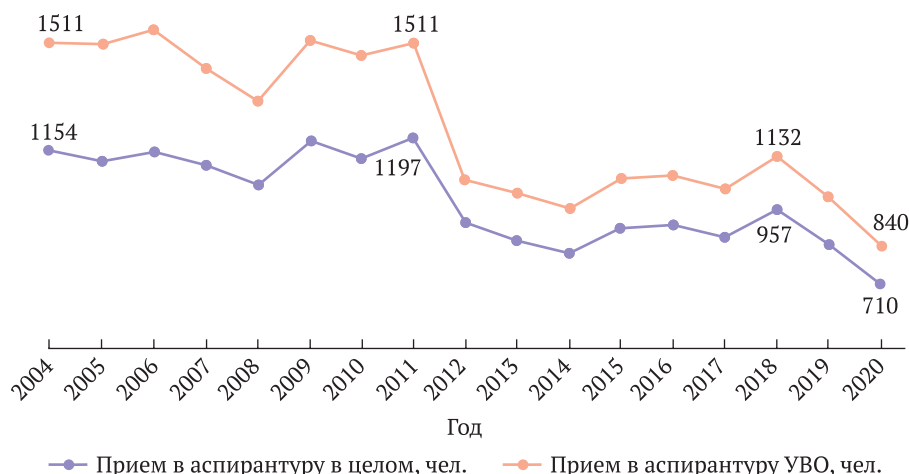

Рис. 3. Динамика численности приема аспирантов в 2004–2020 гг.
Fig. 3. Dynamics of the number of PhD students enrolled in 2004–2020

Таким образом, цифры показывают, что в 2004–2020 гг. университеты ежегодно снижали объем воспроизводства профессорско-преподавательского состава. Подобная тенденция может быть обусловлена различными причинами. Можно предположить, что на подготовку новых преподавателей выделяется недостаточно средств или что профессия преподавателя перестала быть престижной. Однако истинная причина связана с более фундаментальными и долгосрочными изменениями.

Очевидно, что количество заявок на подготовку кадров в системе аспирантуры зависит от объема предоставляемых образовательных услуг. Если число потребителей данного вида услуг сокращается, то и потребность в новых кадрах, которые призваны обеспечивать предоставление таких услуг, снижается. Иными словами, если студентов становится меньше, резко сокращается потребность и в преподавателях. В нашей стране сложилась именно такая ситуация.

В 2010 г. наблюдалась максимальная за всю историю Беларуси численность приема студентов – 87,4 тыс. человек⁶. К 2020 г. численность приема студентов в УВО сократилась до 58,3 тыс. человек⁷. Таким образом, ежегодно количество студентов сокращается примерно на 30 тыс. человек. Для сравнения отметим, что в 2020 г. в БГУ общая численность студентов составляла 25,5 тыс. человек⁸.

Указанная причинно-следственная связь между численностью приема студентов и аспирантов имеет четкое количественное выражение. В 2004–2020 гг. число лиц, принятых в аспирантуру УВО, составляло в среднем 13,9 человека на 1 тыс. принятых студентов [2]. Это соотношение носит устойчивый харак-

тер, несмотря на изменения численности приема студентов и аспирантов. Имеющиеся отклонения крайне незначительны. Коэффициент корреляции Пирсона между численностью приема студентов и аспирантов является статистически значимым ($\alpha = 0,05$) и составляет 0,86, что свидетельствует о сильной прямой зависимости (табл. 1).

Однако остается открытым вопрос, почему настолько значительно снизилось количество студентов. Среди вероятных факторов можно назвать, например, ужесточение требований к отбору или сокращение бюджетных мест в силу не востребо-ванности той или иной специальности на рынке труда. Однако на деле все более прозаично и не связано с государственной политикой в области образования, а является следствием глобального демографического тренда.

В 2010–2020 гг. существенно сократилось количество молодых людей в возрасте 17–24 лет, т. е. тех, которые формируют 85 % студенчества. Еще в 2007 г. численность этой группы составляла 1,25 млн человек, а к 2020 г. сократилась до 733,4 тыс. человек⁹. Таким образом, за 14 лет количество молодежи в стране сократилось более чем на 40 %. При таком демографическом спаде, чтобы сохранить численность студентов в УВО на прежнем уровне, пришлось бы отменить вступительные испытания и зачислять в университеты всех желающих. Стоит отметить, что в предыдущий период были упрощены требования к приему абитуриентов в УВО.

В 1996–2007 гг. численность молодых людей в возрасте 17–24 лет находилась примерно на одном уровне и составляла более 1,15 млн человек. Доля студентов в указанной возрастной группе увели-

⁶Образование в Республике Беларусь. 2013... 46 с.

⁷Образование в Республике Беларусь. 2021... 40 с.

⁸БГУ в цифрах. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://bsu.by/bgu-segodnya/bgu-v-tsifrakh-2019.php> (дата обращения: 10.05.2022).

⁹Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2021... 407 с.

чилась с 15,7 до 28,0 % за это время¹⁰. Именно на данный период приходится так называемая массовизация высшего образования, когда практически

каждый 3-й молодой человек являлся студентом. Например, в 1996 г. студентом был лишь каждый 6-й представитель молодежи (рис. 4).

Таблица 1

Численность приема студентов и аспирантов в УВО в 2004–2020 гг.

Table 1

The number of admission of students and graduate students in institutions of higher education in 2004–2020

Год	Количество студентов, чел.	Количество аспирантов, чел.	Численность аспирантов на 1 тыс. студентов, чел.
2004	75 100	1154	15,4
2006	75 900	1150	15,2
2008	79 100	1044	13,2
2010	87 400	1129	12,9
2012	79 300	916	11,6
2014	59 200	815	13,8
2016	62 700	905	14,4
2018	58 900	957	16,3
2020	58 300	710	12,2

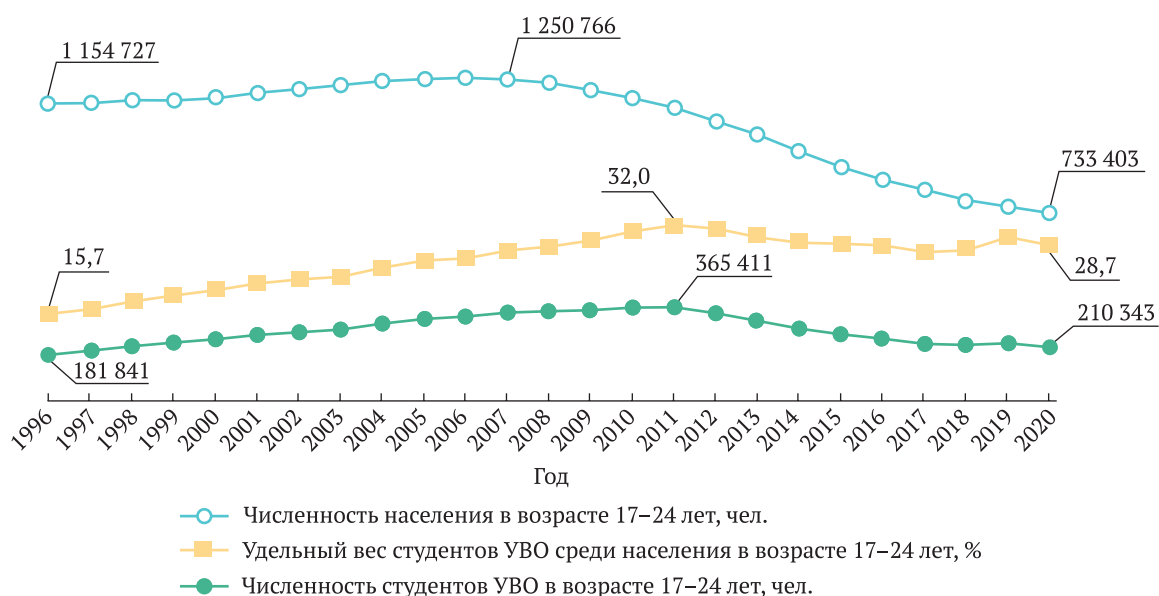

Рис. 4. Динамика численности студентов в УВО в 1996–2020 гг.

Fig. 4. Dynamics of the number of students in institutions of higher education in 1996–2020

Достигнув максимума на уровне около 30 %, доля студентов в общей численности молодежи стабилизировалась и продолжает сохраняться на том же уровне. Дальнейшее увеличение доли охвата высшим образованием означает еще большее упрощение требований к поступающим в УВО. Уже сегодня при поступлении на некоторые специальности во-

обще нет конкурса и объявляется дополнительный набор.

Таким образом, выстраивается последовательная цепочка причинно-следственных связей, в основе которой лежит демографический фактор. Под влиянием этого фактора, а именно снижения рождаемости, произошло резкое сокращение численности

¹⁰Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2021... 407 с.

молодежи (на 40 % за 14 лет). В течение нескольких лет эту тенденцию удавалось компенсировать увеличением охвата молодежи высшим образованием. Однако, когда студентом стал уже каждый 3-й представитель этой возрастной группы, увеличение доли охвата зафиксировалось на одном уровне, что означало неизбежное сокращение численности приема студентов в УВО вслед за уменьшением численности молодежи. В результате ежегодный прием в УВО снизился практически на 30 тыс. человек. Это огромная цифра, которая означает неизбежное сокращение потребности в преподавателях и, соответственно, необходимость корректировки планов по подготовке новых кадров. Если ежегодно снижается число новых студентов, сокращение приема аспирантов как будущих преподавателей является логичным и естественным решением.

Выявленные закономерности позволяют не только объяснить сложившиеся тренды, но и спрогнозировать развитие ситуации как минимум на 17 лет. Подобная возможность гарантирована тем, что мы точно знаем количество молодых людей, которые через 17 лет станут потенциальными студентами УВО. Таким образом, можно спрогнозировать демографическую базу для будущего набора в УВО.

На 1-м этапе прогнозирования с помощью метода передвижки возрастов необходимо рассчитать

численность населения в возрасте 17–24 лет в каждом году прогнозного периода. На 2-м этапе следует умножить прогнозную численность молодых людей 17–24 лет на долю студентов в соответствующей возрастной группе. В рамках данного этапа соответствующая доля равна 30 % (именно такое значение наблюдалось на протяжении последних 10 лет). На 3-м этапе на основании темпов роста численности студентов необходимо спрогнозировать темп роста приема студентов. Соответствующий расчет осуществляется по формуле

$$A_x = \frac{S_x}{S_{x-1}} A_{x-1},$$

где A_x – численность студентов, принятых на 1-й курс обучения в прогнозируемом году; S_x – численность всех студентов в прогнозируемом году; S_{x-1} – численность всех студентов в базовом году; A_{x-1} – численность студентов, принятых на 1-й курс обучения в базовом году.

На основании установленного соотношения численности аспирантов на 1 тыс. студентов (13,9 человека) мы можем спрогнозировать численность приема аспирантов. Прогноз численности приема студентов и аспирантов до 2030 г. представлен нами в табл. 2.

Таблица 2

**Прогноз приема студентов и аспирантов в УВО до 2030 г.
относительно численности населения в возрасте 17–24 лет, чел.**

Table 2

**Forecast for admission of students and graduate students
in the higher educational institution up to 2030 relative
to the population aged 17–24, people**

Показатели	Базовый год (2020)	Год								
		2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Численность населения в возрасте 17–24 лет	733 403	727 536	731 612	742 263	756 448	773 991	793 298	813 933	840 883	868 573
Численность студентов в возрасте 17–24 лет	210 343	218 261	219 484	222 679	226 934	232 197	237 989	244 180	252 265	260 572
Численность студентов, принятых на 1-й курс обучения	58 300	60 495	60 833	61 719	62 899	64 357	65 963	67 678	69 919	72 222
Численность аспирантов, принятых на 1-й год обучения	728	841	846	858	874	895	917	941	972	1004

Как видим, демографическая яма ожидается в 2022 г., когда численность молодых людей в возрасте 17–24 лет достигнет 727,5 тыс. человек. В последующем численность данной возрастной группы будет увеличиваться как минимум до 2030 г. и составит 868,6 тыс. человек.

Если доля охвата молодежи высшим образованием сохранится на нынешнем уровне, то в 2030 г.

студентами будут 260,6 тыс. человек в возрасте 17–24 лет. Для обеспечения такого количества студентов численность приема на 1-й курс должна будет составлять 72,2 тыс. человек. Прием в аспирантуру УВО составит 1004 человека, что почти на 40 % выше уровня 2020 г. (728 человек).

Указанные расчеты демонстрируют, что Беларусь уже достигла минимального уровня и в среднесроч-

ной перспективе ожидается некоторое увеличение численности аспирантов. Однако важно помнить о том, что численность населения имеет волнообразный характер. Пик предстоящей демографической волны мы встретим на уровне приема аспирантов, который будет составлять 1004 человека. На пике

предыдущей волны, в 2004 г., прием в аспирантуру УВО составлял более 1,5 тыс. человек (см. рис. 3). Соответственно, следующая демографическая яма будет еще более серьезной и глубокой, а значит, проблема воспроизводства НРВК станет еще более острой.

Заключение

В последние годы существенно снизилась численность НРВК, в том числе численность профессорско-преподавательского состава УВО, представляющего более 60 % научных работников с ученой степенью. Негативные тенденции являются следствием демографического кризиса, а именно снижения рождаемости в 1990-х гг., в результате которого существенно сократилась численность молодежи.

В течение нескольких лет эту тенденцию удавалось компенсировать увеличением охвата молодежи высшим образованием. Однако когда студентом стал уже каждый третий, увеличение доли охвата зафиксировалось на одном уровне (30 %). Произошло резкое сокращение численности приема студентов в УВО, что отразилось на потребности в подготов-

ке НРВК. Численность обучающихся в аспирантуре системы высшего образования находится в сильной корреляционной зависимости от численности приема студентов (коэффициент корреляции 0,8). В результате резкое сокращение приема студентов повлияло на снижение численности аспирантов, а значит, и специалистов с ученой степенью и профессорско-преподавательского состава УВО.

Сокращение воспроизводства НРВК в последние годы обусловлено именно демографическим фактором. И хотя в среднесрочной перспективе ожидается увеличение количества НРВК, занятых в экономике, следующая демографическая волна принесет более серьезные последствия для системы университетского и послеуниверситетского образования.

Библиографические ссылки

1. Белов АА, Бореико СА. Уровень воспроизводства научных работников высшей квалификации в Республике Беларусь и перспективы его повышения. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;3:64–74. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-3-64-74.
2. Шумилин АГ, Гусаков ВГ, редакторы. *О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2014 г.* Минск: БелИСА; 2015. 271 с.

References

1. Belov AA, Boreiko SA. The level of replacement of employees with PhD degrees in the Republic of Belarus and the prospects of its improvement. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;3:64–74. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2021-3-64-74.
2. Shumilin AG, Gusakov VG, editors. *O sostoyanii i perspektivakh razvitiya nauki v Respublike Belarus' po itogam 2014 g.* [On the state and prospects for the development of science in the Republic of Belarus following the results of 2014]. Minsk: BellISA; 2015. 271 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 02.06.2022.
Received by editorial board 02.06.2022.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КОРОНАКРИЗИСА

А. Г. ДАВЫДОВСКИЙ¹⁾, Н. В. ЛАПИЦКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
ул. П. Бровки, 6, 220013, г. Минск, Беларусь

Представлен биоинспирированный квазимолекулярный алгоритм сценарного анализа, на основе которого предложены семь сценариев социальных последствий цифровой трансформации образования и пять сценариев социальных и социотехнических последствий пандемии COVID-19. Отмечается, что сценарный подход является эффективным инструментом системного анализа и прогнозирования различных вариантов социальной активности интернет-пользователей в условиях коронакризиса.

Ключевые слова: COVID-19; коронакризис; сценарный подход; дистанционное обучение; цифровая трансформация образования; корреляционный анализ; множественный линейный регрессионный анализ; социальные последствия.

SOCIAL CONSEQUENCES OF THE EDUCATION DIGITAL TRANSFORMATION IN THE CONDITIONS OF THE CORONACRISIS

A. G. DAVIDOVSKY^a, N. V. LAPITSKAYA^a

^aBelarusian State University of Informatics and Radioelectronics,
6 P. Broŭki Street, Minsk 220013, Belarus
Corresponding author: A. G. Davidovsky (agd2011@list.ru)

A bioinspired quasi-molecular scenario analysis algorithm has been developed, on the basis of which seven scenarios of the social consequences of the digital transformation of education, as well as five scenarios of the development of the social consequences of the COVID-19 pandemic, have been proposed. The scenario approach is an effective tool for system analysis and forecasting of various variants of social activity of Internet users in the conditions of the coronacrisis.

Keywords: COVID-19; coronacrisis; scenario approach; distance learning; digital transformation of education; correlation analysis; multiple linear regression analysis; social consequences.

Образец цитирования:

Давыдовский АГ, Лапицкая НВ. Социальные последствия цифровой трансформации образования в условиях коронакризиса. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;2:56–65.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-56-65>

For citation:

Davidovsky AG, Lapitskaya NV. Social consequences of the education digital transformation in the conditions of the coronacrisis. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;2:56–65. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-56-65>

Авторы:

Анатолий Григорьевич Давыдовский – кандидат биологических наук, доцент; доцент кафедры программного обеспечения информационных технологий факультета компьютерных систем и сетей.
Наталья Владимировна Лапицкая – кандидат технических наук, доцент; заведующий кафедрой программного обеспечения информационных технологий факультета компьютерных систем и сетей.

Authors:

Anatoly G. Davidovsky, PhD (biology), docent; associate professor at the department of software for information technologies, faculty of computer systems and networks.
agd2011@list.ru
Natalya V. Lapitskaya, PhD (engineering), docent; head of the department of software for information technologies, faculty of computer systems and networks.
lapan@bsuir.by

Введение

В условиях коронакризиса образование оказывается в центре внимания общественности. Цифровая трансформация высшего образования (ЦТВО) является одним из ведущих трендов в постпандемическом мире, одним из драйверов развития всех сфер социальной практики в условиях четвертой промышленной революции [1]. Инструменты обучения, основанные на веб-технологиях (вебинары, видеоконференции, электронные переводчики, приложения для изучения иностранных языков и т. д.), получили распространение еще до начала пандемии COVID-19. Но коронакризис значительно простимулировал развитие цифровых образовательных технологий, в частности дистанционного обучения (ДО), использующего веб-инструменты для разработки учебных материалов и их доставки пользователям, а также для управления учебным процессом [2].

Очевидно, что в постпандемических условиях широко распространятся технологии обучения, предполагающие использование мобильных устройств, переход к «перевернутым классам», создание «конструктора пространств» и др. Новые методики обучения получают развитие благодаря внедрению цифровых платформ, образовательной робототехники, технологий искусственного интеллекта, интернета вещей. Актуальным направлением ЦТВО является распространение цифровых библиотек и кампусов онлайн-курсов, уже внедренных многими университетами мира [3]. Кроме того, важнейшими трендами в ДО являются «электронное перевернутое обучение», цифровое кооперативное обучение, геймификация, использование технологий дополненной, виртуальной, смешанной реальности, применение облачных образовательных веб-ресурсов для создания виртуальных классов, лабораторий, кафедр, факультетов и университетов [4–6].

Нами был проведен анализ динамики научных публикаций на тему ЦТВО за 1986–2019 гг. Все работы опубликованы в изданиях, входящих в глобальные базы данных цитирования *Web of Science* и *Scopus*. Анализ позволил получить уравнение экспоненциальной аппроксимации [7; 8]:

$$\text{ЦТВО} = 2E - 152\exp(0,175t),$$

где t – номер года по порядку в периоде исследований за 1986–2019 гг. (коэффициент детерминации $R^2 = 0,94$).

Причем за 1995–2015 гг. динамика числа публикаций на тему ЦТВО может быть аппроксимирована линейным уравнением:

$$\text{ЦТВО} = 20,829t - 33,629,$$

где t – номер года по порядку в периоде исследований за 1995–2019 гг. (коэффициент детерминации $R^2 = 0,93$).

Сегодня исследование ЦТВО отличается высокой актуальностью. Пандемия COVID-19 и последовавший за ней коронакризис значительно ускорили цифровизацию сферы образования и всех видов обучения, вынудив образовательные учреждения мигрировать на социотехнические онлайн-платформы¹. Вместе с тем практический интерес представляет системный анализ основных прогнозируемых тенденций ЦТВО, а также ее социальных и социотехнических последствий. Наиболее эффективным и перспективным инструментом изучения будущего является сценарный подход.

Целями нашего исследования являются разработка и анализ наиболее вероятных сценариев социальных последствий цифровой трансформации образования в условиях коронакризиса в ближайшем посткризисном периоде, а также социальных и социотехнических последствий пандемии.

Методология исследования

Область запросов, используемых преимущественно для поиска информационных ресурсов по тематическим кластерам ДО и COVID-19, были сформированы с применением веб-сервиса контекстной рекламы *Google* за период с января 2020 г. по август 2021 г., а также общедоступных веб-сервисов *Wordstat Yandex* за период с июля 2020 г. по август 2021 г. и *Google Trends* за период с августа 2016 г. по июль 2021 г.

Поисковые обращения на темы *электронное обучение, онлайн-обучение, антивирус, Telegram, Viber, COVID-19, Zoom, Discord, Moodle, Skype, Windows, Linux, Википедия, мемы, самоизоляция* были исследованы на предмет связи с ключевой темой – ДО. Факторами, оказывающими наиболее существенное влияние на

динамику поисковых обращений по теме ДО, являются следующие: *антивирус, Википедия, самоизоляция, мемы, Moodle, Skype, Windows, Zoom*. Анализ соответствия данных вариационных рядов нормальному (гауссовскому) распределению осуществлен с помощью критериев Колмогорова – Смирнова и Лиллиефорса [9; 10]. Показано удовлетворительное соответствие исследуемых вариационных рядов нормальному распределению. Данные обработаны с помощью корреляционного и регрессионного анализа с использованием критерия Пирсона, включая построение множественных линейных регрессионных моделей (МЛРМ), а также сценарного анализа с формированием оптимистического, базового и пессимистического сценариев [9; 11].

¹Coronavirus disease (COVID-19) pandemic // World Health Organisation [Electronic resource]. URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019> (date of access: 31.03.2021).

Результаты корреляционного и регрессионного анализа

По данным веб-сервиса *Wordstat Yandex*, анализ показателей динамики поисковых обращений в период с 27 июля 2020 г. по 3 августа 2021 г. позволил установить коэффициенты корреляции по Пирсону (r^2 ; $p < 0,05$) между частотой поисковых обращений на тему ДО и частотой поисковых обращений *электронное обучение* ($r^2 = 0,56$), *антивирус* ($r^2 = 0,36$), *Viber* ($r^2 = 0,28$), *COVID-19* ($r^2 = -0,03$), *Zoom* ($r^2 = 0,86$), *Discord* ($r^2 = -0,46$), *Moodle* ($r^2 = 0,86$), *Skype* ($r^2 = 0,65$), *мемы* ($r^2 = 0,69$), *Википедия* ($r^2 = 0,67$) и *Windows* ($r^2 = 0,51$) в русскоязычном сегменте интернета в Беларуси.

По данным веб-сервиса *Wordstat Yandex*, анализ показателей динамики поисковых обращений, связанных с ДО, в период второй и третьей волн COVID-19 с 27 июля 2020 г. по 3 августа 2021 г. позволил выявить корреляцию между частотой поисковых обращений на тему ДО и частотой поисковых обращений на темы *электронное обучение* ($r^2 = 0,56$), *антивирус* ($r^2 = 0,36$), *Zoom* ($r^2 = 0,86$), *Discord* ($r^2 = -0,46$), *Moodle* ($r^2 = 0,86$), *Skype* ($r^2 = 0,65$), *мемы* ($r^2 = 0,69$), *Википедия* ($r^2 = 0,67$) и *Windows* ($r^2 = 0,51$).

Вместе с тем после прогнозирования фактических тенденций динамики исследуемых поисковых обращений с использованием метода экспоненциального сглаживания и коэффициентом затухания 0,8 в прогнозируемом периоде, с 4 июля 2021 г. по 25 июля 2022 г., получены существенно другие результаты.

Установлена корреляция между частотой поисковых обращений на тему ДО и частотой поисковых обращений *электронное обучение* ($r^2 = 0,63$), *онлайн-обучение* ($r^2 = 0,61$), *антивирус* ($r^2 = 0,45$), *мемы* ($r^2 = 0,85$), *Telegram* ($r^2 = -0,58$), *Viber* ($r^2 = -0,11$), *COVID-19* ($r^2 = 0,23$), *Zoom* ($r^2 = 0,89$), *Discord* ($r^2 = -0,50$), *Moodle* ($r^2 = 0,9^2$), *Skype* ($r^2 = 0,68$), *Википедия* ($r^2 = 0,75$), *Windows* ($r^2 = 0,60$), *Linux* ($r^2 = 0,37$). Показана повышенная отрицательная корреляция между поисковыми обращениями в парах *COVID-19 – Telegram* ($r^2 = -0,55$) и *COVID-19 – Viber* ($r^2 = -0,76$). Это косвенно указывает на возможную роль обращений к популярным мессенджерам *Telegram* и *Viber* в переключении внимания интернет-пользователей от ассоциированных с COVID-19

поисковых обращений в прогнозируемом периоде с 4 июля 2021 г. по 25 июля 2022 г.

На основе данных за период с августа 2016 г. по июль 2021 г. разработана МЛРМ:

$$\begin{aligned} [ДО] = & -0,03 [Telegram] - 0,03 [Viber] + \\ & + 0,15 [COVID-19] + 0,35 [Zoom] - 0,03 [Discord] + \\ & + 0,06 [Moodle] - 0,02 [Skype] - 0,09 [Мемы] + \\ & + 0,001 [Википедия] - 0,02 [Windows] - \\ & - 0,01 [Linux] + 0,161 [Android] + \\ & + 0,02 [антивирус], (R^2 = 0,78). \end{aligned}$$

На основе анализа прогноза на период с августа 2021 г. по декабрь 2023 г. разработана МЛРМ:

$$\begin{aligned} [ДО] = & 3,6 [COVID-19] + 0,73 [Discord] + \\ & + 0,35 [Android] + 0,12 [Telegram] + \\ & + 0,02 [Windows] + 0,22 [Linux] + 0,07 [Skype] - \\ & - 2,26 [самоизоляция] - 0,5 [антивирус] - \\ & - 0,01 [Moodle] - 0,6 [Zoom] - \\ & - 0,33 [мемы] - 0,23 [Viber] - \\ & - 0,03 [Википедия], (R^2 = 0,97). \end{aligned}$$

На основе данных веб-сервиса *Wordstat Yandex* за период с августа 2020 г. по июль 2021 г. разработана МЛРМ:

$$\begin{aligned} [ДО] = & 1,6 [онлайн-обучение] + 0,5 [Moodle] + \\ & + 0,4 [Zoom] + 0,3 [Skype] + 0,1 [Мемы] + \\ & + 0,02 [Windows] + 0,04 [самоизоляция] - \\ & - 0,3 [антивирус] - 0,2 [Viber] - 0,12 [Linux] - \\ & - 1,17 [электронное обучение] - \\ & - 0,1 [COVID-19] - 0,1 [Discord] - \\ & - 0,01 [Википедия], (R^2 = 0,91). \end{aligned}$$

На основе анализа прогноза на период с августа 2021 г. по июль 2022 г. разработана МЛРМ:

$$\begin{aligned} [ДО] = & + 12,5 [онлайн-обучение] + 0,7 [Skype] + \\ & + 0,5 [Zoom] + 0,3 [Moodle] + 0,04 [мемы] + \\ & + 0,02 [Windows] - 1,9 [электронное обучение] - \\ & - 0,3 [Viber] - 0,3 [антивирус] - 0,03 [Telegram] - \\ & - 0,1 [COVID-19] - 0,1 [Discord] - 0,1 [Linux] - \\ & - 0,03 [самоизоляция], (R^2 = 0,97). \end{aligned}$$

Полученные результаты указывают на возможную роль социотехнических платформ ДО в регуляции социальных последствий пандемии COVID-19.

Сценарии последствий ЦТВО в условиях коронакризиса и посткризисного мира

Результаты корреляционного и регрессионного анализа позволили перейти к системному исследованию социальных и социотехнических последствий ЦТВО в условиях посткоронакризисного мира с использованием методологии сценарного подхода [12; 13]. Прогнозирование динамики поисковых обращений интернет-пользователей осуществлено на основе впервые используемого в заданном кон-

тексте биоинспирированного квазимолекулярного алгоритма сценарного анализа, предполагающего формирование, исследование и селекцию оптимистического, базового и пессимистического сценариев и их различных вариантов [14; 15]. Для разработки сценариев были выбраны двухлетний и пятилетний горизонты интерполяции. Прогнозирование осуществлялось на период до двух лет.

В рамках сценарного подхода предложены максимальные, минимальные, средневзвешенные, а также смешанные (гибридные) варианты сценариев. Вероятность принадлежности любого случайного сценария к диапазону всех сценариев была оценена с использованием подхода Лапласа.

Популярность сценарного подхода во многом обусловлена тем, что начиная с последней трети XX ст. человечество регулярно сталкивается с системными проблемами локального и глобального характера, которые, по выражению финансового аналитика Н. Н. Талеба, являются «черными лебедями» – непрогнозируемыми событиями, неожиданно возникающими в сложных социальных, социально-экономических и политических системах [16]. Такие «черные лебеди» выходят за рамки стандартных представлений и не могут быть спрогнозированы на основе предыдущих тенденций, но играют детерминирующую роль для динамики событий в глобальном масштабе.

На основе биоинспирированного квазимолекулярного алгоритма сценарного анализа разработаны и верифицированы семь сценариев социальных последствий ЦТВО в условиях пандемии COVID-19.

Сценарий 1: модель ДО на основе технологий *big data*. Технологии *big data* пока еще не нашли широкого применения в системе образования, хотя их потенциал весьма высок. По мере внедрения данных технологий в образование будет расти объем цифровых данных для выхода на качественно новый уровень аналитической информации об учебной деятельности, разработки новых методик оценки обучаемых, а также для прогнозирования и анализа индивидуальных образовательных траекторий. Перспективной является быстрая адаптация онлайн-образования, в частности смешанные формы обучения и онлайн-курсы, такие как массовые открытые онлайн-курсы (МООК) и специализированные профессиональные открытые онлайн-курсы (СПООК). ЦТВО выступает формой реализации проектно-конструкторского подхода в области управления сценариями развития образовательной сферы. Перед университетами, стремящимися сохранить свои позиции на глобальном рынке образования, стоит задача войти в международное научно-образовательное пространство. Цифровые платформы, институционально замещающие прежние каналы хранения, обработки и получения информации, умные технологии, цифровые приложения и образовательные ресурсы МООК, СПООК в условиях недостаточно эффективного использования могут быть факторами, которые фрагментируют мировое образовательное пространство, изменяют способы получения образования и разрушают привычные формы его организации [17].

Наиболее перспективными формами реализации системы ДО являются игровое обучение, МООК, конструирование долгосрочных индивидуальных траекторий обучения на основе онлайн-опросов, сбора, обработки и хранения персональных образовательных данных.

Сценарий 2: модель ДО на основе социотехнической системы биоцифрового университета. В XXI в. можно наблюдать развитие образовательных хабов, сетевых сообществ и ряда других новейших форм организации жизнедеятельности университетов. Активно работают открытые образовательные ресурсы с вариативными комбинациями обучения. Анализ международного опыта цифровизации образования позволил предложить концептуальную модель сетевой образовательной платформы биоцифрового университета 4.0, который направлен на многомерное и многовекторное развитие человеческого потенциала. При этом модель «университет 4.0» целесообразно рассматривать как социотехническую экосистему биоцифрового университета, которая направлена на синтез аналитических приложений, образовательных ресурсов и индивидуального потенциала человека как субъекта образования [18].

Предложена модель социотехнической системы биоцифрового университета, целями которой являются комплексная диагностика и развитие характеристик человеческого потенциала как студентов, так и выпускников, включая программирование их жизненных сценариев, траекторий образовательного, карьерно-профессионального и личностного роста на основе эргономичного и неинвазивного синтеза антропологических ресурсов и умных информационно-технологических сервисов, направленных на гармоничное развитие когнитивных возможностей человека².

В рамках этой модели технологические сервисы и приложения (скрипты) биоцифрового университета 4.0 полностью адаптируются под потребности студентов и преподавателей и могут вытеснить классические образовательные программы и линейный способ передачи информации. Окончательно будет разрушено дисциплинарное ядро, на смену которому придет тематическое образование, когда исследуется феномен, что усилит трансдисциплинарность в науке и образовании. Обучение потеряет географические ограничения, и студенты смогут обучаться в любом месте и в любое время. Традиционный университет прекратит двухмерное существование в физическом пространстве, перейдя в виртуальное пространство посредством облачных технологий на основе формата сетевого партнерства с распределенным сетевым управлением [19].

²Цифровой университет: применение цифровых технологий в современных образовательных учреждениях [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itweek.ru/idea/article/detail.php?ID=192831> (дата обращения: 12.07.2019).

Коронакризис ускорил цифровую трансформацию университета как аксиологического ядра многовекового цивилизационного проекта. Определение перспектив ЦТВО возможно на основе перехода к социотехнической модели «университет 4.0+» или «университет 5.0», т. е. к виртуальному университету. Трансформация высшей школы в модель биоцифрового университета предполагает переориентацию социотехнической системы университета, включающей образовательные, информационные, технологические, материальные ресурсы и антропосоциальный потенциал (представлен отдельными людьми и их организованными группами), на подготовку специалистов в условиях цифрового перехода.

Сценарий 3: модель ДО в условиях прихода цифрового поколения. Для нового поколения Z, представители которого родились после 2003 г., свойственны значительные цифровые компетенции [20; 21]. Поколение Z будет жить в условиях четвертой промышленной революции, для которой характерны размытие «линии фронта» (границы четкого раздела между физической, цифровой и биологической сферами), беспрецедентное накопление новых знаний (трудовые ресурсы более чем на 75 % будут связаны с производством новых знаний и обработкой информации), переход к креативной экономике, формирование не материального, а цифрового и когнитивного неравенства между людьми, которое заключается в самих людях и их способностях, вытеснение человеческих ресурсов цифровыми технологиями на рынке труда. В частности, к 2040 г. в промышленно развитых странах от трети до половины рабочих мест, где пока еще заняты люди, будут заполнены робототехническими системами, компьютерными программами, системами дополненной и виртуальной реальности, конвергентными технологиями [22].

При этом важными инструментами захвата и удержания ментального господства станут технологии нейрохакинга, обеспечивающие контроль над процессами усвоения информации индивидуальными и (или) коллективными объектами манипуляций. Технологии нейрохакинга используются уже сегодня с помощью новых медиа – социальных сетей и мессенджеров. Их пользователями часто являются представители поколения Z, осуществляющие коммуникацию путем коротких, односложных текстовых сообщений, видео- и аудиотекстов. Такие пользователи предпочитают обращаться к новым медиа: *Instagram, Reddit, TikTok, Likee, Telegram, Discord*, игровым платформам *Garena, Yotta Games, Brawl Stars*, платформам для стриминга игр *Twitch*

и *Bigo*, а также к сервисам анонимных вопросов *Спроси и ask.fm*. Согласно данному сценарию, именно поколение Z станет объектом применения технологий когнитивных войн, что уже сегодня демонстрируют многочисленные примеры вовлечения детей школьного возраста и студенческой молодежи в деструктивные социальные процессы.

Сценарий 4: модель ДО на основе индивидуально адаптированных массовых открытых онлайн-курсов. МООК – это онлайн-курсы, которые предлагают неограниченное участие и открытый доступ через интернет [23]. Концепция МООК была введена в 2008 г. [24].

Сценарий 5: модель ДО на основе веб-технологий. Роль онлайн-образования чрезвычайно возрастает благодаря высокой гибкости, доступности информации, глобальному охвату, инновационному характеру, значительной интенсивности и эффективности обучения. Еще в 2019 г., до пандемии COVID-19, инвестиции в образовательные технологии по всему миру составили более 18 млрд долл. США. По прогнозам, общий рынок онлайн-образования к 2025 г. достигнет 350 млрд долл. США³.

Мобильные сети 5-го (5G) и 6-го (6G) поколений предоставляют возможности для мобильного ДО, которое в будущем может стать основным каналом онлайн-образования. При этом подключение к онлайн-учебному классу возможно в любое время с помощью девайсов для мобильного доступа в интернет. Высокоскоростная мобильная сеть обеспечивает более эффективную передачу данных, включая аудио- и видеоматериалы высокой четкости, и высококачественное синхронное взаимодействие в онлайн-режиме. Мобильное обучение предлагает высокую гибкость и удобство использования [25]. Онлайн-образование может применять стратегии обучения, основанные на данных, различные инструменты с открытым исходным кодом для их совершенствования и повышения качества образования посредством непрерывной модификации. В онлайн-образовании необходим поиск компромисса между пространственно-временной и ресурсной эффективностью, с одной стороны, и эргономичностью и дидактической результативностью – с другой [26]. В условиях коронакризиса темпы развития онлайн-образования значительно выросли⁴. Так, *Zoom* завершил второй квартал 2020 г. с более чем 370 тыс. клиентов, что представляет собой ошеломляющий годовой темп роста в 458 %⁵. Хотя онлайн-образование имеет много преимуществ по сравнению с традиционным и может использоваться в дополнение к классному обучению, оно имеет и недостатки: нестабильность глобаль-

³Cathy Li, Lalani F. The COVID-19 pandemic has changed education forever. This is how [Electronic resource]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/04/coronavirus-education-global-covid19-online-digital-learning/> (date of access: 31.03.2021).

⁴Ibid.

⁵Tenebruso J. Why zoom stock rocketed to a new all-time high today [Electronic resource]. URL: <https://www.yahoo.com/news/why-zoom-stock-rocketed-time-194300535.html> (date of access: 16.04.2021).

ных сетей, технологические ограничения, психофизические риски, связанные с ухудшением зрения, нарушениями опорно-двигательного аппарата, социальной дезорганизацией и рассогласованностью действий, отсутствие вовлеченности в коллективную деятельность, опасность потери мотивации к обучению и т. д. В это неопределенное время люди могут учиться и работать из дома, в то время как предприятия адаптируются к новой норме организации деятельности [27].

Онлайн-образование предоставляет широкие и гибкие возможности для обучения и повышения квалификации в условиях коронакризиса. При этом к пользователю предъявляются следующие требования [25]:

- 1) базовые технические навыки и доступ к минимальным технологическим условиям, установленным программой онлайн-образования;
- 2) навыки создания учетных записей онлайн-платформы, установки программного обеспечения, загрузки и выгрузки документов, переходов между интернет-ресурсами;
- 3) навыки использования программного обеспечения для обработки текстов и таблиц, а также поисковых систем в интернете;
- 4) наличие минимальных технологических условий (компьютер или ноутбук, доступ к высокоскоростному интернету);
- 5) наличие многофункциональных цифровых устройств и профессиональных программных приложений, включая пакет *Miscrosoft Office*.

Сценарий 6: модель ДО на основе технологий дополненной и виртуальной реальности. ЦТВО предусматривает интеграцию новых методов обучения в образовательный процесс, включая использование технологий искусственного интеллекта, дополненной и виртуальной реальности [27].

Интеграция образования и технологий, обеспечивающая цифровой переход в социально-экономических и социально-политических системах, позволяет студентам освоить знания и навыки, сформировать мотивацию к обучению, осознать цели устойчивого развития. Такая интеграция дает возможность для академической или профессиональной подготовки специалистов с использованием ДО на основе технологий дополненной и виртуальной реальности. При этом ЦТВО предполагает использование новых менеджмент-технологий в процессе адаптации к соответствующим изменениям [28]. Данный сценарий предусматривает массовое применение технологий дополненной и виртуальной реальности и дает возможность реализовать культуру перманентного и иммерсивного (погруженного) обучения [29].

Сценарий 7: модель ДО в условиях депривации, локдауна и дефицита ресурсов. В 2020 г. пандемия COVID-19 привела к закрытию учреждений образования по всему миру, более 1,2 млрд детей не посещали школу. Это привело к взрывному росту числа онлайн-курсов и развитию соответствующих технологий. Онлайн-образование обеспечивает возможность учиться в собственном темпе и находить баланс между работой, семьей и самореализацией.

Сценарии социальных и социотехнических последствий COVID-19

В рамках методологии сценарного подхода разработаны и верифицированы пять сценариев социальных и социотехнических последствий пандемии.

Сценарий 1: COVID-19 – малоопасное инфекционное заболевание с волнообразным течением и невысокой смертностью. В среднесрочной (от 1 года до 3–5 лет) и долгосрочной (более 5 лет) перспективах COVID-19 имеет легкопреодолимые последствия для социальных, экономических, логистических, образовательных и социокультурных систем. В образовании широко распространены технологии ДО, включая образовательные *wiki*-платформы.

Сценарий 2: COVID-19 – опасное инфекционное заболевание с волнообразным течением и высоким уровнем смертности. В случае этого сценария в среднесрочной (более 5 лет) перспективе преодоление последствий COVID-19 будет сопровождаться рядом осложнений, требующих ресурсоемкой адаптивной трансформации социальных, социально-экономических, логистических, образовательных и социокультурных систем. Образовательные системы трансформируются с учетом принципиально новых условий социального дистанцирования, само-

и взаимоизоляции. Огромный импульс приобретает развитие образовательных информационных технологий на основе дополненной и виртуальной реальности, *e-learning* на *wiki*-платформах, в социальных сетях *Facebook*, *Twitter*, *BKonmakme*, *LinkedIn*, *Pinterest*, *Instagram*, а также на интернет-каналах социальной коммуникации *YouTube*, *Slack*, *Zoom* и др.

Сценарий 3: COVID-19 – многолетняя пандемия. Будучи высоковирулентным и высокомутабельным, коронавирус быстро адаптируется и формирует многочисленные штаммы, способен к долгосрочной циркуляции в биосфере и обществе. Пандемия имеет волнообразное течение и тяжелые медико-биологические, психологические и социальные последствия, включая изменения традиционной структуры заболеваемости населения. В случае этого сценария в среднесрочной (более 5 лет) перспективе преодоление биомедицинских и социальных последствий пандемии затруднительно, требует мобилизации значительных материально-технических и человеческих ресурсов. Формируются и расширяются виртуальные сегменты образования, здравоохранения, общественного питания, услуг и развлечений при

быстром сокращении традиционных сегментов. Содержание и продолжительность образования подвергаются редукции. Как следствие, происходит инфляция человеческого капитала и традиционных моральных ценностей. Обособляются группы социальных элит, сохранившие традиционные формы образования, здравоохранения, рекреации.

Сценарий 4: COVID-19 – источник биомедицинских и медийных факторов социальных трансформаций. Информационное освещение глобального распространения коронавирусной инфекции, поддержанное многочисленными интернет-медиа, приобретает характер информационной пандемии – инфодемии COVID-19, порождающей высокую тревожность и панические настроения в социальных системах. Интенсивно используются различные версии окна Овертона и другие технологии социального программирования. Происходят быстрая трансформация и реорганизация социальных систем для усиления социального контроля и регулирования распределения благ. В среднесрочной (от 1 года до 3–5 лет) и долгосрочной (более 5 лет) перспективах преодоление последствий инфодемии возможно лишь в случае возникновения нового, более опасного события, отвлекающего общественное внимание и медийные ресурсы. Трансформация социальных систем носит рефлексивный характер, соответствующий медийной повестке. Происходит массированное применение технологий социального программирования и хакинга для манипулятивного управления медиапользователями и контроля за их активностью.

Сценарий 5: COVID-19 – гибридная биосоциальная катастрофа, сопровождающаяся инфодемией. COVID-19 провоцирует виртуализацию всех сфер социальной практики, включая дистанцирование и атомизацию общества, развитие ДО, создание электронных сервисов продовольствия, других услуг и развлечений, усиление социального контроля, распространение технологий манипулирования, программирования и хакинга в социальных системах, преобладание регионализации над глобализацией и автономизации над кооперацией, распад исторических стратегических союзов и механизмов

безопасности и формирование новых, возрастание влияния идей экологизма, трансгуманизма, постгуманизма, технократизма, ультрапостмодернизма, ультрарадикализма, шовинизма и неонацизма. Это неизбежно сопровождается отказом от традиционных культурных ценностей гуманизма, либерализма и классического модернизма, распространением бинарных идеологий, псевдорелигиозных, мистических, неоязыческих и тоталитарных культов и субкультур с иррациональными моделями поведения адептов. Основой для таких трансформаций выступают перманентные гибридные высокотехнологические конфликты с преобладанием информационно-когнитивного компонента, направленного на изменение мировоззрения и поведения медиапользователей. Инструментом реализации информационно-когнитивного компонента гибридных конфликтов является интернет, который уже сегодня подвергается горизонтальной регионализации и вертикальной фрагментации. Итогами данного сценария могут стать глокализация современного мира с одновременными и параллельными глобализацией и регионализацией, формирование как самоизолирующихся, так и изолируемых извне региональных социально-экономических и социокультурных территориальных анклавов с преобладанием постгуманистических, постхристианских, ультрапостмодернистских, мистифицированных и иррациональных моделей мировоззрения. В целом подобный сценарий предусматривает гетерохронное развитие автономизированных регионов, когда прогресс немногих достигается за счет регресса многих, используемых в качестве доноров как материальных, так и нематериальных ресурсов.

Развитие конвергентных технологий в генетической инженерии, 3D- и 4D-биопринтинге, нейроинженерии, бионанoeлектронике, нейрохакинге, социальном инжиниринге и программировании, биологической робототехнике и клонировании человеческих эмбрионов может привести к формированию и обособлению двух представителей социоантропогенеза – «человека повелевающего» (*Homo imperandi*) и «человека служебного» (*Homo servientes*).

Заключение

В ходе исследования было установлено, что у пользователей услуг ДО наиболее популярными являются такие инструменты, как *Zoom*, *Discord*, *Skype*, *Telegram*, *Viber*. Среди операционных систем лидером является *Android* благодаря ее широкому распространению на устройствах, используемых для мобильного доступа в интернет.

В период с 7 августа 2016 г. по 31 июля 2021 г. поисковые обращения *COVID-19*, *Zoom*, *Moodle*, *самоизоляция* наиболее существенно коррелировали

с темой ДО ($r^2 > 0,63$). Зафиксировано возрастание вероятности и масштабов программно-технических, социотехнических и гибридных социотехнических атак на информационно-технологические сервисы, компьютерные сети и медиаресурсы учреждений высшего образования, предоставляющих услуги ДО. Это обусловило возрастание интереса к использованию антивирусных инструментов для обеспечения информационной безопасности пользователей. Оценка предположений осуществлена на основе

корреляционного и регрессионного анализа тематических поисковых обращений интернет-пользователей, собранных по данным агрегирующих веб-сервисов *Google Trends* и *Wordstat Yandex*.

Очевидно, что большинство пользователей (свыше 83 %) применяют инструменты мобильного интернета с операционной системой *Android* и технологии бесплатных мессенджеров для доступа к ресурсам ДО. Значительная доля (более 72 %) пользователей ДО регулярно (от 1 раза в день до 1 раза в неделю) обращаются к ресурсам Википедии, включая образовательные сервисы *Wiki-University* и *Wiki-Dictionary*.

В условиях COVID-19 можно прогнозировать возрастание интенсивности программно-технических,

социотехнических и гибридных социотехнических атак на информационно-технологические сервисы и ресурсы ДО в учреждениях высшего образования.

С помощью впервые используемого в данном контексте биоинспирированного квазимолекулярного алгоритма сценарного анализа предложены 7 сценариев последствий цифровой трансформации образования, а также 5 сценариев социальных и социотехнических последствий пандемии COVID-19. Полученные результаты могут быть использованы при разработке комплексных сценариев управления последствиями пандемии и других биосоциальных катастроф на основе методологии краткосрочного прогнозирования и сценарного подхода.

Библиографические ссылки

1. Androutsos A, Brinia V. Developing and piloting a pedagogy for teaching innovation, collaboration, and co-creation in secondary education based on design thinking, digital transformation, and entrepreneurship. *Education Sciences*. 2019;9(2):113. DOI: 10.3390/educsci9020113.
2. Vlachopoulos D. COVID-19: threat or opportunity for online education? *Higher Learning Research Communications*. 2020;10(1):16–19. DOI: 10.18870/hlrc.v10i1.1179.
3. Colombo AW, Karnouskos S, Kaynak O, Yang Shi, Shein Yin. Industrial cyberphysical systems: a backbone of the fourth industrial revolution. *IEEE Industrial Electronics Magazine*. DOI: 10.1109/MIE.2017.2648857.
4. Craig E, Georgieva M. *VR and AR: designing spaces for immersive learning* [Internet]. 2017 [cited 2021 July 31]. Available from: <https://er.educause.edu/blogs/2017/10/vr-and-ar-designing-spaces-for-immersive-learning>.
5. Craig E, Georgieva M. *AR and VR in STEM: the new frontiers in science* [Internet]. 2017 [cited 2021 August 2]. Available from: <https://er.educause.edu/blogs/2017/8/ar-and-vr-in-stem-the-new-frontiers-in-science>.
6. Craig E, Georgieva M. *Designing immersive learning and storytelling experiences with 360° video* [Internet]. 2017 [cited 2021 June 6]. Available from: <https://er.educause.edu/blogs/2019/1/designing-immersive-learning-and-storytelling-experiences-with-360-video>.
7. Abad-Segura E, González-Zamar MD. Análisis de las competencias en la educación superior a través de flipped classroom. *Revista Iberoamericana de Educació*. 2019;80(2):29–45. DOI: 10.35362/rie8023407.
8. Abad-Segura E, Cortés-García FJ, Belmonte-Ureña LJ. The sustainable approach to corporate social responsibility: a global analysis and future trends. *Sustainability*. 2019;11(19):5382. DOI: 10.3390/su11195382.
9. Newbold P, Carlson WL, Thorne BM. *Statistics for business and economics*. 8th edition. London: Pearson; 2013. 793 p.
10. Форман Дж. Много цифр. Анализ больших данных при помощи Excel. 2-е издание. Соколова А, переводчик. Москва: Альпина Паблишер; 2019. 464 с.
11. Сигал Э. *Практическая бизнес-статистика*. 4-е издание. Мороз АИ, переводчик. Москва: Вильямс; 2002. 1056 с.
12. van Notten Ph. *Writing on the wall: scenario development in times of discontinuity*. Florida: Boca Raton; 2005. 209 p.
13. Переверза ТВ. Сценарный подход в анализе сложных социальных систем. *Системные исследования и информационные технологии*. 2011;1:133–143.
14. Бова ВВ, Гладков ЛА, Кравченко ЮА, Курейчик ВВ, Курейчик ВМ, Щеглов СН. *Технологии интеллектуального анализа и извлечения данных на основе принципов эволюционного моделирования*. Таганрог: ТТИ ЮФУ; 2009. 124 с.
15. Гладков ЛА, Курейчик ВВ, Курейчик ВМ, Лебедев БК, Лебедев ОБ, Сороколетов ПВ. *Методы и алгоритмы принятия решений на основе бионического поиска*. Таганрог: ТТИ ЮФУ; 2009. 137 с.
16. Талей НН. *Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости*. Воздвиженская А, Макарова М, редакторы; Сонькин В, Бердичевский А, Костионова М, Попов О, переводчики. Москва: Колибри; 2011. 528 с.
17. Pomerantz J, Rode R. *Exploring the future of extended reality in higher education* [Internet]. 2020 [cited 2021 June 6]. Available from: <https://er.educause.edu/articles/2020/6/exploring-the-future-of-extended-reality-in-higher-education>.
18. Давыдовский АГ, Пищова АВ. Анализ перспектив развития модели биоцифрового университета 4.0. *Вестник Международного научного центра «СОЦИУМ 2035»*. 2020;1(1):72–83.
19. Неборский ЕВ. Реконструирование модели университета: переход к формату 4.0. *Мир науки* [Интернет]. 2017 [процитировано 17 мая 2019 г.];5(4). Доступно по: <http://mir-nauki.com/PDF/26PDMN417.pdf>.
20. Нечаев ВД, Дурнева ЕЕ. «Цифровое поколение»: психолого-педагогическое исследование проблемы. *Педагогика*. 2016;1:36–45.
21. Лумпиева ТП, Волков АФ. *Поколение Z: психологические особенности современных студентов* [Интернет]. 2013 [процитировано 31 июля 2021 г.]. Доступно по: <https://studylib.ru/doc/2363335/pokolenie-z--psihologicheskie-osobennosti-sovremennyh>.
22. Окладникова ЕА. Образование к 2030 и 2035 гг.: форсайт-технологии и телеология рисков и благоприобретений. *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*. 2021;7:3:125–149. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-12.

23. Kaplan AM, Haenlein M. Higher education and the digital revolution: about MOOCs, SPOCs, social media, and the Cookie Monster. *Business Horizons*. 2016;59(4):441–450. DOI: 10.1016/j.bushor.2016.03.008.
24. Siemens G. Massive open online courses: innovation in education. In: McGreal R, Kinuthia W, Marshall S, editors. *Open educational resources: innovation, research and practice*. Vancouver: Commonwealth of Learning; 2013. p. 5–16.
25. Eschenbrenner B, Nah F-H. Learning through mobile devices: leveraging affordances as facilitators of engagement. *International Journal of Mobile Learning and Organisation*. 2019;13(2):152–170. DOI: 10.1504/IJMLO.2019.098193.
26. Weiyu Wang, Keng Siau. Artificial intelligence, machine learning, automation, robotics, future of work, and future of humanity: a review and research agenda. *Journal of Database Management*. 2019;30:61–79. DOI: 10.4018/JDM.2019010104.
27. Nah F F-H, Siau K. COVID-19 pandemic – role of technology in transforming business to the new normal. In: Bertino E, Wen Gao, Steffen B, Moti Yung, editors. *Lecture notes in computer science*; 2020. p. 585–600.
28. Hill C, Lawton W. Universities, the digital divide and global inequality. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2018;40(6):598–610. DOI: 10.1080/1360080X.2018.1531211.
29. Türkeli S, Schophuizen M. Decomposing the complexity of value: integration of digital transformation of education with circular economy transition. *Social Sciences*. 2019;8(8):243. DOI: 10.3390/socsci8080243.

References

1. Androustos A, Brinia V. Developing and piloting a pedagogy for teaching innovation, collaboration, and co-creation in secondary education based on design thinking, digital transformation, and entrepreneurship. *Education Sciences*. 2019;9(2):113. DOI: 10.3390/educsci9020113.
2. Vlachopoulos D. COVID-19: threat or opportunity for online education? *Higher Learning Research Communications*. 2020;10(1):16–19. DOI: 10.18870/hlrc.v10i1.1179.
3. Colombo AW, Karnouskos S, Kaynak O, Yang Shi, Shein Yin. Industrial cyberphysical systems: a backbone of the fourth industrial revolution. *IEEE Industrial Electronics Magazine*. DOI: 10.1109/MIE.2017.2648857.
4. Craig E, Georgieva M. *VR and AR: designing spaces for immersive learning* [Internet]. 2017 [cited 2021 July 31]. Available from: <https://er.educause.edu/blogs/2017/10/vr-and-ar-designing-spaces-for-immersive-learning>.
5. Craig E, Georgieva M. *AR and VR in STEM: the new frontiers in science* [Internet]. 2017 [cited 2021 August 2]. Available from: <https://er.educause.edu/blogs/2017/8/ar-and-vr-in-stem-the-new-frontiers-in-science>.
6. Craig E, Georgieva M. *Designing immersive learning and storytelling experiences with 360° video* [Internet]. 2017 [cited 2021 June 6]. Available from: <https://er.educause.edu/blogs/2019/1/designing-immersive-learning-and-storytelling-experiences-with-360-video>.
7. Abad-Segura E, González-Zamar MD. Análisis de las competencias en la educación superior a través de flipped classroom. *Revista Iberoamericana de Educació*. 2019;80(2):29–45. DOI: 10.35362/rie8023407.
8. Abad-Segura E, Cortés-García FJ, Belmonte-Ureña LJ. The sustainable approach to corporate social responsibility: a global analysis and future trends. *Sustainability*. 2019;11(19):5382. DOI: 10.3390/su11195382.
9. Newbold P, Carlson WL, Thorne BM. *Statistics for business and economics*. 8th edition. London: Pearson; 2013. 793 p.
10. Forman J. *Data smart. Using data science to transform information into insight*. New Jersey: Wiley; 2013. 432 p.
- Russian edition: Forman J. *Mnogo tsifr. Analiz bol'shikh dannykh pri pomoshchi Excel*. 2nd edition. Sokolova A, translator. Moscow: Al'pina Publisher; 2019. 464 p.
11. Siegel AF. *Prakticheskaya biznes-statistika* [Practical business statistics]. 4th edition. Moroz AI, translator. Moscow: Vil'yams; 2002. 1056 p. Russian.
12. van Notten Ph. *Writing on the wall: scenario development in times of discontinuity*. Florida: Boca Raton; 2005. 209 p.
13. Pereverza TV. [Scenario approach in the analysis of complex social systems]. *System research and information technologies*. 2011;1:133–143. Russian.
14. Bova VV, Gladkov LA, Kravchenko YuA, Kureichik VV, Kureichik VM, Shcheglov SN. *Tekhnologii intellektual'nogo analiza i izvlecheniya dannykh na osnove printsipov evolyutsionnogo modelirovaniya* [Data mining and extraction technologies based on the principles of evolutionary modeling]. Taganrog: Technological Institute «Southern Federal University»; 2009. 124 p. Russian.
15. Gladkov LA, Kureichik VV, Kureichik VM, Lebedev BK, Lebedev OB, Sorokoletov PV. *Metody i algoritmy prinyatiya reshenii na osnove bionicheskogo poiska*. Taganrog: Technological Institute «Southern Federal University»; 2009. 137 p. Russian.
16. Taleb NN. *The Black Swan. The impact of the highly improbable*. New-York: Random House Publishing Group; 2010. 444 p.
- Russian edition: Taleb NN. *Chernyi lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti*. Vozdvizhenskaya A, Makarova M, editors; Son'kin V, Berdichevskii A, Kostionova M, Popov O, translators. Moscow: Kolibri; 2011. 528 p.
17. Pomerantz J, Rode R. *Exploring the future of extended reality in higher education* [Internet]. 2020 [cited 2021 June 6]. Available from: <https://er.educause.edu/articles/2020/6/exploring-the-future-of-extended-reality-in-higher-education>.
18. Davidovsky AG, Pishchova AV. [Analysis of the development prospects of the biodigital university model 4.0]. *Journal of international science center «Society 2035»*. 2020;1(1):72–83. Russian.
19. Neborskiy EV. Reconstruction of the university model: transition to the 4.0 forma. *Mir nauki* [Internet]. 2017 [cited 2019 May 17];5(4). Available from: <http://mir-nauki.com/PDF/26PDMN417.pdf>. Russian.
20. Nechaev VD, Durneva EE. «Digital generation»: psychology and pedagogical research of a problem. *Pedagogika*. 2016;1:36–45. Russian.
21. Lumpieva TP, Volkov AF. [Generation Z: psychological characteristics of modern students]. [Internet]. 2013 [cited 2021 July 31]. Available from: <https://studylib.ru/doc/2363335/pokolenie-z--psihologicheskie-osobennosti-sovremennyh>. Russian.
22. Okladnikova EA. Education by 2030 and 2035: foresight technologies and teleology of risks and benefits. *Research Result. Social Studies and Humanities*. 2021;7:3:125–149. Russian. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-12.

23. Kaplan AM, Haenlein M. Higher education and the digital revolution: about MOOCs, SPOCs, social media, and the Cookie Monster. *Business Horizons*. 2016;59(4):441–450. DOI: 10.1016/j.bushor.2016.03.008.
24. Siemens G. Massive open online courses: innovation in education. In: McGreal R, Kinuthia W, Marshall S, editors. *Open educational resources: innovation, research and practice*. Vancouver: Commonwealth of Learning; 2013. p. 5–16.
25. Eschenbrenner B, Nah F-H. Learning through mobile devices: leveraging affordances as facilitators of engagement. *International Journal of Mobile Learning and Organisation*. 2019;13(2):152–170. DOI: 10.1504/IJMLO.2019.098193.
26. Weiyu Wang, Keng Siau. Artificial intelligence, machine learning, automation, robotics, future of work, and future of humanity: a review and research agenda. *Journal of Database Management*. 2019;30:61–79. DOI: 10.4018/JDM.2019010104.
27. Nah F F-H, Siau K. COVID-19 pandemic – role of technology in transforming business to the new normal. In: Bertino E, Wen Gao, Steffen B, Moti Yung, editors. *Lecture notes in computer science*; 2020. p. 585–600.
28. Hill C, Lawton W. Universities, the digital divide and global inequality. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2018;40(6):598–610. DOI: 10.1080/1360080X.2018.1531211.
29. Türkeli S, Schophuizen M. Decomposing the complexity of value: integration of digital transformation of education with circular economy transition. *Social Sciences*. 2019;8(8):243. DOI: 10.3390/socsci8080243.

Статья поступила в редколлегию 06.06.2022.
Received by editorial board 06.06.2022.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.62-044.332+316.25

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ ВОСПРОИЗВОДСТВА И АДАПТАЦИЙ В КОНСТРУКТИВИСТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Д. О. ШЕВЧИК¹⁾, И. Г. НЕДЕЛЕВСКАЯ²⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

²⁾Гродненский областной институт развития образования, ул. Гагарина, 6, 230011, г. Гродно, Беларусь

Обсуждается проблема поиска новых подходов в концептуализации адаптивных стратегий. Утверждается, что для основных подходов в социологии адаптаций характерны два вида редукционизма: первый вид связан с приматом объективных структур над субъектом, а второй – с приматом субъекта над объективными структурами. Предложена новая концептуальная схема стратегий социальных агентов по воспроизводству поля и адаптации в нем посредством теоретического ресурса языка структуралистского конструктивизма П. Бурдьё. Продemonстрирована взаимосвязь таких ключевых категорий, как структура, поле, габитус, *illusio* и *doxa* в концептуализации различных стратегий агентов с их последующей типологизацией. Подчеркивается, что этот шаг позволяет избежать два обозначенных полюса в социологической концептуализации адаптаций и произвести более релевантную операционализацию стратегий воспроизводства и адаптаций, применимую для эмпирического исследования.

Ключевые слова: адаптивные стратегии; социология адаптаций; воспроизводство; структуралистский конструктивизм; П. Бурдьё.

Образец цитирования:

Шевчик ДО, Неделевская ИГ. Концептуализация стратегий воспроизводства и адаптаций в конструктивистской перспективе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;2:66–73 (англ.). <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-66-73>

For citation:

Shevchik DO, Nedelevskaya IG. Conceptualisation of reproduction and adaptive strategies in the constructivist perspective. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;2:66–73. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-66-73>

Авторы:

Доминик Олегович Шевчик – младший научный сотрудник отдела экономической социологии.

Илона Генриховна Неделевская – преподаватель кафедры образовательных технологий факультета профессиональной самореализации.

Authors:

Dominik O. Shevchik, junior researcher at the department of economic sociology.

shevchikdominik@gmail.com

Ilona G. Nedelevskaya, lecturer at the department of educational technologies, faculty of professional self-realisation.

inrainbow21@gmail.com

CONCEPTUALISATION OF REPRODUCTION AND ADAPTIVE STRATEGIES IN THE CONSTRUCTIVIST PERSPECTIVE

D. O. SHEVCHIK^a, I. G. NEDELEVSKAYA^b

^a*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

^b*Grodno Regional Institute for the Development of Education, 6 Haharyna Street, Hrodna 230011, Belarus
Corresponding author: I. G. Nedelevskaya (inrainbow21@gmail.com)*

The article highlights the relevance of finding new approaches in the conceptualisation of adaptive strategies. It is argued that the main approaches that have developed in the sociology of adaptations are characterised by two types of reductionism: one of them is associated with the primacy of objective structures over the subject, and the other with the primacy of the subject over objective structures. The article proposes a new conceptual scheme of social agents' strategies for the reproduction of the field and adaptation in it through the theoretical resource of the language of P. Bourdieu's structuralist constructivism. For this purpose the authors demonstrate the interrelation of such key categories as «structure», «field», «habitus», «illusio» and «doxa» in the conceptualisation of various strategies of agents with their typologisation. This step, according to the authors, gives the opportunity to avoid the two designated poles in the sociological conceptualisation of adaptations and to provide higher relevance of operationalisation of reproduction and adaptation strategies applicable for empirical research.

Keywords: adaptive strategies; sociology of adaptations; reproduction; structuralist constructivism; P. Bourdieu.

Introduction

The problem of adaptation is one of the fundamental problems in sociology with an extremely broad interdisciplinary status. In sociology, research interest in adaptation can be detected at the earliest stages of its institutionalisation as a science. In general, for quite a long time, the conceptualisation of adaptation was carried out on two main scales: at the macro-level of social systems and the micro-level of individuals. However, in both cases, the sociological categories, which were called upon to make the transition to empirical verification with the particularity of the discipline, turned out to be either philosophical (for example, T. Parsons) or psychological (for example, F. Znaniecki and W. I. Thomas) in content. The new theories that appeared around the 1970s and set themselves the task of integrating the problems of structure and action gave more promise and hope to solve the designated problem.

P. Bourdieu's constructivist theory occupies a special place among them: in his works, he managed to identify the problem of reproduction and variability not only of structure but also of agents. At the same time, the problems proposed by the French sociologist are distinguished by original analytical steps that assume the synthesis of the mutual influence of structure and agents with an emphasis on the former. However, although P. Bourdieu offered a broad perspective for the study of stability and variability, in his works he did not focus specifically on the problem of adaptation, leaving it in the background of the concept of habitus, which reduces the agent's behaviour to the influence of historical structure.

In his work «Reproduction strategies and modes of domination» [1] P. Bourdieu gives an understanding of the internal dynamism of the social world endowed with the «desire» to remain in its existence. This aspiration is conatus, formed and maintained by objective and subjective structures (dispositions of agents). Moreover, the actions taken by the social agent to construct and

reconstruct them mainly depend on the positions in the structure of the distribution of capital and the mechanisms that ensure their reproduction.

P. Bourdieu notes the role of «subjective structures» in the form of dispositions of agents regarding the reproduction of structures and makes an attempt to abandon the arrogant view «from afar» characteristic of structuralism, which is expressed in referring to the concept of strategy and «approximation» to practice itself. However, it is impossible to find proper conceptual content in his approach, which allows moving from theoretical foundations to applied research practice. In particular, the question remains how, through the theoretical resource of the language of structuralist constructivism, it is possible to investigate the problems of adaptive behaviour of agents in specific fields, the autonomy of which is always relative.

In order to be able to explicitly apply the theoretical language of P. Bourdieu, which can bring us closer to the point of view of a social agent, as well as to make a relevant operationalisation of the concept of strategies, it is necessary to go beyond the discussions about matrimonial strategies or inheritance strategies, as well as about strategies of symbolic or economic and other types of investment. At the same time, in order to avoid the other pole of conceptualisation, which reduces the agent's behaviour to subjective rationalisation, we should refer to concepts of illusio, doxa and habitus, that describe the bases of social behaviour as which are not obscured by reflection.

It is worth noting that P. Bourdieu himself did not set himself such tasks, but sought to present only theoretical positions based on the results of a series of specific historical studies, which can be called ethnological rather than sociological. In this regard, this work pursues an attempt to conceptualise adaptive strategies on the indicated grounds.

Social structure, capitals and fields

Within the framework of his theoretical optics, P. Bourdieu proposes to consider social reality as a multidimensional social space, which the French sociologist differentiates into several social «sub-worlds» with their own logic and features of functioning, which he denotes by the concept of a field. The most fundamental level of social space is the level of social classes. P. Bourdieu distinguishes three types of classes: the dominant, the dominated, and the petty bourgeoisie, which occupies an intermediate position between them. The first includes groups of agents with the largest amount of economic and cultural capital, the second – groups of agents with the smallest amounts of both economic and cultural capital, and the third – groups of agents whose volume of various types of capital has average values.

The level of social classes, in turn, determines the structure of the field of power in various social fields, which are relatively autonomous spheres of human activity with special rules for the functioning of institutions and relations between agents. According to P. Bourdieu, the field of power is «the space of power relations between agents and institutions that have the capital necessary to take dominant positions in various fields (in particular, economic and cultural)» [2, p. 369]. Exactly in this field, there is a struggle between agents with different types of capital for establishing rules for determining the value of certain types of capital, their preservation and transformation, i. e. for determining the foundations of power.

Ultimately, the structure of social space at different levels is determined by the distribution of capital. The concept of capital was borrowed by P. Bourdieu from the economic theory. Despite this fact, however, his concept of capital has different explanatory logic for the analysis of social processes and phenomena. P. Bourdieu starts developing of the concept of capital from the thesis that the social world is accumulated history; it is not a discontinuous series of instantaneous mechanical equilibria between agents, that can be treated as interchangeable particles. «Capital, writes P. Bourdieu, is accumulated labour (in its materialised form or its ‘incorporated’, embodied form) which, when appropriated on a private, i. e., exclusive, basis by agents or groups of agents, enables them to appropriate social energy in the form of reified or living labour. It is a *vis insita*, a force inscribed in objective or subjective structures, but it is also a *lex insita*, the principle underlying the

immanent regularities of the social world» [3, p. 241]. A similar thesis about the cost of capital is proposed by the labour theory of value, according to which «capital includes accumulated materialised and living labour» [4, p. 60]. However, bypassing this similarity with economic theory, P. Bourdieu’s logic enters the plane of criticism of its postulates.

In his opinion, economism is aware of only one kind of interest, which was developed by capitalism itself as a result of the creation of a world the exchange relations of which are based on «cold monetary reckoning» [5, p. 221]. From his point of view, economism uses the methods and concepts which are historical products of capitalism. This fact leads to the transformation of the object of study itself, thus, economism is unable to take into account «non-economic» interests and explain societies or social fields that have, in the words of P. Bourdieu, «an economy in itself but not for itself» [5, p. 221]. Pointing out this drawback, he outlines the boundaries of the general science of economic practices, focused on the study of capital incorporated in various forms in the structures of the social world, not just capital in a form identified and socially recognised as «economic» capital, which is expressed in money and property rights.

In addition to economic capital, the researcher also suggests distinguishing such forms of capital as cultural capital and social capital, the transfiguration of which generates the fourth type – symbolic capital, which is associated with recognition and which acts «as a legitimate competence, in the form of a force influencing recognition (or non-recognition)» [4, p. 62]. The possession of symbolic capital allows its owners to set the boundaries of legitimate norms and cultural patterns in the broadest sense.

Thus, capital in its most general form is resources that can take both tangible visible forms and intangible ones. It also has the potential to produce profit and reproduce itself in identical or expanded forms, but it takes time to accumulate and it tends to persist [3, p. 241]. The distribution of various types of capital determines the structure of the social world and, through the establishment of restrictions, determines the chances of success of particular practices of agents in certain fields. In addition, the volume and structure of capital are social conditions [1, p. 104] in which the habitus of agents is formed.

Habitus and duality of argumentation

The concept of habitus is the key one in explaining the problem of social order. It allows the French sociologist to mediate the interaction of «objective structures» and «subjective agents». Habitus, according to P. Bourdieu, is a system of stable and portable dispositions acting as principles that generate and organise practices and representations [6, p. 45].

The formation of habitus occurs in the context of the agent’s long-term social experience, which is «inscribed» in the structure of social space. The greatest influence on this process is exerted by the first experience, which is acquired in family relationships and underlies the schemes of perception and evaluation of any subsequent experience. In each typical situation, these schemes allow the

agent to build a sequence of actions on a pre-reflexive basis without understanding the rules and evaluating the results of these actions. In turn, the action of habitus, detected outside the acquired experience, is systematic; however, this property does not reduce the action of habitus to the action of custom [7, p. 138].

Here, we should remind that the main idea of this article affirms the relevance of conceptualisation, which includes not only *opus operantum*, but also *modus operandi*, i. e. not only objectified, but also incorporated products of practical history.

While reconstructing the position of P. Bourdieu regarding the practices and strategies of reproduction, as well as his theoretical logic, we can detect his desire, firstly, to «homogenise» the principle of double structuring, and, secondly, to avoid the separation of

concepts from the reality of research, which stems from formalisation. However, we also can find quite specific theoretical and methodological foundations of structuralism and constructivism, to which the author resorts in every attempt to explicitly read the structuring and structured mechanisms of reproduction.

Such logic, which combines the inductive approach of social constructivism with deductive schemes of structuralism, allows us to fully cover the specifics of the course of social practices, their predetermination by social structures, and the reconstructive meaning of habitus. Therefore, remaining consistent with this logic, the proposed conceptualisation will be presented in two parts, one of which is devoted to strategies of field's order reproduction, and the other to adaptive strategies in the field.

Field reproduction strategies

The structuralist side of the argument refers us to *conatus* (aspiration) as immanently inherent in the field of the distribution of capital and the mechanisms of its reproduction, which is incorporated in the form of dispositions but at the same time objectified to the greatest extent.

While considering practices from the side of *conatus*, capital dispositions acquire primary importance in the design of the most basic and long-term reproduction strategies. And the longer these strategies are in time, the less they can be fixed, remaining for the observer (researcher) rather an agent's «inclination» to a certain type of reproduction (fig. 1).

We can see a similar scheme describing the distribution of respondents' taste preferences depending on the dispositions of cash capital in the work «Distinction: a social critique of the judgement of taste» [8]. In this work, P. Bourdieu on the basis of a study based

on empirical data collected in several stages by survey methods and ethnographic observation, topologises the social space of France in the 1960s. In particular, it presents the distribution of political preferences: the respondents' willingness to vote in elections for certain political initiatives directly depended on their positions, determined by the structure of the distribution of capital. Those who possessed a large amount of capital (mainly economic) acted as conservatives on the French political scene, giving preference to the right. Thus, they advocated the preservation of the structure and logic of the reproduction of the field, which ensured their place in the hierarchy. Those respondents who had a smaller amount of economic capital and a large amount of cultural capital (which is least amenable to objectification and inheritance) tended to vote for the left in an attempt to influence the mechanisms of reproduction and distribution of capital.

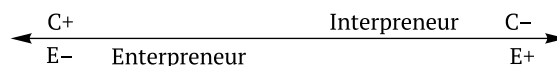

Fig. 1. Conatus of field reproduction:
C – cultural capital, E – economic capital

We follow the same logic, reducing the influence of a position in a social structure to the strategy of an agent or to the *conatus* of reproduction of the field. The difference is only in reducing it to the fundamental desire of habitus to reproduce the conditions of its own production. In fact, habitus seeks to reproduce itself in accordance with its internal logic, asserting its autonomy in relation to the situation.

Agents, who have achieved or inherited a relatively high position in the vertical hierarchy and at the same time have a large amount of capital (primarily economic), seek to legitimise the old way of reproduction, which ensured their place in the hierarchy. They are

aimed at transforming *doxa* (the perception of the existing order of things as something taken for granted) into orthodoxy. Such agents can be represented as an «interpreter» – an employee of an organisation who is remunerated in accordance with the position that he occupies and which he is responsible for. In this case, the «organisation» is the organisation of the social order, the system of capital distribution and its reproduction. *Conatus* «interpreter» opposes «entrepreneur». It is another type of an agent who is not endowed with a proper amount of objectified capital (without taking into account objectified forms of cultural capital) and probably experiencing problems converting available forms of

capital into economic or political capital. Their conatus is embodied in the desire to rationalise (in the dual sense of the word) conversion, accelerating the

awareness of transformations and the development of suitable strategies, thus legitimising these strategies in the eyes of «conservatives».

Habitus and adaptive strategies

A close reading of Bourdieu's works gives us an opportunity to find that habitus manifests itself most vividly to an outside observer when a social agent is forced to act in circumstances unusual for them. In other words, we can observe the effect of habitus when its incorporated structures are irrelevant to the objective structures of the existing social environment.

At the same time, according to the principle of double structuring, a social agent moves not only obsequium, reproducing seemingly self-evident social structures, but also actively transforms them. It also means that an agent is faced with a constantly changing social reality, the changes of which are not the work of their own hands.

In childhood, we actively master the principles of acting in the complex world of social relations. These lessons taught to us by parents, teachers and institutions remain with us forever, and form the basis of those incorporated structures that make us part of the social world. However, with age, this ability to internalise, which in Bourdieu's sociology is inextricably linked with Piaget's developmental psychology [9], weakens, and it gives the way to the reproduction of incorporated strategies of compliance with the requirements of cooptation.

We can conditionally reduce all the variety of practical manifestations of the implementation of these strategies to three main types: active, passive and frustrated. Social agents, finding themselves in a permanent challenge to the possibilities of realising their goals (here the concept of goals is close to conatus) in priority areas of public life have many possible reactions that habitus builds into an adaptive strategy:

- active intervention in external circumstances, when agents seek to bring «objective reality» to an incorporated state, i. e. to the form in which the habitus was formed, thus solving the problem of relevance and increasing the chances of success;
- acceptance of external circumstances as primacy over the possibilities for the realisation of one's goals and the desire to bring incorporated structures reproduced in practices to the requirements of the field;
- frustration caused by the inability to realise goals in view of habitus hysteresis, i. e. the irrelevance of incorporated structures to objective structures. Frustration can be expressed in marginalisation, rejection of goals, or a change of priorities in a situation when, unable to act in a more important field (in accordance with doxa), an agent changes the scope of activity, moving down the hierarchy of finite areas of values.

To fully understand this part of the conceptualisation, it is necessary to clarify a few basic points about

what a «strategy» actually is in the context of adaptability.

The main advantage of the concept of strategy in the sense used by P. Bourdieu is that, unlike some forms of methodological individualism, it takes into account the structural constraints that affect agents, and at the same time, unlike some mechanistic versions of structuralism, suggests the possibility of active response to these pressures.

In terms of the metaphor of the game, these constraints are basically inscribed in the various forms of capital available or in the position occupied by some unit in the distribution structure of this capital, i. e. in the relation of forces between agents. In contrast to the common use of this concept, when strategies mean the conscious and long-term intentions of an individual agent, P. Bourdieu refers to it to designate various sets of actions ordered in accordance with more or less long-term and not necessarily explicitly formulated goals [8], that is, with the intention of the benefits that this or that activity should bring. It is the way in which habitus selects and arranges the actions of an agent according to the goals pursued by him in the changing scene of social relations and structural constraints expressed in the logic of successive games that we call adaptive strategies.

At the same time, P. Bourdieu does not interpret «benefit» as a purely utilitarian concept in the spirit of rational choice theory. In order to avoid vulgar materialism in the concept of benefit, he suggests replacing it with the term «illuso» [10, p. 66–67]. According to this interpretation, the benefit is the belief that some social activity is significant enough to engage in it. Thus, any benefit is only an «illuso» – a belief in the significance of the goal, which was internalised by the agent in the process of socialisation. This belief is especially strong among the so-called «natives» of the field, that is, for those agents, whose habitus is homogeneous to the environment and is most relevant for success in this field [11].

For each field, there are specific types of illuso, which vary significantly, and they cannot be reduced to each other. Accordingly, there are as many types of benefits as there are social fields: each field offers agents a specific goal. For example, the benefits pursued by politicians usually do not coincide with the benefits of businessmen: the former attach importance to power as the goal of their activities, while for the latter the main motive is the multiplication of another type of capital – the economic one. It is worth noting, however, the utilitarianism of the logic of the economic field and its desire for intervention, subjugation of the logic of

games in other social fields such as art, science, politics, etc.

Bourdieu's use of the concept of *illusio* allows avoiding the straightforward objectivist schemes in determining the motives of the subject's behaviour. A close examination of the relationship of a social agent's belief in the significance of any activity to the field in which this activity unfolds and enters into relations with the intentions of the benefit of other players requires an appeal to the constructivist origins of Bourdieu's sociology, up to the descriptive phenomenology of A. Schutz and the sociology of knowledge of P. Berger and T. Luckmann. Therefore, we will confine ourselves to a few remarks that may be sufficient to clarify our position.

The logic of the «goal» is utilitarian. This concept refers us to the logic of the field as an intersubjectively

constituted space of struggle between the positions of the hierarchy and the dispositions of capital common in it. It is possible to represent the agent's motivation in this way only by reducing the behaviour of the subject in everyday life to pure *conatus*. This assumption leaves no room for the subjectivism inherent in the social agent as a representative of the human race.

Although *illusio*, being a product of internalisation, relates to *habitus*, it entirely belongs to the subject. *Illusio* can be adequate to the field, which implies in the possibility of achieving the intended benefits, i. e. the ability to succeed in a particular activity. However, *illusio*'s relation to the field is always affected by the «relevance problem» [12], and cannot fully correspond to the «interests of the field» – the logic of games, which is a product of collective social history (fig. 2).

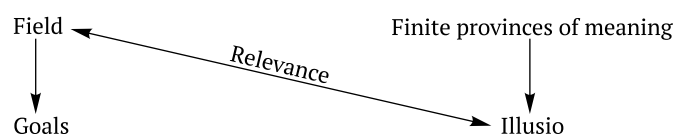

Fig. 2. The scheme of the conceptual relationship of concepts

This is a balance which is born in the relentless struggle for compliance with the norms of cooptation of particular environment or institutions. The struggling agents are not aware of this fact. The adequacy of the relevance of the agent's intentions stems from the social nature of their origin. Inadequacy results from the hysteresis (lag) of incorporated structures, or their origin, which differ significantly from the field of implementation. A classic example is Don Quixote. As a result of the irrelevance of *habitus*, he reproduces social relations that do not exist in the present reality, which makes him a comical character who was possessed by the spirit of medieval romanticism. In real life, one can often meet people whose *habitus* and the systems of dispositions reproduced in practice no longer correspond to the reality of vital relationships, which can lead to frustration of an agent unable to realise himself in new conditions.

Another important concept for understanding the theoretical and methodological foundations of the conceptualisation of adaptive strategies is *doxa*. First mentioned by Aristotle, the concept of *doxa* (from ancient Greek – «common opinion, idea») has undergone many interpretations, and revived mainly by postmodern

discourse. Today it is loaded no less than notions of «strategy» or «adaptation». However, it is important for our analysis for the following reason. In the Bourdieu's theoretical language it represents not only a fundamental agreement with the world, but also pre-reflexive judgments about the hierarchy of finite provinces of meaning (in Schutz' sense) which reflects, according to the constructivist logic, the agent's ideas about social fields and subfields (fig. 3). Accordingly, *doxa* embodies a universal logic of hierarchisation of social fields and all games available for participation.

Thus, the businessman's *doxa* suggests that games available for participation where economic capital is the main bet and benefit are more preferable than games that are a field of struggle for political or symbolic capital. For a scientist (if he is a genuine scientist), it is a matter of course that the discursive field of science is above politics and all kinds of populism, acting as games proposed for participation in it. This does not negate his belief (*illusio*) in the importance of political activism, especially if he is involved in it, but it only defines the priority of one *illusio* (the importance of scientific activity) over another one.

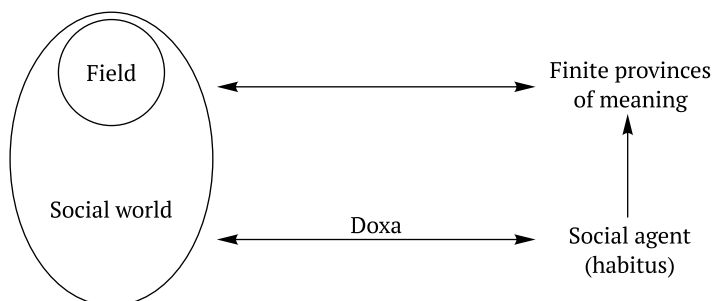

Fig. 3. Relation *doxa* to the structures of *habitus*

Conclusion

In this article, we have tried to conceptualise the strategies of the reproduction of the field and adaptation in it through the theoretical resource of the language of Bourdieu's structuralist constructivism. It should be noted that this attempt was oriented by the desire to avoid two radical poles in the sociological conceptualisation of adaptation that developed at the earliest stages of the institutionalisation of sociology: the primacy of objective structures over the subject and vice versa. In order to achieve this goal, we have to reconstruct the logic of argumentation of the interaction of objective structures and incorporated subjective structures, which can be found in the concepts of habitus, *illusio* and *doxa* developed by Bourdieu. This let us to define the basis of the mechanisms of compliance with the requirements of cooptation which can be reflected in the form of strategies of reproduction of the field and adaptation to it.

As a result of conceptualisation, we identified several types of strategies of reproduction and adaptation. In the first case, it is possible to distinguish «interpreter» as a strategy focused on the preservation and reproduction of the social order, and «entrepreneur» as

a strategy aimed at its transformation. In the second case, active, passive and frustrating adaptive strategies can be distinguished. Active strategies are characterised by the agent's intervention in external circumstances, passive strategies are characterised by the agent's acceptance of external circumstances, and frustrating strategies are characterised by the agent's change of priorities and goals within the existing social field up to the «exit» from it. The differences in these strategies are based on the differences in the positions of agents which depend on the structure of the distribution of various types of capital, the mechanisms of reproduction of this structure, as well as the degree of relevance of the incorporated structures of the agent to the objective structures of the field in which the agent operates.

This conceptualisation allows us to move on to the next stage of the study of reproduction strategies and adaptations of social agents, which implies in their operationalisation as mechanisms of compliance with the requirements of cooptation. This conceptualisation, however, requires further clarification and verification, which can be implemented in particular empirical studies.

Библиографические ссылки

1. Бурдьё П. Стратегии воспроизводства и способы господства. В: Бурдьё П. *Социология социального пространства*. Шматко НА, редактор. Санкт-Петербург: Алетейя; 2005. с. 97–120 (Gallicinium).
2. Бурдьё П. Поле литературы. В: Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практики*. Шматко НА, редактор. Санкт-Петербург: Алетейя; 2005. с. 365–472 (Gallicinium).
3. Bourdieu P. The forms of capital. In: Richardson J, editor. *Handbook of theory and research for the sociology of education*. Westport: Greenwood; 1986. p. 241–258.
4. Бурдьё П. Формы капитала. Добрякова МС, переводчик. *Экономическая социология*. 2002;3(5):60–74.
5. Бурдьё П. *Практический смысл*. Шматко НА, редактор. Санкт-Петербург: Алетейя; 2017. 560 с.
6. Бурдьё П. Структура, габитус, практика. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998;1(2):40–58.
7. Вайнингер ЭБ. Основы классового анализа Пьера Бурдьё. В: Райт ЭО, редактор. *Подходы к классовому анализу*. Симончук Е, переводчик. Киев: Институт социологии НАН Украины; 2019. с. 126–176.
8. Бурдьё П. *Различение: социальная критика суждения*. В: Радаев ВВ, редактор. *Западная экономическая социология*. Кирчик ОИ, переводчик. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); 2004. с. 537–565.
9. Peters G. The social as heaven and hell: Pierre Bourdieu's philosophical anthropology. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2012;42(1):63–86. DOI: 10.1111/j.1468-5914.2011.00477.x.
10. Costey P. L'illusio chez Pierre Bourdieu. Les (més)usages d'une notion et son application au cas des universitaires. *Tracés*. 2005;8:13–27. DOI: 10.4000/traces.2133.
11. Lizardo O. The cognitive origins of Bourdieu's habitus. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2004;34(4):375–401. DOI: 10.1111/j.1468-5914.2004.00255.x.
12. Шюц А. Структура повседневного мышления. *Социологические исследования*. 1988;2:129–137.

References

1. Bourdieu P. [Reproduction strategies and modes of domination]. In: Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Shmatko NA, editor. Saint Petersburg: Aleteiya; 2005. p. 97–120 (Gallicinium). Russian.
2. Bourdieu P. [The field of literature]. In: Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [The social space: fields and practices]. Shmatko NA, editor. Saint Petersburg: Aleteiya; 2005. p. 365–472 (Gallicinium). Russian.
3. Bourdieu P. The forms of capital. In: Richardson J, editor. *Handbook of theory and research for the sociology of education*. Westport: Greenwood; 1986. p. 241–258.
4. Bourdieu P. The forms of capital. Dobryakova MS, editor. *Journal of Economic Sociology*. 2002;5:60–74. Russian.
5. Bourdieu P. *Prakticheskii smysl* [The logic of practice]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2017. 560 p. Russian.
6. Bourdieu P. [Structure, habitus, practice]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1998;1(2):40–58. Russian.
7. Weininger EB. [Foundations of Pierre Bourdieu's class analysis]. In: Wright EO, editor. *Podkhody k klassovomu analizu* [Approaches to class analysis]. Simonchuk E, translator. Kyiv: Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine; 2019. p. 126–176. Russian.

8. Bourdieu P. [Discrimination: social critique of judgment]. In: Radaev VV, editor. *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya* [Western economic sociology]. Kirchik OI, translator. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2004. p. 537–565. Russian.
9. Peters G. The social as heaven and hell: Pierre Bourdieu's philosophical anthropology. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2012;42(1):63–86. DOI: 10.1111/j.1468-5914.2011.00477.x.
10. Costey P. *L'illusio* chez Pierre Bourdieu. Les (més)usages d'une notion et son application au cas des universitaires. *Tracés*. 2005;8:13–27. DOI: 10.4000/traces.2133.
11. Lizardo O. The cognitive origins of Bourdieu's habitus. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2004;34(4):375–401. DOI: 10.1111/j.1468-5914.2004.00255.x.
12. Schutz A. [The structure of everyday thought]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1988;2:129–137. Russian.

Received by editorial board 03.06.2022.

УДК 316.347(=161.3)(438+474.5)(043.3)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ТРЕНДЫ ТЕЛЕСМОТРЕНИЯ СРЕДИ БЕЛОРУССКОЙ АУДИТОРИИ

А. В. ПОСТАЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется реализация проекта национального медиаизмерения белорусского телевидения. Рассматривается методологический подход к организации медиаизмерений аудиовизуальных СМИ. Представлены результаты изучения рейтинга телевидения посредством пассивного измерения телесмотра в летний период 2021 г. На основе аудиторных данных, полученных из пиплметрической панели, раскрывается содержание основных тенденций и трендов телесмотра национальной аудитории. Объектом исследовательского поиска являются рекрутированные в панель респонденты, которые смотрят телевизор. Рекрутирование в панель осуществляется на основании данных установочного исследования, проводившегося в июне – декабре 2020 г. для выявления структуры телевизионной аудитории.

Ключевые слова: телесмотрение; аудитория; телевидение; медиаизмерения; пиплметр.

MAIN TENDENCIES AND TRENDS OF TV VIEWING AMONG THE BELARUSIAN AUDIENCE

A. V. POSTALOVSKY^a

^aBelarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The presented article is devoted to the analysis of the practice of implementing the project of national media measurement of television in the Republic of Belarus. The paper discusses in detail the methodological approach to organising media measurements of audiovisual media, analyses the results of measuring the television rating through passive measurement in the summer of 2021. Based on the audience data obtained from the peplemetric panel, the content of the main trends and trends in television viewing by the national television audience is revealed. The object of the research search is TV viewers – respondents recruited into the panel who watch TV. Recruitment to the panel is carried out on the basis of data from the baseline survey, which was conducted in June – December 2020 to identify the structure of the TV audience.

Keywords: television viewing; audience; television; media measurements; peplemeter.

Образец цитирования:

Посталовский АВ. Основные тенденции и тренды телесмотра среди белорусской аудитории. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;2:74–87.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-74-87>

For citation:

Postalovsky AV. Main tendencies and trends of TV viewing among the Belarusian audience. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;2:74–87. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-74-87>

Автор:

Александр Владимирович Посталовский – кандидат социологических наук, доцент; ведущий научный сотрудник Центра социологических и политических исследований.

Author:

Alexander V. Postalovsky, PhD (sociology), docent; leading researcher at the Centre of Sociological and Political Studies.
postalnio@tut.by

Введение

В современных условиях функционирования общества и медиаконвергентных процессов трансформации информационной сферы немаловажное значение имеет эмпирическое медиаизмерение эффективности аудиовизуальных средств массовой информации. Измерение востребованности и рейтинговых показателей телевизионных каналов позволяют получить содержательную картину о медиапредпочтениях национальной аудитории. Кроме того, индикаторы востребованности и эффективности аудиовизуальных медиа позволяют фиксировать динамику рейтинговых показателей, необходимых для аналитического прогнозирования развития национального телевизионного сегмента и общих тенденций функционирования медиарекламного рынка. В указанном контексте приобретают значимость прикладные исследования, направленные на эмпирическое медиаизмерение аудитории аудиовизуальных СМИ.

Измерение эффективности СМИ предполагает фиксацию обращения аудитории к информационному контенту. В данном случае, в отличие от традиционной социологии СМИ, выявление оценочной реакции респондента в отношении содержательной направленности информационного контента не является исследовательской задачей измерения. На первый план выходит фиксация обращения потребителей массовой информации к транслируемому контенту, которая позволяет сформировать эмпирические показатели, в частности такие как охват, доля и рейтинг телевизионных каналов и радиостанций. Если в классической социологии СМИ изу-

чается в первую очередь отношение респондента к тому или иному источнику массовой информации, то в медиаизмерениях основополагающей методологической составляющей является фиксация факта присутствия зрителя в телевизионном пространстве с точным определением времени, объема, социально-демографических характеристик телесмотра.

Теоретико-методологические основания медиаизмерений и других медийных исследований телевидения нашли отражение в работах Т. З. Адамьянц [1], Н. В. Адемуковой [2], В. Н. Бузина [3], С. В. Вартанова [4], Д. М. Вьюгиной [5], Т. В. Поповой, В. Н. Гришай и А. А. Мацнева [6], В. Н. Ильмухина [7], М. Н. Лукьяновой [8], Е. Г. Малышевой и О. С. Рогалева [9], М. М. Назарова [10], И. А. Полуэхтовой [11], Т. В. Поповой [12], Н. В. Соколова и Л. С. Рехтиной [13], В. Л. Цвик [14]. Указанные авторы рассматривали аспекты телесмотра аудитории, основываясь на результатах медиаизмерений в Российской Федерации. В белорусской социологической науке медийным исследованиям посвящены публикации М. С. Терещенко и О. В. Терещенко [15; 16]. Вместе с тем в отечественной социологии практика медиаизмерений, проводимых посредством аппаратных методов фиксации телесмотра, раскрыта недостаточно.

Актуальность данной статьи заключается в анализе и социологической интерпретации аудиторных данных, получаемых путем пассивного измерения телесмотра, методологические основания которого соответствуют международным стандартам медиаисследований.

Основная часть

В настоящее время ЗАО «МедиаИзмеритель», исполняя Указ Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2020 г. № 122 «О создании системы медиаизмерений», занимается исследованием национальной аудитории телевидения и радио, в том числе проводит анализ рейтинговых показателей телевизионных каналов и радиостанций. Компания выступает национальным медиаизмерителем, предоставляющим актуальную информацию телевизионной индустрии и радиоиндустрии рекламным агентствам и органам государственного управления.

Основным методологическим принципом измерений телевизионного сегмента национального информационного поля выступает пассивное измерение аудитории. Оно заключается в построении телевизионной панели – постоянных участников исследования, регистрация телесмотра которых будет реализована посредством аппаратных методов сбора информации, с помощью пиплметров модели *PeopleMeter 5000* (Kantar, Великобритания). Для формирования телевизионной панели необходимо провести установочное исследование аудитории.

Установочное исследование – это массовый опрос населения (домохозяйств) по репрезентативной случайной выборке в целях описания структуры целевой аудитории, определения факторов, влияющих на медиапотребление, построения социально-демографического портрета зрителей и получения данных о технической оснащенности домохозяйств. По итогам установочного исследования необходимо выяснить следующие позиции:

- половозрастное распределение телевизионной аудитории;
- материальный статус целевой аудитории;
- техническую оснащенность домохозяйств телевизионной техникой;
- объем вклада в телесмотрение в разрезе социально-демографических групп;
- типологизацию целевой аудитории в зависимости от объема медиапотребления;
- базу данных для предполагаемого рекрута телевизионной панели.

Установочное исследование выступает обязательным атрибутом медиаизмерений пассивными средствами фиксации рейтинговых показателей

и является общепринятым требованием к реализации подобных проектов. Оно позволяет сформировать базу панельного резерва – потенциальных участников телевизионной панели. Основным результатом установочного исследования должно стать формирование панельной матрицы – эмпирической карты телевизионной панели с выделением контрольных параметров (пол, возраст, наличие телевизора, тип подключения к телевизионному сигналу, количество человек в домохозяйстве), которые необходимо учитывать при рекрутировании домохозяйств – участников проекта телеизмерения.

Объем выборочной совокупности установочного исследования составил 6000 респондентов, представляющих городское население Республики Беларусь в возрасте 15–79 лет (генеральная совокупность городского населения – 7 300 000 человек). Заявляемый объем выборочной совокупности (6000 респондентов) сформирован, исходя из десятикратного превышения репрезентативного объема телевизионной панели (600 домохозяйств). В географическом контексте телевизионная панель включает в себя столичный регион (180 домохозяйств), областные центры, города с населением 100–200 тыс. человек (большие города), города с населением 50–99 тыс. человек (средние города), города с населением менее 50 тыс. человек (малые города). Установочное исследование проводилось в июне – декабре 2020 г. методом личного интервью на дому у респондентов с использованием планшетов (CAPI) либо методом телефонного интервью (CATI).

Необходимым условием сохранения структуры панели является постоянный набор новых домохозяйств для участия в проекте. Это вызывает необходимость перманентного администрирования панели, в том числе путем дополнительного рекрута для сохранения численности панельной выборки. Предполагаемый размер годовой ротации панели составляет 15–20 % от общей численности респондентов. Ротация панели производится по причине отказа респондентов от дальнейшего участия в исследовании, нарушения правил и др. Возможное изменение содержания контрольных параметров и социально-демографических характеристик телеаудитории предполагает проведение ежегодного установочного исследования, которое позволит составить актуальный портрет национального телезрителя. Рекомендуемый объем выборки для последующего ежегодного исследования – пятикратное превышение объема панели (3000 респондентов).

Измерительная система собирает информацию о телесмотрении с помощью пиплметров, которые устанавливаются в домохозяйствах панельной выборки, где имеется хотя бы один работающий телевизор. Для фиксации социально-демографических показателей (пол, возраст и т. д.) при сеансе теле-

смотрения участники проекта должны отмечаться с помощью специального пульта. Также в целях качественного исследования содержания сетки телевизионного вещания проводится мониторинг телевидения с последующей каталогизацией программ в зависимости от их содержательной направленности.

С июня 2021 г. ЗАО «МедиаИзмеритель» осуществляет коммерческую поставку аудиторных данных заказчикам исследования. Часть эмпирических данных, получаемых из национальной телевизионной панели, доступны исследователям и аналитикам в области медиаизмерений. Анализ аудиторных показателей летнего периода (июнь – август 2021 г.) позволил выявить некоторые тенденции функционирования телевизионного сегмента в Беларуси.

Представленная на рис. 1 динамика аудиторных показателей отражает телесмотрение белорусской аудитории. Обращает на себя внимание скачкообразная кривая медиапоказателя *AvAud (View)* – среднего времени телепросмотра в минутах. Скачкообразность объема телесмотрения во многом обусловлена спецификой летнего периода, когда зрители склонны изменять привычки медиапотребления в связи с переездом на дачу, активным отдыхом и др.

Показатели среднего охвата (*AvRch* – количество человек в среднем в анализируемой группе, смотревших эфирное событие по умолчанию в течение минуты) сохраняются на уровне 56–61 % от генеральной совокупности городского населения. Для показателей общего рейтинга (*Rtg* – среднее количество человек, смотревших канал на протяжении определенного отрезка времени или конкретное эфирное событие от начала его трансляции до конца) так же, как и для показателей среднего охвата, характерно отсутствие скачкообразной динамики, что позволяет сделать вывод об устойчивости сформированной модели телесмотрения.

Немаловажное значение для определения востребованности телевизионных каналов приобретает анализ медиапоказателей динамики долей каналов в течение летнего периода (*share* – количество зрителей определенного канала или программы как процент от общего числа людей, смотревших телевизор в целом, за конкретный период).

Наиболее высокие показатели телесмотрения имеет телеканал «ОНТ» (рис. 2). С 16 по 22 августа 2021 г. показатели доли «ОНТ» несколько снизились по сравнению с телеканалом «Россия – Беларусь». Однако данный факт является фрагментарным, канал «ОНТ» занимал ведущие позиции практически все лето. Для телеканала «Беларусь 5» характерна скачкообразная кривая динамики показателей доли, связанная с прямыми трансляциями Чемпионата Европы по футболу (11 июня – 11 июля 2021 г.) и Олимпийских игр в Токио (23 июля – 8 августа 2021 г.).

Указанная тенденция позволяет сделать вывод о том, что трансляции значимых медийных мероприятий могут повлиять на расстановку рейтинговых показателей телеканалов среди всей аудитории, смотрящей телевизор в настоящее время. Соответственно, немаловажное значение имеет фактор трансляции этих мероприятий конкретным телеканалом, что в значительной степени способствует увеличению аудитории среди всех зрителей, которые смотрят телевизор в данный момент [17, с. 90].

Тематические предпочтения национальной аудитории показаны на рис. 3.

Условный топ предпочтений белорусских зрителей составляют кинофильмы (на это указали 40 % респондентов), программы развлекательного характера (23 %), информационного характера (15 %), познавательного характера (10 %) и спорт (6 %). Необходимо отметить, что досугово-развлекательный контент явно преобладает над информационным. Телевидение в данном случае выступает объектом условного личностного комфорта.

Максимальный объем аудитории буднего и выходного дня наблюдается с 18:15 до 23:00 (рис. 4). В субботу – воскресенье по сравнению с понедель-

ником – пятницей зрительская активность выше в 08:15–18:15 на 18 %, ниже в 05:45–08:00 на 17,8 %. В выходные дни зрительская активность несколько повышается, при этом в утренний период зафиксировано снижение зрительской активности в связи с очевидной необходимостью отдохнуть утром в нерабочий день.

Тесная связь между предлагаемым зрителю контентом и тематическими предпочтениями представляется высокой, поскольку между ними фактически достигнут паритет (рис. 5).

Некоторые расхождения в отношении спроса¹ аудитории и предложения² телеканалов можно наблюдать в отношении информационного контента (предложение – 8 %, спрос – 15 %).

В целом телепотребление белорусской аудитории вписывается в традиционную модель, которая предлагает структурно оформленное выделение прайм-тайма с 18:00 до 23:00. Показатели реального телесмотрения среди всех зрителей в настоящий момент находятся в прямой зависимости от медийности контента, транслируемого в эфире. Прямая трансляция обеспечивает тематическому каналу востребованность среди аудитории.

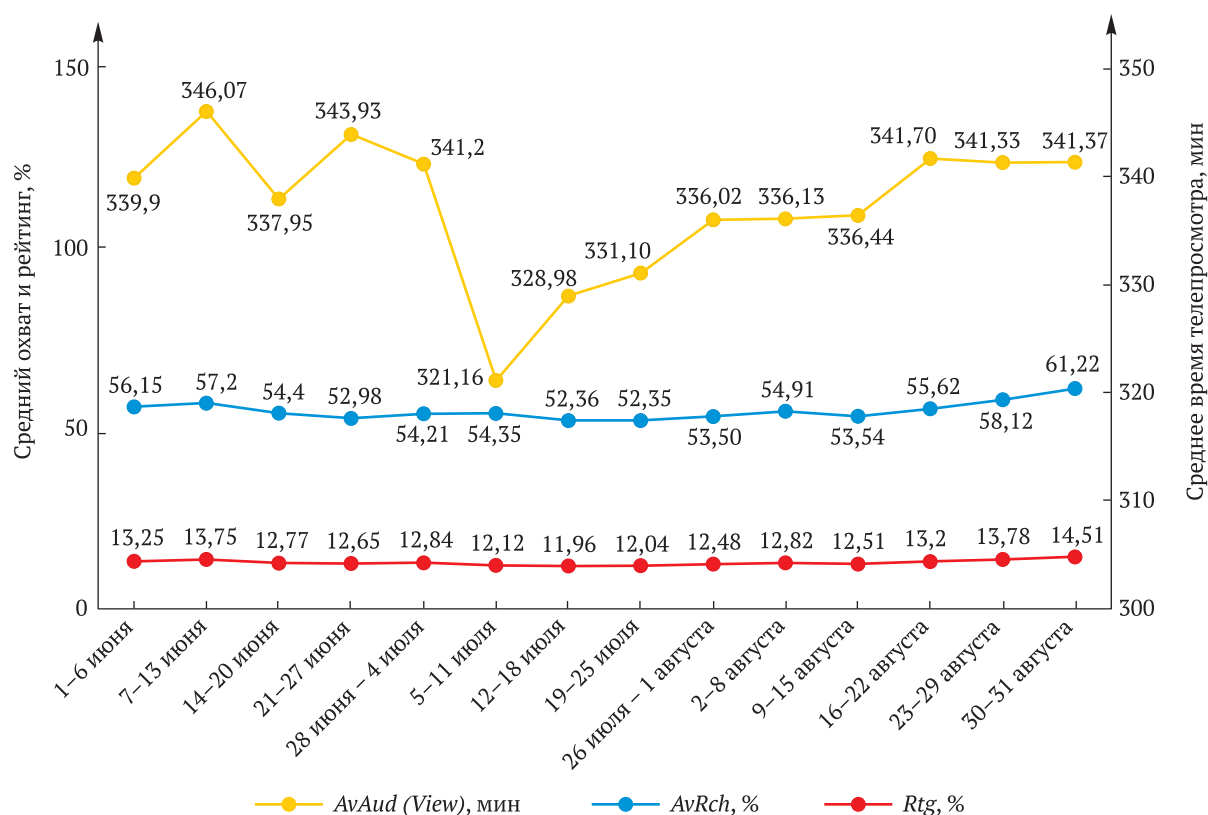

Рис. 1. Аудиторные показатели телесмотрения в июне – августе 2021 г.

Fig. 1. Audience indicators of TV viewing in the June – August of 2021

¹Спрос – процентное распределение по жанровому предпочтению.

²Предложение – процентное распределение по жанровому наполнению.

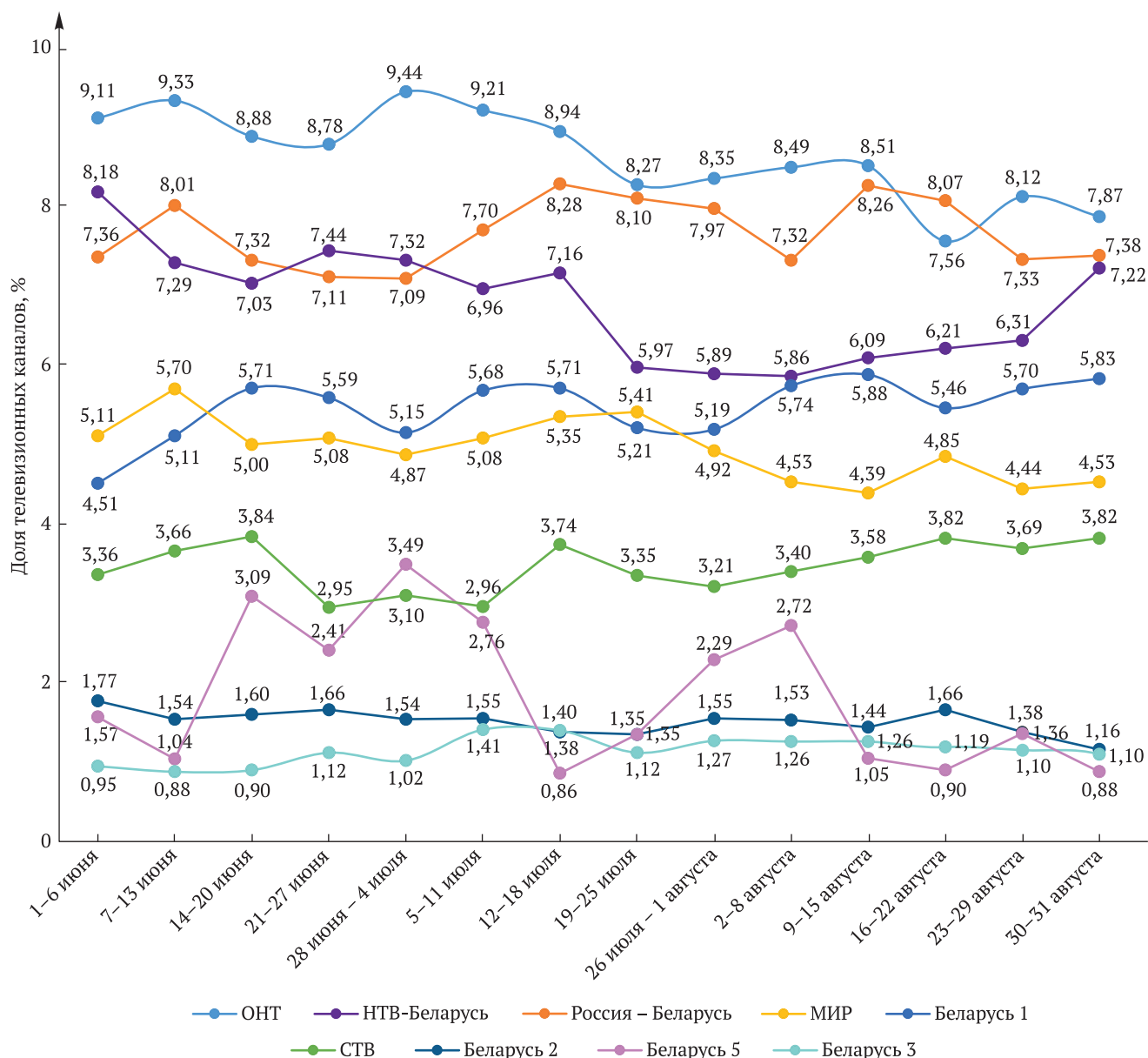

Рис. 2. Динамика доли телевизионных каналов в июне – августе 2021 г.

Fig. 2. Dynamics of the share of television channels in June – August 2021

В научной среде при интерпретации показателей телесмотрения аудитории принято выделять модели медиапотребления телевизионного контента. А. В. Шариков выделяет три парадокса телесмотрения аудитории. «Первый парадокс, – пишет ученый, – состоит в том, что *поведение совокупной аудитории всех телеканалов весьма слабо связано с содержанием эфира*. Что бы ни показывали по телеканалам, статистическое поведение общей телеаудитории отличается удивительной регулярностью: всплески и спады ее величины привязаны к определенным интервалам времени в течение суток. Эта величина варьируется также в зависимости от дня недели и, кроме того, связана со временем года... За многие годы телеканалы многократно

меняли сетки вещания, появились и исчезли сотни телепрограмм, но регулярность в поведении аудитории от этого практически не изменилась» [18, с. 42]. В данном случае, несмотря на содержательное многообразие сетки телевизионного вещания, условный прайм-тайм наступает все так же с 18:00 до 23:00 вне зависимости от тематики контента, транслируемого в указанное время.

Второй парадокс, по мнению А. В. Шарикова, заключается в том, что «...изначально вероятность попадания зрителя на тот или иной телеканал оказывается неодинаковой. С большей вероятностью зрители придут на более крупные каналы... Этот парадокс проявляется особенно заметно, когда по нескольким каналам транслируется одно и то

же содержание» [18, с. 43], в частности если идет трансляция новогоднего поздравления главы государства. Также этот феномен, на наш взгляд, может проявиться при прямой трансляции хоккейного или футбольного матча, когда при равных источниках доступа телевизионного сигнала и картинки трансляции будет выбран для просмотра именно центральный, а не тематический канал.

Третий парадокс в интерпретации ученого получил название «парадокс низкой оценки при высоком рейтинге». «Мы неявно предполагаем, – пишет А.В. Шариков, – что аудитория собирается на те программы, которые ей нравится смотреть. Но часто зрители реально обращаются к таким типам программ, которые в иных условиях они не называют привлекательными. Пример: программы криминальной хроники, насыщенные элементами агрессии, или передачи с “крутыми эротическими элементами”» [18, с. 46].

Д. Ю. Пашутин, анализируя общие тенденции телевизионного медиапотребления, выделяет конкурирующие гипотезы выбора телесмотрения. С одной стороны, это «существенная зависимость телесмотрения от ритма жизни телезрителей», с другой – «предположение, что телезритель включает телевизор не по причине соответствия ритму жизни, а из-за своих программных предпочтений»³. В данном случае при выборе объясняющей гипотезы необходимо, на наш взгляд, обратиться к типологии телезрителей, сформированной в панельной матрице. По результатам факторного анализа переменных, наиболее «влиятельными» зрителями являются

вечерние (32,6 % от общего числа телевизионной аудитории) и активные (29,4 %). В совокупности именно эта аудитория и составляет основу праймового периода (18:00–23:00), при этом сам по себе выбор этого временного периода, согласно данным установочного исследования и многомерному анализу статистических данных, объясняется первой гипотезой Д. Ю. Пашутина, а именно зависимостью фиксируемого телесмотрения от индивидуального ритма жизни.

При медиаизмерении немаловажное значение приобретает также анализ социально-демографического профиля потребителей телевизионного контента. Он позволяет структурировать телеаудиторию в контексте таких значимых социально-демографических признаков, как пол и возраст. В научной среде универсального определения понятия «социально-демографический портрет» пока нет. Наиболее оптимальной дефиницией, четко отражающей его сущность, является формулировка П. В. Акинина: социально-демографический портрет – это «совокупность качественных и количественных общественно значимых демографических и социальных характеристик населения» [19, с. 46]. Для анализа социально-демографического профиля в медиапланировании используется метрика *TgSat*, представляющая собой процент демографической группы эфирного события или телевизионного канала от аудитории.

Половозрастная структура аудитории белорусского телевидения в летний период 2021 г. (на примере июня – августа) представлена на рис. 6.

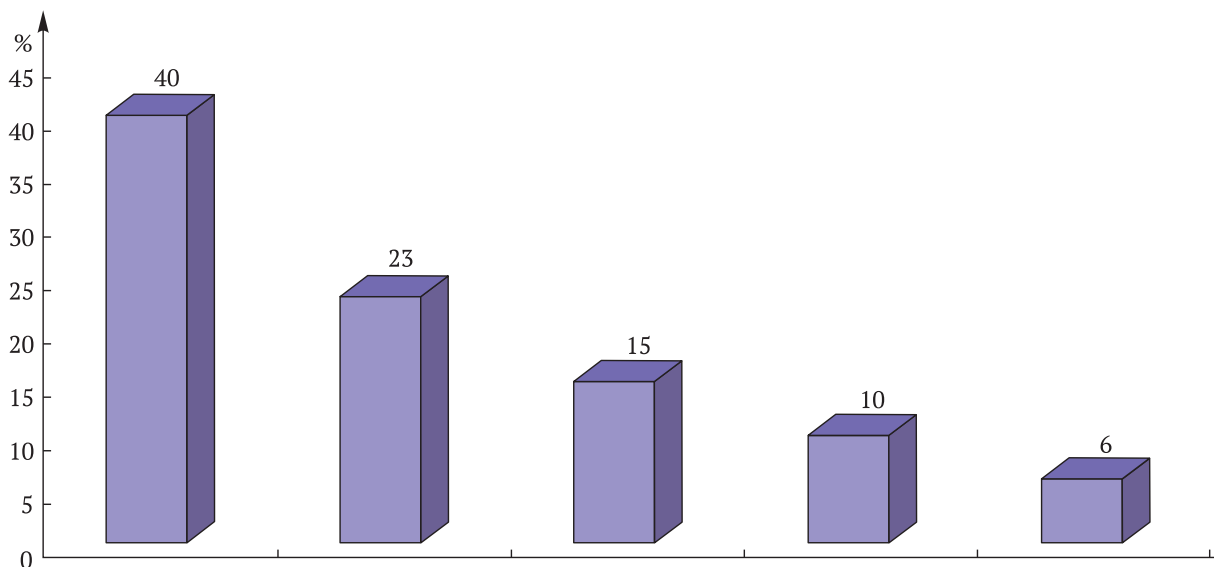

Рис. 3. Топ-5 тематических жанров аудитории белорусского телевидения в июне – августе 2021 г.

Fig. 3. Top-5 thematic genres of the Belarusian television audience in the June – August of 2021

³Пашутин Д. Ю. Статистическое исследование динамики аудитории в России : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.12. М., 2011. 20 с.

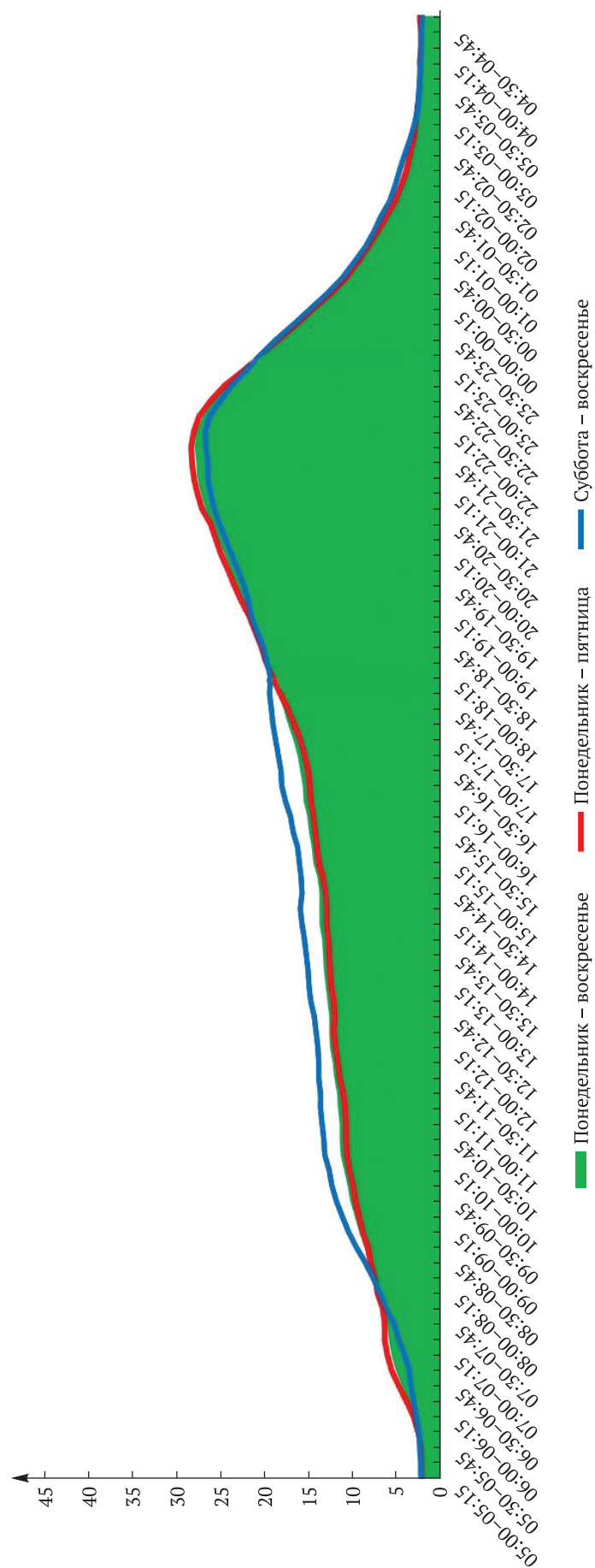

Рис. 4. Зрительская активность в будние и выходные дни, %

Fig. 4. Spectator activity on weekdays and weekends, %

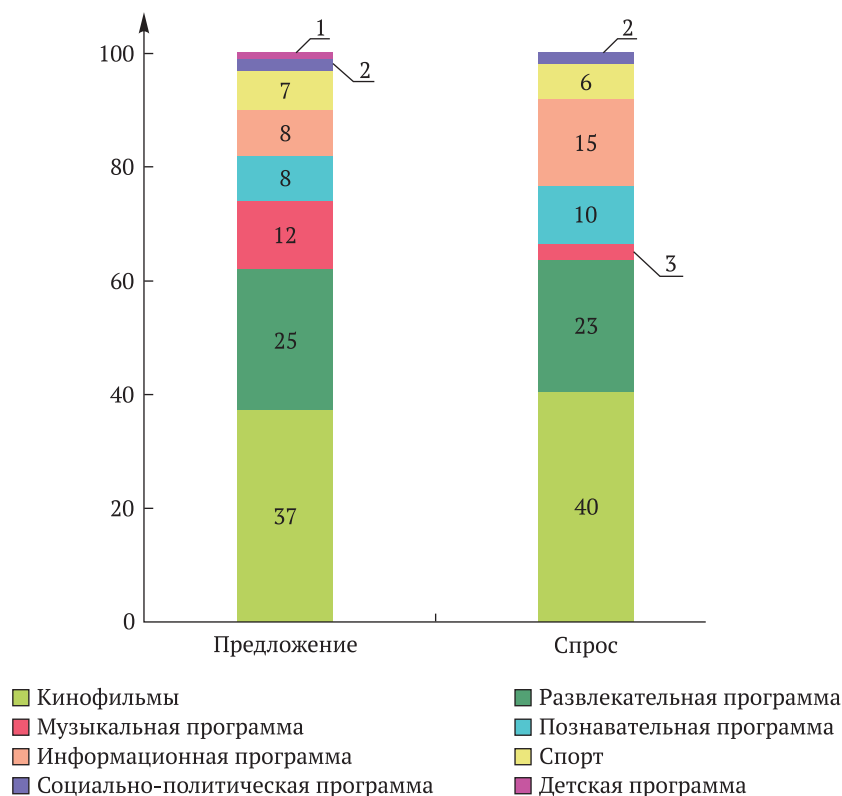

Рис. 5. Спрос и предложение по жанрам телепередач, %
Fig. 5. Demand and supply by genre of TV shows, %

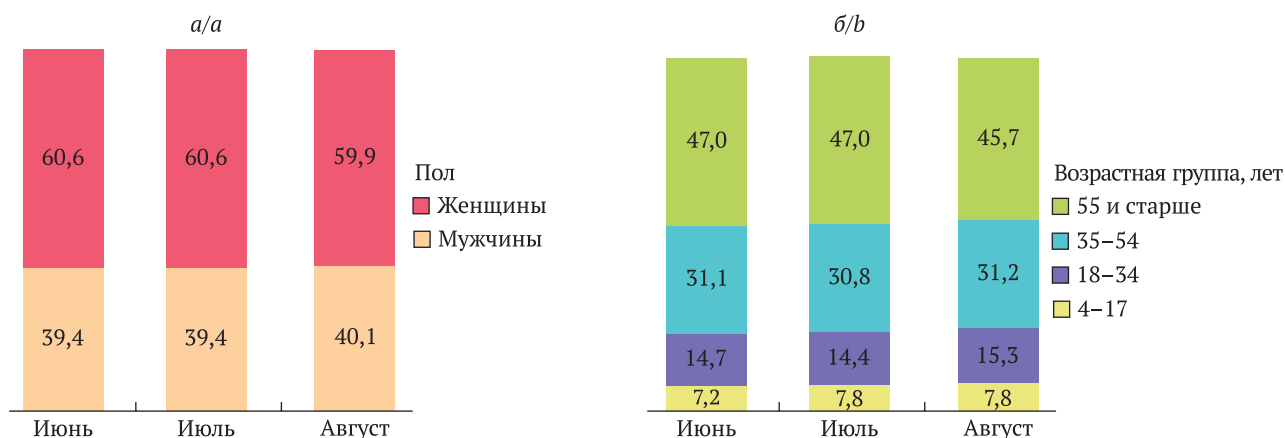

Рис. 6. Распределение телеаудитории в зависимости от пола (а) и возраста (б), %
Fig. 6. TV audience distribution by gender (a) and age (b), %

Реальная аудитория телевидения в указанный период являлась преимущественно женской: 60 % – женщины, 40 % – мужчины (см. рис. 6, а). Возраст почти половины телезрителей (45,7–47,0 %) в летние месяцы составляет 55 лет и старше (см. рис. 6, б). Объем средневозрастного сегмента телеаудитории (35–54 года) составил 31 %, молодежи – 15 %, юных зрителей – 7,5 %. В летний период аудитория является устойчивой в контексте социально-демографи-

ческих квот. Значимого перевеса в пользу той или иной возрастной группы в течение месяца зафиксировано не было.

Рассмотрев профильные особенности телевизионного потребления, необходимо обратиться к анализу социально-демографических характеристик аудитории ведущих телевизионных каналов Беларуси. В табл. 1 представлены половозрастные показатели зрителей телеканала «Беларусь 1».

Таблица 1

Социально-демографический профиль аудитории телеканала «Беларусь 1» в июне – августе 2021 г., %

Table 1

Socio-demographic profile of the audience of TV channel «Belarus 1» in June – August 2021, %

Период	Пол		Возраст, лет			
	Мужской	Женский	4–17	18–34	35–54	55 и старше
Июнь	30,20	69,80	1,70	9,20	31,51	57,60
Июль	35,30	64,70	1,54	8,01	28,26	62,19
Август	30,90	69,10	2,05	8,33	25,57	64,06

Как показано в табл. 1, аудитория телеканала «Беларусь 1» является преимущественно женской, по возрасту доминирует категория зрителей 55 лет и старше. Отмечается некоторое снижение доли женской аудитории на 5,1 % в июле и повышение доли старшей возрастной группы аудитории на 6,5 % в августе (по сравнению с июнем).

Для телеканала «СТВ» характерно относительно небольшое расхождение аудитории в контексте пола. В августе доли мужской и женской аудитории составили 46,37 и 53,63 % соответственно, что позволяет сделать вывод об отсутствии выраженного доминирования конкретной аудитории в зависимости от пола (табл. 2).

Таблица 2

Социально-демографический профиль аудитории телеканала «СТВ» в июне – августе 2021 г., %

Table 2

Socio-demographic profile of the audience of TV channel «STV» in June – August 2021, %

Период	Пол		Возраст, лет			
	Мужской	Женский	4–17	18–34	35–54	55 и старше
Июнь	40,3	59,7	2,0	3,9	30,6	63,5
Июль	42,9	57,1	2,6	4,8	27,8	64,8
Август	46,4	53,6	2,5	4,5	26,7	66,3

Свыше 70 % аудитории телеканала «ОНТ» в летний период составили зрители 55 лет и старше (табл. 3). Аналогичная тенденция (показатели свыше 70 %) зафиксирована в контексте распределения

показателей в зависимости от пола. Таким образом, данный телеканал характеризуется ярко выраженной женской аудиторией, причем старшего возраста.

Таблица 3

Социально-демографический профиль аудитории телеканала «ОНТ» в июне – августе 2021 г., %

Table 3

Socio-demographic profile of the audience of TV channel «ONT» in June – August 2021, %

Период	Пол		Возраст, лет			
	Мужской	Женский	4–17	18–34	35–54	55 и старше
Июнь	24,0	76,0	1,3	5,0	22,4	71,3
Июль	24,6	75,4	1,6	4,4	22,5	71,5
Август	24,7	75,3	1,5	5,0	22,9	70,6

Для телеканала «НТВ-Беларусь» характерно незначительное увеличение мужской аудитории в августе (табл. 4). В социально-демографическом разрезе у него схожая с телеканалом «Беларусь 1» аудитория.

Телеканал «Россия – Беларусь» имеет самые высокие из анализируемых каналов показатели стар-

шей возрастной категории: почти 75 % в среднем за три месяца (табл. 5). Соответственно, у него зафиксированы самые низкие показатели среди молодежной аудитории.

Обратимся к анализу показателей *TgSat* в разрезе топовых программ белорусского телевидения (табл. 6).

Таблица 4

Социально-демографический профиль аудитории
телеканала «НТВ-Беларусь» в июне – августе 2021 г., %

Table 4

Socio-demographic profile of the audience
of TV channel «NTV-Belarus» in June – August 2021, %

Период	Пол		Возраст, лет			
	Мужской	Женский	4–17	18–34	35–54	55 и старше
Июнь	35,31	64,69	1,40	5,00	28,30	65,30
Июль	35,89	64,11	1,70	5,00	25,60	67,80
Август	39,40	60,60	1,60	5,70	26,60	66,00

Таблица 5

Социально-демографический профиль аудитории
телеканала «Россия – Беларусь» в июне – августе 2021 г., %

Table 5

Socio-demographic profile of the audience
of TV channel «Russia – Belarus» in June – August 2021, %

Период	Пол		Возраст, лет			
	Мужской	Женский	4–17	18–34	35–54	55 и старше
Июнь	30,53	69,47	1,00	3,10	21,90	74,00
Июль	27,30	72,70	1,30	3,40	20,10	75,10
Август	26,70	73,30	1,10	4,00	20,80	74,10

Таблица 6

Топ-15 программ белорусского телевидения в июне 2021 г.

Table 6

Top-15 TV programs in June 2021

№ п/п	Программа	Канал	Дата	Начало	Окончание	Рейтинг, %
1	«Марков. Ничего личного»	«ОНТ»	3 июня	20:00:07	21:36:25	4,81
2	«Рейс Афины – Вильнюс. Разбор полетов»	«ОНТ»	2 июня	20:59:43	21:54:50	4,39
3	«По разным берегам»	«Россия – Беларусь»	9 июня	22:03:30	22:59:49	4,35
4	«Наши новости» (20:30)	«ОНТ»	9 июня	20:30:04	21:34:01	4,31
5	«Привет, Андрей!»	«Россия – Беларусь»	5 июня	20:40:09	22:31:20	4,29
6	«Пес-3»	«НТВ-Беларусь»	9 июня	19:52:46	20:56:30	3,99
7	«Ты супер! 60+»	«НТВ-Беларусь»	13 июня	20:08:28	22:24:25	3,89

Окончание табл. 6
Ending table 6

№ п/п	Программа	Канал	Дата	Начало	Окончание	Рейтинг, %
8	«Наши новости» (20:00)	«ОНТ»	12 июня	19:59:53	20:50:33	3,87
9	«Итоги недели с Ирадой Зейналовой»	«НТВ-Беларусь»	6 июня	18:59:58	20:02:37	3,76
10	«Пес-4»	«НТВ-Беларусь»	23 июня	19:53:01	21:03:45	3,75
11	«Время»	«ОНТ»	7 июня	19:59:51	20:27:23	3,72
12	«Мужское/женское»	«ОНТ»	8 июня	16:23:35	17:21:37	3,68
13	«Метеогид»	«ОНТ»	12 июня	20:52:45	21:15:03	3,66
14	«Поле чудес»	«ОНТ»	25 июня	18:55:51	19:59:44	3,66
15	«Три аккорда»	«ОНТ»	11 июня	21:24:03	23:12:14	3,66

Как видим, из 15 самых популярных в июне передач 9 представлены каналом «ОНТ». Также обращает на себя внимание то, что первые две топовые передачи имеют общественно-политическую тематику, в то время как сам по себе такой контент не входит в пятерку тематических предпочтений национальной аудитории (см. рис. 5). Ранее на примере спортивных трансляций значимых медийных событий (Олимпиада в Токио, Чемпионат Европы по футболу) объяснялись высокие показатели тематического канала «Беларусь 5», который в условно умеренное в плане медийности время сохранял довольно скромные показатели востребованности (доля, охват, рейтинг). Например, в случае с информационно-аналитической программой «Марков. Ничего личного» на телеканале «ОНТ» (3 июня 2021 г.) также

сыграл фактор медийности, причем по двум направлениям:

- 1) медийность события (обсуждение ситуации с посадкой самолета авиакомпании *Ryanair* 23 мая 2021 г.);
- 2) медийность персоны (спикером программы был непосредственный участник событий Р. Протасевич, бывший редактор деструктивных сетевых ресурсов на платформе мессенджера *Telegram*).

Указанные факторы привели к значительному увеличению рейтинговых показателей телевизионной передачи общественно-политического содержания с учетом того, что политическая тематика не являлась востребованной.

Социально-демографический профиль аудитории самых популярных программ белорусского телевидения представлен в табл. 7.

Таблица 7

Социально-демографический профиль аудитории
топ-15 программ белорусского телевидения в июне 2021 г.

Table 7

Socio-demographic audience profile
of the top-15 programs of Belarusian television in June 2021

№ п/п	Программа	Канал	Дата	TgSat, %					
				Мужчины	Женщины	4–17 лет	18–34 лет	35–54 лет	55 лет и старше
1	«Марков. Ничего личного»	«ОНТ»	3 июня	30,37	69,63	1,29	3,15	28,23	67,34
2	«Рейс Афины – Вильнюс. Разбор полетов»	«ОНТ»	2 июня	36,93	63,07	0,23	7,06	23,10	69,61
3	«По разным берегам»	«Россия – Беларусь»	9 июня	19,48	80,52	0,00	1,61	21,50	76,89
4	«Наши новости» (20:30)	«ОНТ»	9 июня	37,60	62,40	0,68	6,36	26,11	66,84
5	«Привет, Андрей!»	«Россия – Беларусь»	5 июня	34,58	65,42	1,87	4,00	19,33	74,79
6	«Пес-3»	«НТВ-Беларусь»	9 июня	32,98	67,02	0,04	2,66	27,26	70,05

Окончание табл. 7
Ending table 7

№ п/п	Программа	Канал	Дата	TgSat, %					
				Мужчины	Женщины	4–17 лет	18–34 лет	35–54 лет	55 лет и старше
7	«Ты супер! 60+»	«НТВ-Беларусь»	13 июня	25,53	74,47	1,54	1,33	22,88	74,26
8	«Наши новости» (20:00)	«ОНТ»	12 июня	27,19	72,81	3,57	5,37	15,53	75,52
9	«Итоги недели с Ирадой Зейналовой»	«НТВ-Беларусь»	6 июня	45,75	54,25	1,23	3,21	35,13	60,43
10	«Пес-4»	«НТВ-Беларусь»	23 июня	47,42	52,58	1,16	5,35	27,55	65,95
11	«Время»	«ОНТ»	7 июня	24,60	75,40	1,19	8,66	21,23	68,93
12	«Мужское/женское»	«ОНТ»	8 июня	27,60	72,40	0,92	6,27	16,28	76,54
13	«Метеогид»	«ОНТ»	12 июня	23,01	76,99	3,19	3,30	13,94	79,58
14	«Поле чудес»	«ОНТ»	25 июня	31,57	68,43	1,26	4,72	25,19	68,84
15	«Три аккорда»	«ОНТ»	11 июня	30,96	69,04	1,30	5,06	20,32	73,32

Условный паритет в разделении аудитории по половому признаку был достигнут при просмотре сериала «Пес-4» (47,42 % – мужчины, 52,58 % – женщины)

и аналитической передачи «Итоги недели с Ирадой Зейналовой» (45,75 % – мужчины, 54,25 % – женщины), показанных по телеканалу «НТВ-Беларусь».

Заключение

Таким образом, аппаратный метод пассивного измерения аудитории позволяет получать содержательные данные о практиках телесмотрения национальной аудитории. В отличие от классических массовых опросов в медиаизмерениях фиксируется в первую очередь факт нахождения зрителя в телевизионном пространстве. Измерение телерейтингов происходит в 2 этапа: 1) установочное исследование для определения структуры телевизионной аудитории и формирования панели – группы постоянных участников проекта; 2) измерение телесмотрения с помощью аппаратных устройств (пиппметров).

В структуре национальной аудитории телевидения доминируют зрители 55 лет и старше, причем основную их долю представляют женщины. Вместе с тем на распределение аудиторных данных влияют как события в общественно-политической либо спортивной сфере, так и время года. Так, летний период традиционно характеризуется снижением показателей практик телепотребления.

Распределение рейтинговых показателей основных телевизионных каналов в целом является таким же, как и при проведении социологического мониторинга медиaprостранства, проводимого в 2003–2020 гг. Центром социологических и политических исследований БГУ [17].

Основными тематическими предпочтениями аудитории телевидения выступают развлекательные и информационные программы. Социально-демографический портрет аудитории 15 самых популярных передач белорусского телевидения в зависимости от возраста остается практически аналогичным распределению указанных показателей в отношении аудитории самих телеканалов.

Медиаизмерения телевизионной аудитории позволяют получить содержательную информацию о времени, объеме и социально-демографических характеристиках телесмотрения, которую не всегда возможно получить в ходе стандартных массовых опросов населения.

Библиографические ссылки

1. Адамьянц ТЗ. Аудитория СМИ как субъект и объект коммуникативных взаимодействий. *Человек*. 2018;3:96–107. DOI: 10.7868/S0236200718030070.
2. Адемукова НВ. Становление и развитие методов измерения телеаудитории в России. *Бизнес. Общество. Власть*. 2015;23:1–10.
3. Бузин ВН. *Дегуманизация медиaprостранства: проблемы и решения*. Москва: Когито-Центр; 2021. 230 с.
4. Вартапов СА. Big Data в измерении телевизионной аудитории: методы очистки и обработки данных цифровых STB. В: Коломиец ВП, редактор. *Теория и практика медиарекламных исследований. Выпуск 4*. Москва: НИПКЦ Восход-А; 2014. с. 151–167.

5. Вьюгина ДМ. От аудитории к медиапотребителю: трансформация концепции аудитории в медиаисследованиях. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2017;6(1):119–127. DOI 10.17150/2308-6203.2017.6(1).119–127.
6. Попова ТВ, Гришай ВН, Мацнев АА. Методология прикладных исследований телевизионной аудитории в социологии. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2016;1:145–148.
7. Ильмухин ВН. Социологический анализ практик медиапотребления: виды и методы. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2016;16(2):270–284.
8. Лукьянова МН. Концепт телесмотрения и телепотребления: теоретическая и эмпирическая интерпретации. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2018;18(1):51–54. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-51-54.
9. Малышева ЕГ, Роголева ОС. *Методология и методы медиаисследований*. Омск: Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского; 2017. 132 с.
10. Назаров ММ. *Измерения аудитории ТВ в современной мультиэкранной среде (практика зарубежных рынков)*. Москва: НИПКЦ Восход-А; 2015. 227 с.
11. Полуэктова ИА. *Телевидение и его аудитория в эпоху интернета*. Москва: Московский гуманитарный университет; 2018. 182 с.
12. Попова ТВ. Телевидение и его роль в современном обществе: социологический анализ. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2017;3:109–111.
13. Соколов НВ, Рехтина ЛС. Телевизионная аудитория, как сложный объект социологического измерения. В: *Измерения в современном мире – 2015: сборник научных трудов 5-й Всероссийской научно-практической конференции; 2–4 июня 2015 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого; 2015. с. 214–220.
14. Цвик ВЛ. Стратификация телеаудитории как следствие перехода на цифру. *Вестник электронных и печатных СМИ*. 2014;17: 27–39.
15. Терещенко МС. К вопросу о классификации медиаисследований. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;1:81–85.
16. Терещенко ОВ, Терещенко МС. Измерения аудитории СМИ: история становления. *Социологический альманах. Выпуск 11*. Минск: Беларуская навука; 2020. с. 163–175.
17. Посталовский АВ. *Измерение рейтингов телевидения и радио в условиях трансформации медиaproстранства*. Минск: РИВШ; 2021. 128 с.
18. Шариков АВ. Законы телеаудитории: опыт эмпирических исследований. *Наука телевидения*. 2012;9:33–50.
19. Акинин ПВ, Сивоплясова СЮ. Социально-демографический портрет многодетной семьи в России: проблемы, поиски, решения. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2009;23(56):42–50.

References

1. Adamyants TZ. Mass media audience as a subject and an object of the communicational interaction. *Humanus*. 2018;3:96–107. Russian. DOI: 10.7868/S0236200718030070.
2. Ademukova NV. The emergence and development of TV audience measuring methods in Russia. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. 2015;23:1–10. Russian.
3. Buzin VN. *Degumanizatsiya mediaprostranstva: problemy i resheniya* [Dehumanisation of media space: problems and solutions]. Moscow: Kogito-Tsentr; 2021. 230 p. Russian.
4. Vartanov SA. [Big data in measuring the television audience: methods for cleaning and processing digital STB data]. In: Kolomiets VP, editor. *Teoriya i praktika mediareklamnykh issledovaniy. Vypusk 4* [Theory and practice of media advertising research. Issue 4]. Moscow: NIPKTs Voskhod-A; 2014. p. 151–167. Russian.
5. Vyugina DM. The transformation of media consumption: mapping mass media audience theory. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2017;6(1):119–127. Russian. DOI 10.17150/2308-6203.2017.6(1).119–127.
6. Popova TV, Grishay VN, Matsnev AA. Methodology of applied researchers of television audience in sociology. *Vestnik Aдыгейского государственного университета. Серия 1. Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. 2016;1:145–148. Russian.
7. Ilmukhin VN. Sociological analysis of the media consumption practices: types and methods of the empirical study. *RUDN Journal of Sociology*. 2016;16(2):270–284. Russian.
8. Lukyanova MN. The concept of TV-viewing and TV-consumption: theoretical and empirical interpretations. *Proceedings of the Saratov University. New episode. Series: Sociology. Political science*. 2018;18(1):51–54. Russian. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-51-54.
9. Malysheva EG, Rogaleva OS. *Metodologiya i metody mediaissledovaniy* [Methodology and methods of media research]. Омск: Dostoevsky Omsk State University; 2017. 132 p. Russian.
10. Nazarov MM. *Izmereniya auditorii TV v sovremennoi mul'tiekrannoi srede (praktika zarubezhnykh rynkov)* [Measurements of the TV audience in the modern multi-screen environment (the practice of foreign markets)]. Moscow: NIPKTs Voskhod-A; 2015. 227 p. Russian.
11. Poluektova IA. *Televidenie i ego auditoriya v epokhu interneta* [Television and its audience in the era of the Internet]. Moscow: Moscow University for the Humanities; 2018. 182 p. Russian.
12. Popova TV. Television and its role in modern society: a sociological analysis. *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences Journal*. 2017;3:109–111. Russian.
13. Sokolov NV, Rekhina LS. [Television audience as a complex object of sociological measurement]. In: *Izmereniya v sovremennom mire – 2015: sbornik nauchnykh trudov 5-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 2–4 iyunya 2015 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Measurements in the modern world – 2015: collection of scientific papers of the 5th All-Russian

scientific and practical conference; 2015 June 2–4; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; 2015. p. 214–220. Russian.

14. Zvik VL. Stratification of the TV audience as a consequence of the transition to digital. *Vestnik elektronnykh i pechatnykh SMI*. 2014;17:27–39. Russian.

15. Tereshchenko MS. On the issue of classification of media research. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;1:81–85. Russian.

16. Tereshchenko OV, Tereshchenko MS. [Measurements of the media audience: the history of formation]. *Sotsiologicheskii al'manakh. Vypusk 11*. Minsk: Belaruskaja navuka; 2020. p. 163–175. Russian.

17. Postalovsky AV. *Izmerenie reitingov televideniya i radio v usloviyakh transformatsii mediaprostranstva* [Measurement of television and radio ratings in the conditions of transformation of the media space]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2021. 128 p. Russian.

18. Sharikov AV. [Laws of the television audience: experience of empirical research]. *Nauka televideniya*. 2012;9:33–50. Russian.

19. Akinin PV, Sivoplyasova SYu. [Socio-demographic portrait of a large family in Russia: problems, searches, solutions]. *National interests: priorities and security*. 2009;23(56):42–50. Russian.

Статья поступила в редколлегию 27.04.2022.
Received by editorial board 27.04.2022.

МОБИЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ БЕЛОРУСОВ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

Н. А. ЕЛСУКОВА¹⁾, Ю. Ю. ГАФАРОВА¹⁾, Т. В. КУПЧИНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется степень влияния мобильных технологий на повседневную жизнь белорусов. Выясняются поколенческие различия в использовании мобильных технологий. Отмечается, что важно не только выявить экономический эффект внедрения мобильных технологий в повседневность, но и их воздействие на формы социальных практик, образ жизни белорусов разных возрастов. Сделан вывод о том, что большинство белорусов следят за новинками гаджетов и наиболее востребованным из них является мобильный телефон. С помощью мобильных технологий белорусы осуществляют значительное количество типичных практических действий. Показано, что белорусы среднего возраста, и по собственной оценке, и по оценке молодежи, достаточно быстро преодолевают психологический барьер в использовании новых девайсов. Все респонденты независимо от возраста эмоционально привязаны к мобильным устройствам и приложениям и уже не представляют своей жизни без них. Белорусы позитивно оценивают наличие мобильных технологий, при этом видят ряд соответствующих рисков, но проецируют их на представителей других поколений. Риски для себя респонденты связывают не с технологиями как таковыми, а со степенью знакомства с ними и наличием или отсутствием навыков саморегуляции и осознанного управления своей жизнью.

Ключевые слова: повседневность; повседневные практики; мобильные технологии; мобильные приложения; поколенческие различия.

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта «Мобильные технологии в цифровой трансформации повседневности Республики Беларусь» (№ Г20-056).

Образец цитирования:

Елсукова НА, Гафарова ЮЮ, Купчинова ТВ. Мобильные технологии в повседневности белорусов: поколенческие различия. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;2:88–96.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-88-96>

For citation:

Yelsukova NA, Gafarova JYu, Kupchynava TV. Mobile technologies in everyday life of Belarusians: generational differences. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;2:88–96. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-88-96>

Авторы:

Наталья Альбертовна Елсукова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Юлия Юрьевна Гафарова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Татьяна Владимировна Купчинова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Authors:

Natalia A. Yelsukova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

ena001@tut.by

Julia Yu. Gafarova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.

julia.j.gafarova@gmail.com

Tatyana V. Kupchynava, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.

tkupchinova@bsu.by

MOBILE TECHNOLOGIES IN EVERYDAY LIFE OF BELARUSIANS: GENERATIONAL DIFFERENCES

N. A. YELSUKOVA^a, J. Yu. GAFAROVA^a, T. V. KUPCHYNAVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: N. A. Yelsukova (ena001@tut.by)

The paper presents the results of research on the nature and extent of the impact of mobile technologies on the everyday life of Belarusians. The authors show the level of introduction of mobile technologies into daily life, generational differences in their use. The article proves that in studying the introduction of mobile technologies into life, it is important not only to identify the economic effect of this implementation, but also to analyse the impact of these technologies on changing the forms of social practices, daily rhythms, and the way of life of Belarusians of different ages. Interpretation of the results of social research allows us to conclude that the majority of Belarusians follow the latest gadgets and devices. The most popular devices are mobile phones. Mobile technologies infiltrate into the daily life of Belarusians, with their help a significant number of typical practical actions are carried out. Belarusians of middle age, both according to their own assessment and according to the assessment of young people, quite quickly overcome the psychological barrier in using new devices. All respondents are emotionally attached to mobile devices and mobile applications and can no longer imagine their life without them. Belarusians of both generations positively assess the infiltration of mobile technologies into their lives, noting that using them gives the potential for self-realisation and makes life more comfortable. They see a number of risks that mobile technologies bring to everyday life, but project these risks onto representatives of other generations. For themselves, the risks are assessed by the respondents as related not to technologies as such, but to the degree of familiarity with these technologies and the presence or absence of self-regulation skills and conscious management of one's life.

Keywords: everyday life; everyday practices; mobile technologies; mobile applications; generational differences.

Acknowledgements. The study was conducted with the financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research in the framework of the scientific project «Mobile technologies in the digital transformation of the everyday life in the Republic of Belarus» (No. Г20-056).

Введение

Повседневная жизнь выступает специализированным предметом междисциплинарных исследований [1–3]. Все более широкое использование мобильных технологий в жизни современного человека сделало изучение их влияния на повседневность чрезвычайно важным.

Термин «мобильные технологии» используется для обозначения устройств, приложений и беспроводной коммуникации. За последние десятилетия изменились как сами устройства, так и сети мобильной беспроводной связи, появилось большое количество мобильных приложений. Увеличение медианной скорости мобильного интернета, частоты использования смартфона для выхода в интернет, количества мобильных подключений – объективные данные, свидетельствующие о глубоком проникновении мобильных технологий в повседневность белорусов. Сегодня мобильные технологии используются для решения задач в самых разных сферах жизни [4].

Роль мобильных технологий проблематизирована в работах как зарубежных, так и отечественных авторов. Так, например, в коллективной монографии под редакцией Ф. Аболхасана [5] отмечается значимость не столько самих технологий, сколько эффектов (результатов), получаемых в ходе их использования во всех сферах жизни общества. Причины и последствия внедрения в повседневность приложений как

вида программного обеспечения выясняются в работах Л. Мановича [6]. Автор проводит детальный анализ ключевых медиаприложений (*Adobe Photoshop Express* и *After Effects*), популярных веб-сервисов (*Google Earth*), а также знаковых проектов в области дизайна, графики движения и интерактивных сред. Изучение мобильных технологий в целом и приложений в частности как компонентов повседневной жизни человека – перспективное направление социальных исследований, которое активно развивает российская исследовательская группа *WrongTech*, объединяющая социологов из Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва) и Социологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург) [7; 8]. В нашей стране роль мобильных приложений исследуется, как правило, в контексте их экономической эффективности. В настоящее время вопрос о том, как мобильные технологии и, в частности, приложения влияют на повседневные практики, образ жизни людей разного возраста, малоизучен. В рамках разработки научной темы «Мобильные технологии в цифровой трансформации повседневности Республики Беларусь» нами проведено исследование, цель которого – выявить поколенческие различия в характере использования мобильных технологий и степень их влияния на повседневную жизнь белорусов.

Материалы и методы исследования

Для изучения практик использования мобильных технологий в повседневной жизни белорусов применялась методология количественных и качественных исследований, в частности онлайн-опрос и фокус-группа [9; 10].

Онлайн-опрос с использованием поточной выборки был проведен в июне – сентябре 2021 г. В нем приняли участие 367 человек обоих полов в возрасте 16–80 лет. Респондентами были преимущественно городские жители (95,9 %) с высшим (39,2 %), неоконченным высшим (32,7 %), средним и средним специальным (28,1 %) образованием.

Так как возрастная линейка респондентов оказалась очень широкой (от 16 до 80 лет), а общее небольшое число опрошенных не позволяло дробить массив, изучаемая совокупность была разделена на две возрастные группы: респонденты до 30 лет включительно определялись как молодежь, респонденты старше 30 лет – как старшая возрастная группа.

Результаты и их обсуждение

Большинство респондентов время от времени (на это указали 69,5 % опрошенных) или систематически (15,3 %) следят за новинками гаджетов. Наиболее востребованными девайсами, по результатам опроса, оказались мобильные телефоны. Так, 99,0 % молодежи и 95,0 % представителей старшей возрастной группы пользуются ими постоянно или время от времени. Значительная доля опрошенных используют ноутбуки: 88,5 % респондентов до 30 лет и 85,0 % – старше 30 лет. Остальные устройства применяются в гораздо меньшей степени: планшетами пользуются 37,1 % молодежи и 55,6 % респондентов старшей возрастной группы, смарт-часами – 36,3 и 18,2 %, электронными книгами – 22,4 и 44,5 %, электронными сигаретами – 20,5 и 9,1 %, видеорегистраторами – 12,0 и 14,1 % опрошенных соответственно. Респонденты старше 30 лет отличаются тем, что в большей степени, чем молодежь, пользуются планшетами и электронными книгами, а респонденты до 30 лет чаще использует смарт-часы и электронные сигареты.

Распределение ответов на вопрос об использовании гаджетов респондентами всех возрастов показало наличие общих устройств-лидеров и устройств-аутсайдеров и выявило некоторые особенности использования девайсов в зависимости от возраста.

На 1-м месте у молодой аудитории оказались наушники, ими пользуются 96,4 % респондентов, в то время как среди опрошенных старше 30 лет таких оказалось только 73,8 %. Флеш-карту используют 85 % респондентов обеих групп. Наушники и флеш-карта – это гаджеты, которые сейчас применяют практически все. Остальные девайсы намного уступают лидерам: фитнес-браслетами пользуются 36,8 % респондентов до 30 лет и 38,4 % – старше 30 лет, колонками для смартфона – 32,1 и 21,3 %,

На основе полученных в результате исследования данных были сделаны выводы о возможностях мобильных технологий, рисках их использования, а также об их опривычивании, которое влечет изменение форм социальных практик. Были созданы гайды фокус-групп, ориентированные на выявление степени проникновения мобильных устройств, дополнительных гаджетов, связанных с ними, и программного обеспечения в виде мобильных приложений в повседневную жизнь белорусов, а также на определение уровня трансформации их повседневности. Участниками 1-й фокус-группы стали мужчины и женщины в возрасте 31–57 лет, представители сферы науки, образования, рекламы, а также индивидуальные предприниматели. Участниками 2-й фокус-группы стали мужчины и женщины в возрасте 18–26 лет, представители сферы информационных технологий, коммерческой отрасли, студенты.

очками виртуальной реальности – 4,6 и 2,0 %, датчиками движения – 5,0 и 19,2 % респондентов соответственно, блютуз-клавиатурой пользуются 13,0 % опрошенных независимо от возраста.

Рейтинг гаджетов по убыванию интенсивности использования среди респондентов – представителей молодежи выглядит так: наушники, флеш-карта, фитнес-браслет, колонки для смартфона, блютуз-клавиатура, датчики движения, очки виртуальной реальности. Аналогичный рейтинг использования гаджетов респондентами старше 30 лет представлен следующим образом: флеш-карта, наушники, фитнес-браслет, датчики движения, блютуз-клавиатура, очки виртуальной реальности.

Список дополнительных гаджетов, которые респондентам предлагалось указать самостоятельно, оказался небольшим: беспроводные наушники, блютуз-мышь, датчики влажности и температуры, портативная зарядка.

Исследование было направлено на получение детальной информации о том, как активное проникновение мобильных технологий в жизнь белорусов меняет их повседневность. Таким образом, по степени использования мобильные приложения можно разделить на 3 группы:

- 1) мобильные приложения ежедневного использования;
- 2) мобильные приложения преимущественно ситуационного использования;
- 3) мобильные приложения, которыми респонденты интересуются, но пользуются ими редко или вообще не пользуются.

К мобильным приложениям ежедневного использования относятся следующие:

- мессенджеры и социальные сети (92,7 % респондентов до 30 лет пользуются ими ежедневно,

5,4 % – пользуются ими, но не каждый день; 78,8 % опрошенных старше 30 лет пользуются ими ежедневно, 9,1 % – пользуются ими, но не каждый день);

- новостные дайджесты, ленты, рейтинги (37,5 % респондентов до 30 лет пользуются ими ежедневно, 34,0 % – пользуются ими, но не каждый день; 54,5 % опрошенных старше 30 лет пользуются ими ежедневно, 33,3 % – пользуются ими, но не каждый день);

- финансовые приложения (38,6 % респондентов до 30 лет пользуются ими ежедневно, 44,8 % – пользуются ими, но не каждый день; 42,4 % опрошенных старше 30 лет пользуются ими ежедневно, 43,4 % – пользуются ими, но не каждый день);

- игровые приложения, мультимедиа, музыка, заказ билетов в театр, кино (52,9 % респондентов до 30 лет пользуются ими ежедневно, 35,9 % – пользуются ими, но не каждый день; 30,3 % опрошенных старше 30 лет пользуются ими ежедневно, 55,6 % – пользуются ими, но не каждый день);

- обучающие программы, интерактивные образовательные курсы (21,2 % респондентов до 30 лет пользуются ими ежедневно, 50,6 % – пользуются ими, но не каждый день; 19,2 % опрошенных старше 30 лет пользуются ими ежедневно, 52,6 % – пользуются ими, но не каждый день);

- заказ такси, расписание движения транспорта (30,5 % респондентов до 30 лет пользуются ими ежедневно, 57,1 % – пользуются ими, но не каждый день; 18,2 % опрошенных старше 30 лет пользуются ими ежедневно, 67,7 % – пользуются ими, но не каждый день).

Мобильными приложениями преимущественно ситуационного использования являются следующие:

- заказ и доставка еды, геолокация заведений питания (70,3 % респондентов до 30 лет пользуются ими, но не каждый день, 13,5 % – интересовались ими, но не пользовались; 67,7 % опрошенных старше 30 лет пользуются ими, но не каждый день, 15,2 % – интересовались ими, но не пользовались);

- организация путешествий (47,9 % респондентов до 30 лет пользуются ими, но не каждый день, 23,2 % – интересовались ими, но не пользовались; 53,5 % опрошенных старше 30 лет пользуются ими, но не каждый день, 7,1 % – интересовались ими, но не пользовались);

- наблюдение за здоровьем (52,5 % респондентов до 30 лет пользуются ими, но не каждый день, 16,2 % – интересовались ими, но не пользовались; 54,5 % опрошенных старше 30 лет пользуются ими, но не каждый день, 13,1 % – интересовались ими, но не пользовались);

- органайзеры, планировщики рабочего дня (35,5 % респондентов до 30 лет пользуются ими, но не каждый день, 24,7 % – интересовались ими, но не пользовались; 36,4 % опрошенных старше 30 лет пользуются ими, но не каждый день, 18,2 % – интересовались ими, но не пользовались);

- спортивные новости, покупка билетов на спортивные мероприятия, игровые симуляторы (25,9 % респондентов до 30 лет пользуются ими, но не каждый день, 28,6 % – интересовались ими, но не пользовались; 23,2 % опрошенных старше 30 лет пользуются ими, но не каждый день, 19,2 % – интересовались ими, но не пользовались).

К мобильным приложениям, которыми интересуются респонденты, но пользуются ими редко или вообще не пользуются, относятся следующие:

- приложения для знакомств (48,2 % респондентов до 30 лет никогда не пользовались ими, 32,9 % – интересовались ими, но не пользовались; 61,2 % опрошенных старше 30 лет никогда не пользовались ими, 22,4 % – интересовались ими, но не пользовались);

- приложения «Умный дом» (55,6 % респондентов до 30 лет никогда не пользовались ими, 26,1 % – интересовались ими, но не пользовались; 57,6 % опрошенных старше 30 лет никогда не пользовались ими, 29,3 % – интересовались ими, но не пользовались).

Классифицировав мобильные приложения по степени использования, необходимо отметить, что в ответах респондентов не проявилось ни одного тематического направления мобильных приложений, которое бы однозначно отмечалось как неиспользуемое ими или неизвестное им.

Кроме того, нас интересовала мотивация респондентов, использующих мобильные приложения. Основными аргументами в пользу применения приложений стали удобство, экономия времени, возможность оперативно связаться и получить информацию. Такую точку зрения высказали от 80,0 до 90,0 % респондентов всех возрастов. Кроме того, для молодых людей до 30 лет важным является использование мобильных приложений для обучения и развития (на это указали 79,2 % опрошенных), организации развлечений и досуга (76,2 %).

Оценивая роль гаджетов в своей жизни, респонденты отвечали на вопрос, как благодаря мобильным приложениям изменилась их повседневность. По мнению респондентов, мобильные приложения дают возможность для самореализации: на это указали 60,0 % молодежи и 46,7 % представителей старшей возрастной группы. Кроме того, 40,0 % респондентов независимо от возраста отметили, что с мобильными приложениями их жизнь стала интереснее. Также 35,0 % молодых респондентов и опрошенных старше 30 лет указали, что мобильные приложения изменили способы выполнения рутинных дел.

Тем не менее проявились и различия в оценках влияния мобильных приложений на повседневную жизнь респондентов разных возрастных групп: лучше ориентироваться в событиях, мероприятиях, выставках стали 55,0 % респондентов до 30 лет и только 33,6 % – старше 30 лет, более собранными и организованными стали 32,0 % опрошенных до 30 лет и только 14,0 % – старше 30 лет, появилось больше

друзей у 31,9 % респондентов до 30 лет и только у 9,3 % – старше 30 лет, приложения позволили чувствовать себя современным 33,3 % респондентов до 30 лет и 20,6 % – старше 30 лет.

Вместе с тем опрошенные отметили, что использование мобильных технологий влечет за собой и риски. В результате длительного пребывания в интернете у 66,0 % респондентов чаще всего снижалась работоспособность, 44,4 % – отказались от чтения художественной литературы, 37,9 % – отметили появление разногласий с родными, 26,2 % – стали более раздражительными и агрессивными. Одновременно по ряду позиций были получены незначительные показатели: только 5,0 % опрошенных указали на потерю друзей, 10,3 % – на замену реальных любовных отношений на виртуальные, 16,8 % – на появление лишних килограммов. При этом 18,5 % респондентов отметили, что не сталкивались с подобными проблемами.

Как видим, вопрос использования мобильных приложений не оставляет равнодушным никого и показывает, как много повседневных дел и обязанностей жители Беларуси уже не могут выполнять без гаджетов, что имеет как позитивные, так и негативные результаты. Также были выявлены возрастные различия в использовании мобильных технологий и отношении к ним.

Эти выводы обусловили необходимость провести две фокус-группы для людей разных возрастов (среднего возраста и молодежи) в целях получения детальной информации о том, как активное проникновение мобильных технологий в жизнь белорусов меняет их повседневность.

Относительно степени проникновения мобильных устройств, гаджетов и мобильных приложений в повседневную жизнь белорусов были выдвинуты два ряда гипотез.

Первый ряд гипотез касается информантов старше 30 лет:

- мобильные устройства и приложения меняют повседневные привычки и действия белорусов среднего возраста;
- люди среднего возраста не видят особых рисков, приносимых в их жизнь мобильными технологиями;
- люди среднего возраста воспринимают мобильное устройство с установленными мобильными приложениями как собственное продолжение;
- белорусы среднего возраста эмоционально привязаны к мобильным устройствам и приложениям и уже не представляют жизни без них.

Второй ряд гипотез касается информантов до 30 лет:

- мобильные устройства и мобильные приложения являются неотъемлемой частью повседневности молодежи;
- молодежь не видит особых рисков, связанных с использованием мобильных технологий;

- оплата не является препятствием в использовании молодежью мобильных приложений;

- молодые белорусы не представляют своей жизни без мобильных устройств и приложений.

Первый блок вопросов был посвящен причинам покупки смартфона.

Ответы представителей среднего возраста содержали следующие причины: возможность фотографировать, скачивать музыку и игры, использовать мессенджеры и другие быстрые (недорогие, бесплатные) способы коммуникации с родными и близкими, высокая скорость поиска и передачи информации, желание следовать моде, выделиться, соответствовать ожиданиям молодого поколения, вынужденная необходимость, связанная с профессиональной деятельностью.

Информанты старшего возраста сталкивались с определенным психологическим барьером, боязнью при использовании нового устройства. *Первый и единственный смартфон появился у меня пять лет назад. Я долго боролся с этим решением, потому что считал, что телефон отнимает очень много времени. По роду деятельности мне надо было распространять сообщения в группе людей. Обзвонить 20–30 человек с обыкновенного телефона – дорого и затратно по времени, поэтому, как я ни старался, пришлось приобрести смартфон. Я очень быстро его освоил и уже через месяц не представлял, как можно без него жить (Андрей, 48 лет). Я не помню, когда у меня появился первый сенсорный телефон, но точно помню, что такая потребность не была связана с какими-то сложностями в коммуникации. <...> Был определенный барьер, было страшно, непонятно. Я работаю со студентами... и я понимала, что они видят, что я, как динозавр, с этим «допотопным» телефоном... Мне казалось, что сенсорный телефон сокращает расстояние между нами, они мне больше доверяют (Ольга, 46 лет). Меня впечатлило следующее. Отправил детей за границу. Там сумасшедшие цены на связь. Скажем, 1 минута стоит 1 доллар. Теперь благодаря смартфонам можно связаться по Skype в видеорежиме с любой частью света совершенно бесплатно (Геннадий, 57 лет). У моих родителей телефон появился совершенно недавно. И мама, и папа не хотели приобретать телефон, но так случилось, что папе он стал нужен. Поначалу папа приводил аргументы против. Но прошел буквально месяц – и он стал часто звонить мне (мы живем в разных городах), а также сестре (в другую страну), восторгаться технологиями (Валентина, 31 год).*

Реакция и ощущения участников младшей возрастной группы были несколько иными. Смартфон воспринимался как имиджевый атрибут, предмет, который придает значимость среди сверстников, игровой и музыкальный девайс. *Первый смартфон у меня появился, когда мне было 8–10 лет, это был ZTE Lite. Эмоции переполняли, потому что у меня у первого в классе появился телефон. Я сразу скачал*

кучу игрушек. Для меня телефон выступал не средством коммуникации, а способом показать, какой он крутой (Алексей, 18 лет). Первый смартфон у меня появился классе в восьмом... Это был Nokia с сенсорным дисплеем, помню, я его купил за свои деньги и это был самый крутой телефон в классе. Я его использовал для соцсетей и игр. Он был достаточно мощный для того времени, самый крутой (Станислав, 23 года). Конечно, ты немножко растерян, потому что у тебя просто экран, в который нужно тыкать, и ты можешь, если у тебя пальцы большие, не туда нажать, возникали такие вопросы... Но появление телефона, в то время именно смартфона, прямо завораживало. <...> Я наконец-то как нормальный человек! (Елена, 26 лет). Телефон был клевый, белый и, что немало важно, фоткал, а еще там у меня было много музыки, я слушала очень много музыки. В него можно было вставить флешку... И музыки было больше... Это было очень приятно (Алина, 25 лет).

Особенности восприятия новинок можно объяснить возрастом и определенным укладом жизни информантов. Вместе с тем анализ транскриптов показывает, что с появлением новых технологий привычные практики начинают восприниматься как менее эффективные, а использование новых технологий, в частности смартфонов, дает возможность не только экономить время, но и делать жизнь более комфортной во всех смыслах, постепенно вторгается в повседневность. При этом наличие смартфона воспринимается как норма, а отказ от его использования – как своего рода цифровая аскеза, причиной которой может быть страх перед мобильными девайсами.

Второй блок вопросов был посвящен обсуждению того, как смартфон и мобильные приложения встроены в повседневную жизнь информанта. В процессе дискуссии выяснялось, где находится смартфон, когда человек спит и перемещается, какова последовательность действий пользователя после пробуждения, какие жизненные ситуации респондент решает при помощи смартфона и мобильных приложений. Информанты подтвердили предположение относительно многофункциональности смартфона. Он используется как будильник, как плеер, как радио, как средство коммуникации, как органайзер, как альтернативный источник информации, как игровой девайс, при этом всегда находится рядом с пользователем. Примечательно, что информанты обеих возрастных групп подчеркивали, что могут контролировать свои действия в отношении использования смартфона. Ночью телефон лежит возле меня как будильник, утром я слушаю радио или какие-нибудь программы на YouTube. <...> В машине телефон включен на зарядку и работает как плеер. Потом я приезжаю на работу и могу просматривать в перерывах между пациентами новости или сообщения. <...> Часа два я могу работать либо в Telegram, либо в другом мессенджере онлайн. Ког-

да я где-нибудь в очереди, обращаюсь к игрушкам или книжкам либо смотрю сообщения, у меня теперь все здесь, что касается работы и общения. В день у меня получается десять часов в телефоне. <...> Я все делаю с помощью телефона, только если мне надо печатать, я использую ноутбук (Елена, 55 лет). Телефон со мной. Я пользуюсь приложением, которое фиксирует, разговариваю ли я во сне, поэтому телефон должен находиться рядом. Телефон – как будильник, как навигатор, он заменяет мне все, кроме чтения. Принципиально люблю читать только печатные книги... Телефон заменяет заметки, календари, поэтому все важное – в телефоне. Без телефона не могу и не хочу, потому как понимаю, что можно что-нибудь упустить... Я поняла, сколько полезных функций есть в телефоне, он действительно улучшает нашу жизнь... Если телефон является твоим планером, то он тебе напомнит, когда к врачу, где быстрее проехать, что необходимо купить, автоматически оплатит все сервисы, т. е. ты не тратишь лишнее время... Но если я не хочу общаться, я ставлю режим «не беспокоить» на время сна (Валентина, 31 год). У меня телефон как будильник, поэтому телефон лежит рядышком со мной, ночью я могу что-то почитать. Когда я еду, он у меня в сумке, но так, чтобы я его слышала. На работе я спокойно без него обхожусь. Прочитала лекцию, на перемене посмотрела, если кто-то что-то там сообщил. Иногда могу забыть про него, пользуюсь по необходимости. Еду в транспорте – могу почитать новости... Не скажу, что не могу без него обходиться (Оксана, 47 лет). Телефон ночью находится при мне, так как телефон, компьютер – мои главные рабочие инструменты, и я не выпускаю телефон из рук никогда. И ночью он будет со мной где-то рядом. Пользуюсь им постоянно, потому что моя работа непосредственно связана с соцсетями, мессенджерами и специальными приложениями, которые на компьютере просматривать неудобно. Это необходимо для работы (Дарья, 26 лет). Телефон со мной рядом где-то на кровати или на тумбочке. Когда просыпаюсь, могу посмотреть, есть ли там что-то важное, если ничего важного нет, я оставляю это на потом. Я общаюсь с друзьями, переписываюсь, в транспорте смотрю TikTok, слушаю музыку в наушниках. На работе разрешено пользоваться телефоном, периодически слушаю музыку, общаюсь, что-то смотрю, специфика работы позволяет мне это (Анастасия, 21 год).

Третий блок вопросов был посвящен мобильным приложениям. Выяснялось, сколько приложений установлено на телефоне респондентов, являются они платными или бесплатными, каков у пользователей опыт взаимодействия с мобильными приложениями, есть ли такие мобильные приложения, которые информанты используют функционально, осознают ли риски их применения.

Все информанты отмечали наличие большого количества мобильных приложений, установленных

на своих девайсах. Однако практики использования мобильных приложений имеют особенности у разных возрастных групп как в отношении решения повседневных задач, так и в отношении количества скачиваемых приложений.

Участники фокус-группы среднего возраста затруднялись назвать точное количество приложений и вспоминали про некоторые из них непосредственно во время проведения фокус-групп. Количество приложений, установленных в их телефонах, варьировалось от 5 до 50. При этом информанты отмечали, что активно они используют только те приложения, которые нужны им для решения профессиональных задач. В основном это бесплатные приложения всех категорий (развлечения, путешествия, бизнес, еда, образование, банки, социальные сети и мессенджеры, здоровье, транспорт, планирование). Вместе с тем на некоторые приложения из категории развлечений и обучения (кино, музыка, английский язык) информанты оформляют платные подписки. *У меня достаточно много приложений. Периодически пользуюсь разными. В последнее время пользуюсь Heals, многие, наверное, знают о нем, оно отслеживает шаги, калории, считает пульс. Очень хорошее приложение. Постоянно пользуюсь им и не вижу никаких рисков. Второе приложение, которым я пользуюсь, это лингвопереводчик... Активно пользуюсь кинопоиском (Оксана, 47 лет).*

Информанты до 30 лет гораздо более активно и осознанно используют мобильные приложения, отслеживают появление новых. *У меня больше 100 приложений, есть все возможные социальные сети и мессенджеры. <...> Всем этим я пользуюсь постоянно, каждый день. Приложения банков, игры, Wildberries, приложения, связанные со здоровьем, различные трекеры. Когда-то в сложный период в жизни у меня было установлено мотивационное приложение. Это очень спасало (Дарья, 26 лет).*

Значимым моментом является и то, что, в отличие от информантов старшей возрастной группы, молодежь готова платить за пользование мобильными приложениями. *Трачу в районе 20–25 долларов в месяц на платные подписки. Для работы покупаю облачные хранилища. Также мне интересны приложения, связанные со здоровьем. Если в приложении меня заинтересует доступ к какой-то информации и он будет платным, а эта информация мне будет нужна постоянно, я за него заплачу (Дарья, 26 лет).* Молодежь считает это рациональным. *Если можно скачать приложение бесплатно, это круто, но я прекрасно понимаю, что некоторые из них перешли «уровень бесплатности» и есть смысл за них платить (Елена, 26 лет).* Молодые люди называют платный доступ к приложениям справедливым. *Ты платишь за фильмы, сериалы и таким образом поддерживаешь производителей. Я даю деньги за то, что мне эти фильмы и сериалы показывают. Не зря же в последнее время*

все больше поднимают тему пиратского контента. Так же и с музыкой, люди же стараются, и я плачу деньги (Алина, 25 лет).

Очевидно, что смартфоны и мобильные приложения произвели революцию в повседневной жизни информантов и, как отмечали они сами, улучшили ее. Помимо звонков, текстовых сообщений, электронной почты, люди используют гаджеты для заказа еды, навигации, бронирования туров, жилья, поездок в такси, сравнения обзоров продуктов и цен, просмотра новостей, фильмов, прослушивания музыки, игр, общения в социальных сетях и т. д. При этом информанты до 30 лет не просто вписывают, а практически «вживляют» приложения в свою повседневную жизнь. *Да, приложения изменили мою жизнь, я полностью отказалась от наличных денег. Даже понятия не имею, где банковские карточки лежат, потому что все – в телефоне (Дарья, 26 лет).* *Я не понимаю, что до сих пор есть люди, которые звонят, чтобы вызвать такси, для меня это странно. С доставкой еды так же. <...> Недавно встречалась с друзьями в баре и при себе у меня был только телефон, ключи и наушники, и я смогла оплатить заказ, вызвать такси. И все остальное смогла бы тоже спокойно сделать (Анастасия, 21 год).*

Говоря об эмоциональном отношении к мобильным технологиям, информанты обеих возрастных групп отметили, что ассоциации, которые вызывают гаджеты, самые позитивные: комфорт, удобство, спокойствие за близких людей, безопасность, эффективность, интерес, экономия, скорость, мобильность, оперативность, простота, легкость, удовольствие, помощь. Практически все участники обеих групп отметили, что, даже имея ограниченные ресурсы, в случае поломки мобильного телефона они потратят эти средства в первую очередь на его ремонт.

Бесспорно, мобильные технологии вносят много положительных моментов в повседневную жизнь, но вместе с тем могут и негативно сказаться на социальных аспектах жизни. Так, в качестве рисков информанты старшей возрастной группы отметили следующие: потеря времени в социальных сетях, утрата опыта непосредственного общения и снижение уровня грамотности.

Говоря о риске потери времени, информанты демонстрировали прекрасное понимание этого факта. Кроме такой стратегии поведения, как осознанный контроль (ограничение) использования девайса, формируется и такая стратегия, как осознанная потеря времени (т. е. представление потери времени как отдыха, отвлечения). *Бывают периоды, когда я трачу слишком много времени на телефон. Да, такое бывает, ну и что? Значит, сейчас такой период, когда мне надо потратить время в телефоне, а потом я быстрее напишу научную статью. Я могу остановиться... В какой-то момент я понимаю, что надо*

садиться за работу... Я не считаю это убийством времени, это отдых и возможность отвлечься (Елена, 55 лет).

Достаточно серьезно информантами старшей возрастной группы оценивались лишь риски погружения в виртуальный мир и предпочтения онлайн-общения личным контактам, а также снижения грамотности молодежи из-за постоянного использования социальных сетей и вследствие этого отказа от чтения. Молодые люди, например, не знают, как написать слово «простите» и пишут «просцыц» (Елена, 55 лет). При этом информанты старшего возраста отмечали, что риск погружения в виртуальный мир высокий, но скорее для представителей молодого поколения, чем для них самих. Мои дети общаются в соцсетях, и им этого общения достаточно. Они говорят, что им хватает. Может быть, это какая-то новая норма. Нам в их возрасте надо было больше общения. <...> Ведь раньше как было: если ты кого-то обидел или тебя обидели, ты будешь разбираться с этой ситуацией. А сейчас не понравилось, если кто-то что-то тебе написал – вычеркнул его из жизни и все. Это плохо. Это избегание (Елена, 55 лет).

При этом опрошенные младше 30 лет таких рисков использования мобильных технологий для них самих не видели, а негативной стороной применения гаджетов называли конфликты со старшими родственниками, возникающие при освоении теми новых технологий. Мне приходилось объяснять на прошлой неделе маме, как пользоваться приложением McDonald's. Не скажу, что это было успешно, обычно такое общение заканчивается небольшой ссорой (Анастасия, 21 год). Приходилось и приходится обучать взрослых. Конечно, сначала, когда все перешли на смартфоны, помогала и бабушке,

и маме, и папе. Сейчас в основном маме. Мои родители не против нововведений, но они хотят пользоваться классными смартфонами, однако не хотят учиться ими пользоваться (Елена, 26 лет). Я не могу сказать, что у мамы либо у папы большой запрос на приложения, какие-то фишки. Они знают, как в sudoku играть, как что-то скачать, как посмотреть фотографии, как картинку переслать. Что-то сверх этого им не нужно. Меня это немного раздражает (Алина, 25 лет). В целом, однако, участники молодежной фокус-группы отмечают, что старшие родственники осваивают технологии в том объеме, в котором они необходимы, и активно ими пользуются. Мама шлет мне картинки в Viber постоянно: «С добрым утром!», «С днем дня!». Это мем, но это правда. Я иногда жалею, что научил ее это делать, но на самом деле это очень важно для представителей старшего поколения, чтобы они оставались на одной волне с нами (Алексей, 18 лет). Мне бабушка шлет картинки типа «С днем дня!», мы активно переписываемся с ней с помощью видеосообщений в Telegram (Дарья, 26 лет). С бабушкой я общаюсь исключительно по видеосвязи в Viber, он сам мне звонит всегда. Когда удобно, когда нет, но он всегда звонит и всегда по видеосвязи... Телефон купили и бабушке, и дедушке, людям по 78 лет, а они сидят в TikTok (Станислав, 23 года). Бабушка у меня больше заинтересована в новых знаниях, чем дедушка. Они купили ноутбук, я учила их, как пользоваться YouTube, как искать, смотреть видео, объясняла, что не обязательно смотреть все видео подряд, можно прокрутить или отмотать назад, если ты что-то прослушал и не успел записать. Что важно, у них есть тетрадки (отдельно у бабушки, отдельно у бабушки), в которых расписано, что за чем нажимать и как открывать (Алина, 25 лет).

Заключение

Таким образом, интерпретация результатов социальных исследований позволяет сделать следующие выводы.

- Большинство белорусов следят за новинками гаджетов и девайсов. Наиболее востребованными девайсами являются мобильные телефоны. Мобильные приложения, которыми пользуются белорусы, можно разделить на группы: мобильные приложения ежедневного использования (мессенджеры и социальные сети, новостные дайджесты, ленты, рейтинги, финансовые, игровые и досуговые приложения, обучающие программы, заказ транспорта); мобильные приложения ситуационного использования (заказ и доставка еды, геолокация заведений питания, организация путешествий, наблюдение за здоровьем, органайзеры, планировщики рабочего дня, спортивные новости); мобильные приложения, которыми белорусы интересуются, но пользуются

ими редко или вообще не пользуются (приложения для знакомств, а также «Умный дом»).

- Мобильные технологии встроены в повседневную жизнь белорусов, с их помощью осуществляется значительное количество типичных практических действий. Мобильные устройства и приложения радикально меняют повседневные привычки и действия белорусов независимо от возраста.

- С помощью мобильных приложений осуществляется значительная часть повседневных действий молодых белорусов, причем оплата не только не является препятствием в использовании приложений, но и оценивается ими как рациональное и моральное действие.

- Белорусы среднего возраста, и по собственной оценке, и по оценке молодежи, достаточно быстро преодолевают психологический барьер в использовании новых девайсов.

- Все респонденты независимо от возраста эмоционально привязаны к мобильным устройствам и приложениям и уже не представляют жизни без них.

- Белорусы всех поколений позитивно оценивают проникновение мобильных технологий в свою жизнь, отмечая, что пользование ими дает потенциал для самореализации, делает жизнь комфортнее.

- Белорусы видят ряд рисков, приносимых в повседневную жизнь мобильными технологиями, но проецируют эти риски на представителей других поколений. Риски для себя респонденты связывают не с технологиями как таковыми, а со степенью знакомства с ними и наличием или отсутствием навыков саморегуляции и осознанного управления своей жизнью.

Библиографические ссылки / References

1. Goffman E. *Presentation of self in everyday life*. Edinburgh: University of Edinburgh; 1956. 161 p.
2. Lefebvre H. *The critique of everyday life. Volume 1*. London: Verso; 1991. 283 p.
3. Waldenfels B. Alltag als Schmelztiegel der Rationalität. In: Waldenfels B. *Der Stachel des Fremden*. Frankfurt am Main: Verlag; 1998. S. 189–203.
4. Schwab K. *The fourth industrial revolution*. New York: Currency Book; 2017. 192 p.
5. Abolhassan F, editor. *The drivers of digital transformation. Why there's no way around the cloud*. Berlin: Springer; 2017. 124 p.
6. Manovich L. *Software takes command*. London: A&C Black; 2013. 357 p.
7. Fursov K, Nefedova A, Thurner T. What user-innovators do that others don't: a study of daily practices. *Technological Forecasting and Social Change*. 2017;118:153–160. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.02.016.
8. Fursov K, Thurner T. Make it work! A study of user-innovation in Russia. *Science and Public Policy*. 2017;44(3):392–402.
9. Creswell JW. *Research design: qualitative, quantitative, and mixed methods approaches*. 3rd edition. London: Sage; 2013. 270 p.
10. Acocella I. The focus group in social research: advantages and disadvantages. *Quality & Quantity*. 2012;46(4):1125–1136.

Статья поступила в редколлегию 14.04.2022.
Received by editorial board 14.04.2022.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛА СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. А. ПОХОМОВА¹⁾, И. А. ЯКОВЛЕВА²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Минский государственный дворец детей и молодежи, тр. Старовиленский, 41, 220053, г. Минск, Беларусь

Представлен социологический анализ востребованных обществом форм социальной активности детей и молодежи. На основе материалов локального эмпирического социологического исследования обосновывается роль дополнительного образования детей и молодежи как уникальной социокультурной практики и вида образования, направленного на приращение ресурсных возможностей личности обучающегося в формировании и реализации моделей просоциального поведения. Анализируются ценностно-нормативные установки учащейся молодежи в отношении феномена лидерства как социально-ролевой позиции, обеспечивающей эффективность и культуру социального действия. Рассматривается выявленный запрос на комплекс знаний и навыков, направленных на развитие социальных компетенций, которые обеспечивают успешность лидерской позиции при проектировании, организации и управлении социально значимыми инициативами молодежи. Мотивация и формы проявления общественной активности в реализации различных инициатив рассматриваются как выражение социальных качеств личности, характеризующих ее потенциал и возможность конструктивной деятельности. Анализируется волонтерство как актуальная социальная практика, призванная создать дополнительные ресурсы как для групп, являющихся воспринимавшей стороной добровольческой активности, так и для самих субъектов проявления социально активного действия и реализации поддерживающей модели просоциального поведения.

Ключевые слова: дополнительное образование детей и молодежи; волонтерство; лидерские качества; социальная активность молодежи.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы «Развитие национальной модели неформального (дополнительного) образования детей и молодежи в контексте международной этнокультурной динамики» (№ ГР20212198). Авторы выражают благодарность научному руководителю проекта члену-корреспонденту НАН Беларуси, доктору социологических наук, профессору А. Н. Данилову.

Образец цитирования:

Похомова АА, Яковлева ИА. Формирование потенциала социальной активности молодежи в системе дополнительного образования. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;2:97–107. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-97-107>

For citation:

Pokhomova AA, Yakovleva IA. The forming of potential of youth social activity in the system of additional education. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;2:97–107. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-97-107>

Авторы:

Алеся Андреевна Похомова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Ирина Александровна Яковлева – заведующий Центром социального мониторинга дополнительного образования детей и молодежи.

Authors:

Alesya A. Pokhomova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

pakhom@bsu.by

Irina A. Yakovleva, head of the Center for Social Monitoring of Additional Education for Children and Youth. yakovleva17@gmail.com

THE FORMING OF POTENTIAL OF YOUTH SOCIAL ACTIVITY IN THE SYSTEM OF ADDITIONAL EDUCATION

A. A. POKHOMOVA^a, I. A. YAKOVLEVA^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bMinsk State Palace of Children and Youth, 41 Staravilienski Tract, Minsk 220053, Belarus

Corresponding author: A. A. Pokhomova (pakhom@bsu.by)

The article presents a sociological analysis of the demanded by society forms of social activity of children and youth. Based on the materials of the local empirical sociological research, the role of additional education of children and youth as a unique socio-cultural practice and type of education directed to increasing the resource possibilities of the student's personality in formation and realisation of models of prosocial behaviour. The materials of the sociological research presented in the article analyse the value-normative attitudes of students regarding the demonstration of the phenomenon of leadership as a socio-role position that ensures the effectiveness and culture of social action. The identified request for a set of knowledge and skills aimed at the development of social competencies that provide the success of a leadership position in the planning, organisation and management of socially significant youth initiatives is considered. Motivation and forms of manifestation of social activity in the implementation of initiatives of various directions are considered as an expression of the social quality of the individual, which characterises its potential and the possibility of constructive activity. The article is highlighted and analysed volunteerism as an actual social practice aimed at creating additional resources for both groups that are the perceiving side of volunteerism, and for the subjects themselves of the manifestation of socially active action and the realisation of a supportive model of prosocial behaviour.

Keywords: additional education of children and youth; volunteering; leadership qualities; youth social activity.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the research project «Development of the national model of informal (additional) education of children and youth in the context of international ethno-cultural dynamics» (No. ГР20212198). The authors express their gratitude to the scientific supervisor of the project corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor A. N. Danilov.

Введение

В процессе развития общества человек испытывал потребность быть социально активным. Стремление к проявлению общественной активности характерно в большей степени для молодежи в контексте ее повседневной образовательной, рекреационной, политической, экономической и благотворительной деятельности. Направленность данной активности зависит от эффективности государственной молодежной политики в условиях перманентного риска и неопределенности.

Изучение социальной активности происходит на основе дисциплинарных подходов: философского, психологического, педагогического, социологического и др. Ввиду их плюралистичности унифицированный взгляд на содержание понятия «социальная активность» отсутствует. Так, данное понятие интерпретируется как проявление активности в политической (участие в принятии управленческих решений, в выборах, членство в общественных объединениях) и социокультурной (членство в органах студенческого самоуправления, посещение кружков и клубов, спортивных секций, участие в общественных движениях, принадлежность к молодежным субкультурам, волонтерство) сферах. Социальная активность свидетельствует об успешности социализации, включенности личности в систему обще-

ственных отношений и отражает социальные качества личности [1–3].

В Республике Беларусь содействию социальной активности молодежи уделяется особое внимание. Комплекс условий и целевых ориентиров, связанных с воспитанием и поддержкой молодежи, определяется в Государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы. В рамках Программы социально-экономического развития Беларуси на 2021–2025 годы планируется повысить качество жизни населения, в том числе за счет создания возможностей для развития и самореализации молодежи. Одной из форм проявления социальной активности личности или сообщества выступает волонтерство. В Законе Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-З «Об основах государственной молодежной политики» отмечается: «В Республике Беларусь создаются условия для развития молодежного волонтерского движения – добровольной деятельности молодежи, осуществляемой на безвозмездной основе, направленной на развитие у молодежи чувства взаимопомощи, создание условий для реализации молодежных инициатив по поддержке различных социальных групп населения, приобщение молодежи к здоровому образу жизни, снижение рисков вовлечения молодежи в антиобщественное поведение,

достижение иных социально значимых общественных целей»¹. Подобная деятельность призвана привлекать молодежь к общественно полезному труду, формировать и развивать у них профессиональные и управленческие навыки и лидерские качества.

Развитие детской и молодежной социальной активности в Республике Беларусь обеспечивают в основном учреждения основного и дополнительного образования, а также организации некоммерческого сектора.

Система дополнительного образования как ресурсное социокультурное пространство для социальной активности детей и молодежи

Стратегии работы в сфере дополнительного образования рассматривают время досуга детей и молодежи в качестве важного ресурса, имеющего чрезвычайную ценность для развития личности на стадии взросления и накопления социального опыта. Дополнительное образование детей и молодежи – уникальная государственно-общественная практика, один из самых надежных и результативных механизмов социального воспитания. Социальный институт внешкольного воспитания был создан в первые десятилетия XX в. в Советском государстве (дворцы пионеров, станции юных техников, натуралистов и т. д.). Современное дополнительное образование детей и молодежи можно рассматривать как целенаправленно организованную обществом экспериментальную лабораторию социальных проб, где подрастающее поколение имеет право на ошибку и обладает возможностью расширить границы индивидуального опыта и смоделировать желаемый образ персонального будущего.

По данным за 2021 г., инфраструктура дополнительного образования детей и молодежи в Республике Беларусь представлена 278 учреждениями (93 однопрофильных и 185 многопрофильных), в которых действует 31,5 тыс. объединений по интересам и заняты 386 тыс. учащихся. В систему включены также программы дополнительного образования, которые реализуют учреждения всех уровней и типов (школы, гимназии, колледжи, учреждения высшего образования, учреждения специального образования и детские оздоровительные центры). На разных площадках дополнительным образованием охвачены 75 % учащихся школьного возраста.

Дополнительное образование в институционализированных форматах содержит структурно-организационные возможности для поддержки социальных инициатив молодежи. На базе учреждений дополнительного образования осуществляется координация деятельности по важным направлениям государственной молодежной политики, таким, например, как проектирование и регулирование работы Белорусской республиканской пионерской организации (БРПО). Для содействия социальной активности в подростковой и молодежной возра-

стных когортах работают ресурсные центры по формированию гражданско-патриотического сознания и развитию молодежного лидерского движения. Так, например, на площадках Минского государственного дворца детей и молодежи, одного из ведущих учреждений системы дополнительного образования, работают детская палата и городской совет БРПО, городской ресурсный центр «Лидер XXI века», созданный при поддержке ЮНИСЕФ центр молодежных инициатив «Ступени», школа волонтеров «Сегодня», ресурсные центры по развитию навыков безопасной жизнедеятельности и оказанию первой медицинской помощи, поддержке молодежного предпринимательства и развитию финансовой грамотности. Кроме того, здесь реализуются проекты общественных объединений (Белорусская лига интеллектуальных команд, Белорусская лига КВН), социальных инициатив (Минская городская лига молодых лидеров) и иных республиканских и городских ассоциаций и формирований.

Объединяющим форматом деятельности по созданию условий для социальной активности детей и молодежи рассматривается участие Минска и еще 17 городов Беларуси в международной инициативе «Город, дружественный детям», в рамках которой создаются новые и совершенствуются стартовые условия для повышения участия детей и молодежи в принятии решений, касающихся жизнедеятельности детского и молодежного сообщества. При этом государственные учреждения дополнительного образования играют ведущую роль в координации деятельности воспитательных пространств городов и являются опорными центрами в координации работы с детскими и молодежными организациями.

Современное учреждение дополнительного образования, как система образовательно-культурных сред, создает гармоничную систему педагогических условий для развития социальной и творческой активности личности, обучает современным социальным и культурным практикам, актуализирует и продолжает развитие культурных традиций своего народа, обогащает межкультурными коммуникациями, помогает обрести личностные смыслы в привнесении наиболее важных общественных ценностей.

¹Закон Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики» [Электронный ресурс]. URL: <https://part.gov.by/management/social/youth-policy/46-2013-01-16-15-19-30> (дата обращения: 13.03.2022).

Многообразие сетевых взаимодействий, направлений и мотивирующих сред системы дополнительного образования детей и молодежи предстает как универсальная социокультурная технология. Ее социальная миссия – воспитать социально ответственного гражданина, способного активно и творчески посвящать свои устремления, знания и компетенции обустройству и совершенствованию жизни в своей стране.

Значительный социальный эффект и многолетняя устойчивость дополнительного образования определяются тем, что современный формат данного вида деятельности содержит в себе целый микрокосм – образ всех общественных отношений социума в их полноте. Современное дополнительное образование детей и молодежи представляет собой, по сути, социосферу ресурсных возможностей для построения достойной жизненной перспективы подрастающего поколения. Здесь есть практически все: творение самоценной детской и молодежной культуры, интериоризация мировых культурных традиций и нравственных ценностей, постижение законов экономических взаимодействий, воплощение творческих ноу-хау и бизнес-идей, обеспечение возможностей для научно-исследовательского поиска, детской народной дипломатии, международного сотрудничества и познания родного края, формирование осознанного профессионального выбора,

патриотических ценностей и гражданской активности, воспитание культуры политического действия, развитие надпрофессиональных компетенций.

Дополнительное образование культивирует теплоту семейных ценностей и милосердие к тем, чье жизненное пространство ограничено состоянием здоровья или социальным неблагополучием. Педагогически организованное пространство дополнительного образования детей и молодежи чутко реагирует на изменения социально-экономических контекстов и выступает своеобразным барометром, отражающим социальное самочувствие общества. Практически все проблемные аспекты в общественных процессах, связанные с образованием и воспитанием молодежи, становлением ее мировоззрения, направленностью ценностей и жизненных ориентиров, социальной поддержкой детей с ограниченными возможностями здоровья, профилактикой девиаций, семейным и трудовым воспитанием и даже экономическим статусом семей, становятся предметной областью профессионального участия педагогов и реализации социально значимых молодежных проектов.

Стратегическая задача дополнительного образования детей и молодежи – быть в авангарде формирования социального потенциала будущих поколений, выступать важным механизмом в реализации государственной молодежной политики.

Материалы и методы исследования

Развитие способностей детей и молодежи в дополнительном образовании предполагает формирование у них гражданского сознания и социальных компетенций. В рамках данного исследования рассматривается формирование потенциала общественно полезной социальной активности детей и молодежи под влиянием направленного социализирующего воздействия организаций системы дополнительного образования. В марте – апреле 2022 г. в Минске путем анкетного опроса было проведено эмпирическое социологическое исследование «Формирование лидерского потенциала в социальных практиках дополнительного образования детей и молодежи». Выборка составила 534 человека в возрасте от 12 лет (учащиеся 12–13 лет составили 12,5 % респондентов, 14–15 лет – 39,9 %, 16–18 лет – 30,7 %, старше 18 лет – 16,9 % респондентов). По гендерному составу опрошенные распределились следующим образом: 71,3 % девушек и 28,7 % юношей. Учащимися школ и гимназий являются 78,2 % респондентов. Выборка охватывает учащуюся и студенческую молодежь, причем более половины респондентов состоят в одной либо в нескольких детских и (или) молодежных организациях

(в том числе в БРПО – 27,6 % опрошенных, в Белорусском республиканском союзе молодежи – 27,6 %, в клубах юных инспекторов дорожного движения – 11,5 %, в Белорусской ассоциации клубов ЮНЕСКО – 9,7 % опрошенных). При этом 37,7 % респондентов не являются членами общественных организаций и не участвуют в молодежных инициативах. Они выступили контрольной группой для сравнения показателей мотивированного проявления социальной активности детей и молодежи.

В качестве первичной гипотезы в исследовании выступило предположение о зависимости между социальной активностью детей и молодежи и их включенностью в систему дополнительного образования. Как отмечает российский ученый Р. М. Шаминов, социальная активность выступает «закономерным эффектом социализации» [3, с. 382]. Включаясь в организованную деятельность общественных организаций и объединений по интересам, дети и молодежь развивают в себе социально одобряемые качества, позволяющие конструктивно воспринимать нормативно-ценностные регуляторы социальных общностей и формировать мотивацию к инициативной созидательной деятельности.

Результаты и их обсуждение

Для стимулирования социальной активности молодежи в учреждениях основного и дополнительного образования проводится масштабный комплекс воспитательных мероприятий экологического, эстетического, патриотического, профориентационного, правового, экономического и другого характера.

Более 96 % опрошенных отметили важность проявления социальной активности, при этом респонденты, являющиеся членами общественных организаций и участниками социальных инициатив, значимость социальной активности в своей жизни оценивают выше, чем те, кто не вовлечен в общественно полезную деятельность (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Считаете ли Вы важным проявлять социальную активность?» –
в зависимости от членства в общественных организациях, %

Table 1

Distribution of answers to the question:
«Do you consider it important for yourself to be socially active?»,
depending on membership in public organisations, %

Вариант ответа	Доля респондентов, являющихся членами общественных организаций	Доля респондентов, не являющихся членами общественных организаций
Да	64,4	28,9
В какой-то степени	34,4	63,9
Нет	1,2	7,2

При этом 21,7 % респондентов вообще не имеют опыта участия в деятельности детской или молодежной общественной организации, 12,7 % – имели такой опыт в прошлом, 6,6 % – проявляют интерес к социальной активности и планируют присоединиться к деятельности таких организаций.

Более 69 % респондентов посещают различные кружки и секции, среди которых наиболее популярны курсы иностранного языка, плавание, спортивные, театральные и танцевальные занятия. Стоит отметить, что дети и молодежь, участвующие в общественной деятельности, чаще посещают объединения по интересам (на это указали 79,1 % опрошенных) по сравнению с представителями контрольной группы (53,1 %).

Принимая решение об участии в социальных инициативах и проектах, деятельности общественных организаций, молодые люди руководствуются значимыми для себя целями. Базовые устремления современного поколения юных граждан связаны с желанием иметь перспективу личностного роста, обеспечить достойный уровень жизни в будущем. Чтобы успешно реализовать эти жизненные стратегии, необходимо обладать обширным набором знаний и навыков, прежде всего социальными компетенциями.

Ответы на вопрос: «Насколько для Вас важно достигнуть определенных целей, проявляя общественную активность?» – проанализированы с применением индекса значимости цели по измерительной шкале «Очень важно» – «В какой-то степени важно» – «Не важно». Значение индекса располагается

в диапазоне от 0 до 1, позволяя сравнить разные содержательные векторы в формировании социальной компетенции респондентов.

По степени значимости выделяются 4 кластера целей, которые представлены в обеих группах респондентов – и среди тех, кто являются членами общественных организаций, и среди тех, кто не являются таковыми. Рейтинг интегрированных индексов по кластеру в обеих группах совпадает, значения показателей, фиксирующих мотивирующее значение цели, различаются. Результаты представлены в порядке убывания выраженности индекса и, соответственно, актуальности и значимости целей (табл. 2).

Наиболее выраженные мотивы проявления социальной активности связаны с получением современных знаний и компетенций, которые станут основой для успешной профессиональной и социальной реализации. Используя терминологию М. Вебера, можно сказать, что у молодежи преобладают целерациональные мотивы социального действия. Ценностно-рациональные установки в большей мере характерны для учащихся, уже вовлеченных в социально значимую активность. Представители этой когорты в существенно большей мере руководствуются стремлением приносить пользу обществу и выше ценят возможности развить в себе лидерские качества как личностный ресурс и способ изменять социальную реальность. Среди приоритетных лидерских качеств социально активная молодежь выделила ответственность (на это указали 60,9 % опрошенных), смелость и решимость (46,5 %), гибкость мышления и креативность (35,3 %), интеллектуальность и компетентность

(25,3 %), а также харизматичность (21,4 %). Лидерским качествам, характеризующим эмоциональный интеллект, необходимый для слаженной работы в команде, респонденты не придали существенного значения. Так, на важность доброжелательности и эмпатии указали 11,2 % опрошенных, интуиции – 8,2 %, чувства юмора – 13,8 % опрошенных. Лишь каждый 6-й респондент, участвующий в общественной деятельности, отметил важность такого лидерского качества, как инициативность (16,0 %).

зали 11,2 % опрошенных, интуиции – 8,2 %, чувства юмора – 13,8 % опрошенных. Лишь каждый 6-й респондент, участвующий в общественной деятельности, отметил важность такого лидерского качества, как инициативность (16,0 %).

Таблица 2

**Целевые установки при проявлении социальной активности
в зависимости от членства в общественных организациях,
индекс по шкале от 0 до 1**

Table 2

**Target settings for the manifestation of social activity,
depending on membership in public organisations,
index on a scale from 0 to 1**

Целевая установка	Респонденты, являющиеся членами общественных организаций	Респонденты, не являющиеся членами общественных организаций
<i>Кластер 1. Формирование проектного мышления и универсальных компетенций</i>		
Найти свое призвание, определиться с профессией	0,915	0,750
Получить востребованные знания и навыки, позволяющие стать успешным человеком	0,880	0,830
Реализовать свои идеи и проекты	0,880	0,793
Развить навыки общения, найти друзей и единомышленников	0,871	0,791
Интересно общаться со многими людьми, продуктивно действовать сообща	0,844	0,770
<i>Кластер 2. Развитие социальной компетенции</i>		
Расширить знания об обществе, формировать собственную позицию и научиться ее аргументировать	0,834	0,797
Обрести чувство уверенности, повысить самооценку	0,821	0,763
Помогать тем, кто нуждается в помощи (людям и животным)	0,820	0,685
Получить удовольствие и чувство наполненности жизни	0,833	0,686
Расширить и углубить сферу интересов, развить способность и вкус к творчеству	0,811	0,768
<i>Кластер 3. Формирование политической культуры социального действия</i>		
Быть полезным обществу (своей стране, городу, району)	0,795	0,557
Стать лидером, развить организаторские способности	0,776	0,569
Улучшить уровень владения иностранным языком для участия в программах международного сотрудничества	0,762	0,750
Участвовать в принятии решений и в полном объеме использовать возможности, которые предлагает молодежная политика государства	0,717	0,515
<i>Кластер 4. Повышение социальной адаптивности</i>		
Обрести авторитет в глазах педагогов, значимых людей	0,752	0,662
Избежать осуждения за бездействие и безразличие со стороны других людей	0,620	0,534

Социальная активность оказывает прямое влияние на лидерский потенциал молодого поколения. Среди членов детских и молодежных общественных организаций 22,1 % респондентов не только принимают активное участие в мероприятиях, но и готовы предложить свои идеи и проекты. Среди респондентов контрольной группы такой готовностью обладают лишь 6,2 % (табл. 3).

мают активное участие в мероприятиях, но и готовы предложить свои идеи и проекты. Среди респондентов контрольной группы такой готовностью обладают лишь 6,2 % (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
«Насколько Вы вовлечены в реализацию социально значимых проектов?» –
в зависимости от членства в общественных организациях, %

Table 3

Distribution of answers to the question:
«How involved are you in the implementation socially significant projects?»,
depending on membership in public organisations, %

Вариант ответа	Доля респондентов, являющихся членами общественных организаций	Доля респондентов, не являющихся членами общественных организаций
Я считаю, что отношусь к числу лидеров, потому что всегда предлагаю новые идеи, проекты, формы деятельности	22,1	6,2
Я считаю себя активным членом организации, всегда участвую во всех мероприятиях	26,8	10,3
Участвую в большинстве мероприятий	21,8	14,9
Участвую только в тех проектах и акциях, которые мне интересны	19,1	34,0
Участвую за компанию с друзьями, без них не включаюсь	2,6	11,3
Участвую, если это рекомендуют или поручают педагоги и организаторы	4,1	8,2
На общественные мероприятия отвожу минимум личного времени	3,5	14,9

Опрос показал, что общественная деятельность детей и молодежи чаще всего имеет следующие направления: культурное (на это указали 44,0 % респондентов), экологическое (35,2 %), спортивное (30,9 %). Участие в культурной деятельности выражается в помощи при организации и проведении массовых культурных мероприятий, например концертов, творческих вечеров, научных конференций, помощи в работе библиотек, реставрации памятников архитектуры. В данный вид деятельности наиболее вовлечены подростки 16–18 лет. Участие в экологической деятельности проявляется в защите окружающей среды, озеленении территорий, заботе о бездомных

животных, уходе за животными в зоопарках, зоосадах, заповедниках и т. д. Наиболее активно в рамках данного направления работают волонтеры 12–13 лет. Участие в спортивной деятельности выражается в оказании помощи в организации и проведении массовых спортивных мероприятий. Донорами является низкое количество респондентов (8,1 %), что связано с возрастными ограничениями. При невысоком уровне вовлеченности более 39 % респондентов заинтересованы в данной форме социальной активности в будущем. Существенных различий в предпочитаемых направлениях общественно значимой деятельности среди респондентов обеих групп не выявлено (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как Вы относитесь к определенным видам общественной деятельности?», %

Table 4

Distribution of respondents' answers to the question:
«How do you feel about certain types of social activities?», %

Направление общественной деятельности	Вариант ответа			
	Участвую	Не участвую, но планирую участвовать	Не участвую и не планирую участвовать	Затрудняюсь ответить
Экологическое	35,2	22,8	38,4	3,6
Социальное	27,0	35,2	36,1	1,7

Направление общественной деятельности	Вариант ответа			
	Участвую	Не участвую, но планирую участвовать	Не участвую и не планирую участвовать	Затрудняюсь ответить
Образовательное	27,5	32,8	38,4	1,3
Фандрайзинг	17,2	33,9	47,9	0,9
Спортивное	30,9	27,0	41,2	0,9
Культурное	44,0	28,8	26,2	0,9
Донорство	8,1	39,7	51,5	0,7
Информационно-профилактическое	27,5	29,8	41,4	1,3

Демонстрируя социальную активность, молодой человек может преследовать эгоистические и альтруистические цели, связанные с инструментальными ценностями (развитие навыков, лидерских качеств и организаторских способностей, формирование социального капитала, повышение самооценки и завоевание авторитета, реализация собственных идей и проектов, социальное признание, одобрение и др.) или терминальными ценностями (оказание помощи нуждающимся, участие в решении важных социальных проблем на уровне города, государства и т. д.). Результаты опроса демонстрируют инструментальную ценность общественно полезной деятельности для детей и молодежи. Так, посредством участия в социальных инициативах респонденты стремятся прежде всего найти свое призвание и определиться с профессией (на это указали 77,2 % опрошенных) развить знания и навыки, востребованные на рынке труда (73,0 %), найти друзей и единомышленников (71,3 %), научиться аргументировать свою позицию (65,9 %). Альтруистические мотивы общественно полезной деятельности у молодежи встречаются реже, но тем не менее значимая часть респондентов отметила важность ощущать удовлетворение и полноту жизни в процессе социальной активности (это отметили 59,6 % опрошенных), оказывать помощь нуждающимся (56,7 %), приносить пользу обществу (44,6 %).

Молодые люди, особенно в подростковом возрасте, сталкиваются с кризисом идентичности (по Э. Эриксону), который заключается в переживании неопределенности, неустойчивости своего социального положения, необходимости выбора пути личностного развития. В результате мотивы общественно полезной деятельности молодежи связаны с ее самоопределением. Так, социально активному молодому человеку очень важно решить вопрос профессионального выбора и найти свое призвание, получить знания и навыки, необходимые для обретения статуса успешного человека, реализовать собственные идеи и проекты.

Для молодого человека, включенного в систему дополнительного образования и, соответственно, имеющего больше социальных ролей и связей, важное значение имеет мнение окружающих. В 39,4 % случаев респонденты участвуют в общественно полезной деятельности, чтобы избежать осуждения за бездействие со стороны других людей. В контрольной группе этот показатель составил 28,9 %. В целом деятельность молодых активистов встречает одобрение со стороны их ближайшего окружения: членов семьи (на это указали 90,0 % опрошенных), друзей (85,8 %), одноклассников или одноклассников (68,2 %).

В форме открытого вопроса анкеты осуществлялся сбор информации о самых ярких воспоминаниях, связанных с общественной деятельностью детей и молодежи. По содержанию ответов можно выделить 5 групп воспоминаний:

1. Воспоминания, демонстрирующие, насколько важны для респондентов обратная связь и благодарность за оказанную помощь: *улыбки и радостные эмоции тех, кому помогаешь; благодарность людей; глаза и эмоции детей, для которых мы выступали в реабилитационном центре; благодарность ветеранов; блеск в глазах тех, кому помог; доброта и слова благодарности; добрые слова детей и улыбки на их лицах; ответные подарки детей-инвалидов в знак благодарности*. Благодарность от других людей является одной из самых распространенных форм поощрения детей и молодежи за социальную активность и стимулирует их и в дальнейшем участвовать в общественно полезных делах.

2. Воспоминания, связанные с конкретными мероприятиями и инициативами: *Olimpic Day; помощь бездомным животным; участие в открытии отдела МЧС Ленинского района Минска; помощь ветеранам и престарелым в уборке жилой площади; уборка листьев в парке; участие в благотворительных концертах; жертвование корма для бездомных животных; посещение больниц в костюме Деда Мороза; организация интерактивных перемен в школе; марш*

в строю с песней; дневной челлендж от Республиканского волонтерского центра; помощь пожилому человеку в доставке продуктов; волонтерский фестиваль «Нашествие»; волонтерство на референдуме; выступление на телевидении; помощь приюту для животных «Доброта»; съемки кино в Эстонии; фест волонтеров; посещение Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка для проведения опытов; волонтерство на спортивных соревнованиях; выступления с «Батлейкой». Подобные воспоминания формируют у детей и молодежи представление о том, что свободное время можно проводить в разных локациях и тематических направлениях, делать досуг разнообразным и социально полезным.

3. Воспоминания, связанные с впечатлениями и эмоциями от участия в общественно полезной деятельности: *чувство того, что ты полезен обществу; чувство того, что я кому-то помог; посещение приюта для собак; проекты, связанные с детьми; доброта; помощь ветерану; приятное чувство причастности к спасению планеты; приятная усталость после совершения доброго дела; чувство сплоченности; чувство полезности; участие в благотворительном конкурсе для зоопарка.* В данном случае мы можем наблюдать альтруистическую мотивацию.

4. Воспоминания респондентов, связанные с коммуникативной мотивацией участия в общественно полезной деятельности: *общение с умными людьми; общение с новыми людьми; веселое времяпрепровождение с друзьями; времяпрепровождение с друзьями, семьей и одноклассниками; время, проведенное с интересными мне людьми; первый тренинг с приятной аудиторией и классной обратной связью; новые знакомства; новые друзья; знакомство с единомышленниками; знакомство с известными людьми.* Несмотря на то что дети и молодежь погружены в социальные сети, для них остается значимым личное общение в кругу лиц, обладающих схожими ценностями и интересами, а также формирование сопричастности к общей деятельности и групповой идентичности.

5. Воспоминания, связанные с признанием заслуг респондентов, их успехами и достижениями в сфере общественных инициатив: *выигрыш в номинации кулинарного конкурса; победа в школьных конкурсах; третье место в конкурсе; победа в конкурсе танцевальных батлов в школе; признание меня как лидера; возможность вести театральный кружок; размещение моей фотографии на доске почета; выступление с презентацией как одного из представителей волонтерского отряда; опубликование моего рисунка в книге; победа в конкурсе на лучшую волонтерскую инициативу среди колледжей; вручение наград за участие в конкурсах; первое место в школе; третье место на районе; разработка первых проектов и пре-*

зентация настольной игры на тему здорового образа жизни; победы на соревнованиях; презентация моей картины на выставке в музее природы.

Более 20 % респондентов считают, что среди основных причин, препятствующих социальной активности молодежи, можно назвать недостаточную поддержку со стороны государства. По мнению опрошенных, в качестве наиболее эффективных способов стимулирования молодежи, принимающей участие в общественной деятельности, могут выступать бесплатное или льготное посещение культурных и спортивных мероприятий (на это указали 50,2 % опрошенных), бесплатное или льготное посещение санаториев и зон отдыха Беларуси (48,1 %), предоставление льгот при поступлении в учреждения высшего образования (47,9 %), возможность получить скидку на оплату обучения (42,0 %). При этом 10,9 % респондентов считают, что нет необходимости в поощрении социально активной молодежи.

Обратимся к такой форме социальной активности, как волонтерская деятельность. Процесс становления данного явления в том содержательном ракурсе, который отражен в нормативных документах Республики Беларусь, охватывает немногим более трех десятилетий. В рамках процесса институционализации волонтерства разрабатываются формальные и неформальные нормы, регламентирующие деятельность участников волонтерского движения, устанавливаются соответствующие им поведенческие паттерны (кодекс волонтера, социальные практики оказания помощи, этические нормы взаимодействия в сообществе волонтеров), выкристаллизовываются социальные функции волонтерства (образовательная, воспитательная, профилактическая, контролирующая и др.), определяется соответствующая символика (логотипы волонтерских организаций и групп, которые содержат такие символы доброты, помощи и взаимовыручки, как открытая ладонь, сердце, поднятая рука активиста и др.), закрепляются этические основания (бескорыстие, сочувствие, сопереживание, альтруизм), формируется система социальных качеств волонтера, создаются и функционируют волонтерские объединения [4–6].

Для 12,4 % респондентов участие в волонтерской деятельности является наиболее значимым способом проявления гражданской позиции и участия в общественной жизни. Среди опрошенных 49,8 % отметили свой опыт участия в такой деятельности. Среди тех, кто не имел такого опыта, более половины (53,4 %) хотели бы попробовать себя в этой роли. Ребята, являющиеся членами детских и молодежных общественных организаций и участниками социальных инициатив, в большей степени вовлечены в волонтерское движение, чем те респонденты, которые не являются таковыми (табл. 5).

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос:
«Принимаете ли Вы участие в волонтерской деятельности?» –
в зависимости от членства в общественных организациях, %**

Table 5

**Distribution of answers to the question:
«Do you take part in volunteer activities?»,
depending on membership in public organisations, %**

Вариант ответа	Доля респондентов, являющихся членами общественных организаций	Доля респондентов, не являющихся членами общественных организаций
Да	58,0	34,2
Нет	42,0	65,8

Для полной реализации воспитательного потенциала волонтерской деятельности важной является регулярность участия молодежи в этой форме социальной активности. Согласно полученным данным около 40 % респондентов выступают в качестве волонтеров нерегулярно, принимая решение об участии на основании темы проекта и вида деятельности, 11,7 % занимаются волонтерской деятельностью в период каникул. На регулярной основе (от одного до нескольких раз в месяц) в волонтерстве участвуют 36,9 % опрошенных.

Деятельность волонтеров носит добровольный и неоплачиваемый характер. В этом контексте наиболее популярными способами поощрения молодежи выступают устная благодарность от тех, кому оказывалась помощь (на это указали 46,9 % респондентов), от лидера волонтерской группы (32,7 %), вручение атрибутики с символикой общественной организации, мероприятия, социального проекта, например маек, кружек, значков (30,2 %), других памятных подарков (24,4 %), грамот (22,7 %). При этом 16,2 % молодых людей, имеющих опыт волонтерской деятельности, отметили, что никакие формы поощрения по отношению к ним не применялись.

Респонденты, охваченные системой дополнительного образования детей и молодежи, отметили, что наиболее значимыми ингибиторами социальной активности выступают отсутствие информации о наличии общественных организаций и инициатив в Минске (на это указали 41,2 % опрошенных), лень (38,0 %), отсутствие свободного времени (36,8 %) и недостаточное количество сведений о возможностях участия в волонтерской деятельности (35,6 %). Среди представителей контрольной группы основные препятствия для социальной активности имеют субъективно-личностный характер: лень (на это указали 40,8 % опрошенных), отсутствие свободного времени (45,5 %).

Несмотря на то что абсолютное большинство активистов отметили положительное отношение своего ближайшего окружения к волонтерской деятельности, респонденты считают препятствием для социальной активности то, что люди негативно относятся к подобным инициативам (об этом высказались 20,5 %), а также то, что со стороны ближайшего окружения отсутствует поддержка (18,5 %). Следовательно, актуальной выступает задача сформировать позитивный имидж волонтера.

Заключение

Общественная активность детей и молодежи выступает индикатором их включенности в социальные отношения. В рамках системы дополнительного образования они получают возможность участвовать в деятельности объединений по интересам, общественных организаций, развивать свои навыки, формировать лидерский потенциал. В Минске функционирует большое количество объединений по интересам, расположенных как в учреждениях дошкольного, общего среднего и специального образования, так и в центрах дополнительного образования детей и молодежи. Их деятельность ориентирована не только на организацию досуга детей и молодежи, но и на раскрытие потенциала их социальной активности.

Согласно научным разработкам Л. И. Родиной и О. В. Мичиной выделяются инертный, репродуктивный и продуктивный уровни социальной активности. По результатам исследования, среди детей и молодежи, охваченных системой дополнительного образования, к самому высокому, продуктивному уровню можно отнести 22,1 % респондентов, к репродуктивному – 48,6 %, к инертному – 29,3 %. Среди представителей контрольной группы распределение по уровням социальной активности выглядит следующим образом: к продуктивному уровню можно отнести 6,2 % респондентов, к репродуктивному – 25,2 %, к инертному – 68,6 %. Дети и молодежь, включенные в деятельность общественных организаций, характеризуются более высокой

исполнительностью, дисциплинированностью, ответственностью, склонностью к сопереживанию. Общественная активность детей и молодежи имеет в основном инструментальные мотивы, ориентированные на профессиональное самоопределение и развитие личности, расширение социального капитала, повышение самооценки. Альтруистическая мотивация чаще встречается у молодых людей, вовлеченных в деятельность общественных объединений и участвующих в социальных инициативах. При этом система поощрений за социальную активность имеет важное значение для стимулирования детей и молодежи к дальнейшей общественно полезной деятельности – таким образом реализуется

общественное признание результатов работы и формируется позитивный имидж активиста. Одной из форм социальной активности детей и молодежи является волонтерство. Большое число молодых людей имеют опыт организованной волонтерской деятельности, но она носит нерегулярный характер. В нашей стране есть все ресурсы для дальнейшего развития молодежного волонтерского движения.

Таким образом, в условиях современного общества важно сформировать у молодого поколения такие качества, как социальная ответственность, инициативность, сопереживание. Система дополнительного образования обладает значительным потенциалом для решения этой задачи.

Библиографические ссылки

1. Минова МЕ, Бедулина ГФ. *Взаимодействие учреждений образования, детских и молодежных общественных объединений по выявлению лидеров и работе с ними*. Минск: Академия последипломного образования; 2013. 296 с.
2. Храмцова ФИ, Полетаев СА. *Социокультурологическая модель развития молодежных инициатив: на материалах Республики Беларусь*. Минск: Бестпринт; 2015. 231 с.
3. Шамионов РМ. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2018;15(4):379–394.
4. Певная МВ. Дисциплинарные и методологические подходы к исследованию волонтерства. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2013;2:174–180.
5. Зборовский ГЕ. Проблема волонтерства в структуре социологического знания. *Вестник пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2017;3:8–23. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.3.1.
6. Кузьминчук АА. Проблемы институционального регулирования волонтерства. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2015;6:116–121.

References

1. Minova ME, Bedulina GF. *Vzaimodeistvie uchrezhdenii obrazovaniya, detskikh i molodezhnykh obshchestvennykh ob'edinenii po vyvavleniyu liderov i rabote s nimi* [Interaction of educational institutions, children's and youth public associations to identify leaders and work with them]. Minsk: Academy of Postgraduate Education; 2013. 296 p. Russian.
2. Khrantsova FI, Poletaev SA. *Sotsiokul'turologicheskaya model' razvitiya molodezhnykh initsiativ: na materialakh Respubliki Belarus'* [Socio-cultural model of the development of youth initiatives: based on the materials of the Republic of Belarus]. Minsk: Bestprint; 2015. 231 p. Russian.
3. Shamionov RM. Social activity of personality and groups: definition, structure and mechanisms. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2018;15(4):379–394. Russian. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394.
4. Pevnaya MV. [The research of volunteering: disciplinary and methodological approaches]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2013;2:174–180. Russian.
5. Zborovsky GE. Relevance of volunteering in the structure of sociological knowledge. *Vestnik Permskogo national'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2017;3:8–23. Russian. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.3.1.
6. Kuzminchuk AA. The volunteership institutional regulation problems. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2015;6:116–121. Russian.

Статья поступила в редколлегия 02.06.2022.
Received by editorial board 02.06.2022.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК [316.628.23+316.648.2]:004

РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА МЫШЛЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРИМЕРЕ СКАЗОК НАВИГИТЕЛ

О. В. КОБЯК¹⁾, А. Е. ШИФРИН²⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусская государственная академия искусств, пр. Независимости, 81, 220012, г. Минск, Беларусь

Социологический образ мышления определяется как ключевой способ восприятия и оценки социальных действий и регулятор поведения социализированного субъекта. Представлена модель развития социологического образа мышления под влиянием сказок Навигител. Предложено структурно-функциональное описание данной модели. Мультимедийные технологии обосновываются в качестве технологической базы для практической реализации построенной модели. Раскрывается потенциал мультимедийных технологий в развитии социологического образа мышления. Формулируются ключевые положения аксиологии. Показывается социологическая сущность сказок Навигител.

Ключевые слова: социологический образ мышления; социальные действия; поведение социализированного субъекта; модель; мультимедийные технологии; сказки Навигител.

Образец цитирования:

Кобяк ОВ, Шифрин АЕ. Развитие социологического образа мышления с помощью мультимедийных технологий на примере сказок Навигител. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022; 2:108–114 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-108-114>

For citation:

Kabiak AV, Shifrin AE. Development of a sociological way of thinking with the help of multimedia technologies on the example of Navigitel tales. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;2:108–114.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-108-114>

Авторы:

Олег Витальевич Кобяк – доктор социологических наук, профессор; заведующий отделом экономической социологии.

Александр Евгеньевич Шифрин – кандидат искусствоведения; ведущий специалист учебно-методического отдела.

Authors:

Aleh V. Kabiak, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of economic sociology.
aleh.kabiak@mail.ru

Alexander E. Shifrin, PhD (arts); leading specialist at the educational and methodological department.
shifrin7@gmail.com

DEVELOPMENT OF A SOCIOLOGICAL WAY OF THINKING WITH THE HELP OF MULTIMEDIA TECHNOLOGIES ON THE EXAMPLE OF NAVIGITEL TALES

A. V. KABIAK^a, A. E. SHIFRIN^b

^a*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

^b*Belarusian State Academy of Arts, 81 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220012, Belarus*

Corresponding author: A. E. Shifrin (shifrin7@gmail.com)

The sociological way of thinking is defined as a key mode of perceiving and evaluate social actions and as a regulator of a socialised actor performance. A model of development of the sociological way of thinking under an influence of Navigitel tales is built. Structural and functional description of the model is presented. Multimedia technologies are substantiated as a technological base for practical implementation of the built model. The potential of multimedia technologies at the development of the sociological way of thinking has been disclosed. Keys thesis of axiology and sociological essence of the Navigitel tales are formulated.

Keywords: sociological way of thinking; social actions; performance of the socialised actor; model; multimedia technologies; Navigitel tales.

Introduction

Let's start with an analogy. An economic way of thinking – is a generally accepted scientific category [1]. Traditionally, it has been interpreted as a process enumerating of economic alternatives in order to make rational choices, that is, choices that minimise costs and maximise net benefits. Why need to learn the economic way of thinking? An answer is obvious. Do you want to be successful, a wealthy man in a world where resources are limited by definition, and the most powerful a socio-economic principle is a competition principle [2, p. 79–88]? Here is an instrument designed to increase material benefits. Master it – and you will be successful. But as for the need to develop the sociological way of thinking, this situation is not so ordinary and obvious. Why we should master it?

Let's define main opportunities that the sociological way of thinking opens up for the actor¹, at accordance with the scientific position of the famous Russian sociologist A. G. Zdravomyslov [3]. The sociological way of thinking make possible: firstly, to understand sociality, «human-orientation» of their actions and actions of other people; secondly, to realise that any social action is executable on several levels, and a sociological thinking is called to grasp all these levels; thirdly,

adequately assess almost unavoidable countermeasures; fourthly, anticipate a relationship between expected and unintended consequences of a social action; fifthly, an ability to move from facts to explanations and from explanations to understanding; sixthly, to interpret events in an appropriate socio-cultural context.

The listed possibilities are make possible us to define the sociological way of thinking, on the one hand, as a way of perception and assessment of the actor actions as social actions («on an entrance»), and, on the other hand, as a regulator of the performance of the socialised actor («on an exit»). Since among all the actions of an individual involved somehow or other in the structure of social ties and relationships, the most valuable for him are the social actions (Robinson will always strive to meet Friday [4]), therefore, we interpret the sociological way of thinking as a basic and necessary condition for the successful development of economic, legal, managerial and all other forms of performance of the social actors. Thus, we assert that the sociological way of thinking is good for the actor, moreover his competitive advantage. But a real question is, how do we develop the sociological way of thinking.

Main part

To a first approximation we can assume that such a nonlinear way of thinking as the sociological way of thinking (and it is certainly non-linear), intends corresponding nonlinear ways of its formation. It reminds us of an old anecdote. «Two cowboys are riding on a steam locomotive. There's a turn ahead. One cowboy shouts to

the other, Bill, throw some curve firewoods in the fire-box! We will turn to the right!». Every joke has some truth. In this joke, the grain of truth is that the format of the sociological way of thinking should be original, not boring, non-trivial, and, if you like, non-academic, in the conventional sense of the word. Moreover, now

¹In this article, the term «actor» is used in its sociological sense, to refer to any individual operating in a social setting.

we are talking not about training of professional sociologists, but about the expanded popularisation of the principles of sociological thinking and its application in social practices. Therefore, the method should impress, stir up, «wake up», bring out of the usual equilibrium state, to shift the focus of attention and center of gravity interests in the direction of sociological approaches to the organisation of life, the solution of problem, including conflict situations, targeting and choice of ways to achieve goals. At the same time, a way of mastering must be understood by all social actors, regardless of their demographic, educational, status, professional and other subjective characteristics, that is, it must be invariant. The above characteristics are possessed only, perhaps, by objects from the sphere of art.

A good example of the influence of art on everyday practices is presented in the feature film «The man from the Boulevard des Capucines» («Mosfilm», 1987), where it is very vividly and figuratively shown how the cinematograph radically changed the way of life, people's mores and habits in a single town in the Old West².

We want to demonstrate the model of development of the sociological way of thinking on the example of the Navigitel tales [5, p. 134–140]. Why is the tale genre had been choosing?

It was done because any message destined to act linearly through reasoning usually has an explicit purpose of influence, as its meaning is expressed in a strictly definite way. This causes a recipient to have a state of heightened vigilance, disapproval to the perceived information (contrasuggestibility) [6, p. 7–35]. In the tales, a relationship between content and influence is significantly more plastic, non-linear, and a text itself is uncertain by meaning and can have many meanings. This gives the recipient much more freedom to choosing and creates an appearance of full independence in a feeling, independence in the interpretation of text meaning.

Why the Navigitel tales had been choosing? It was done because ones are sociological by their ideology and value-normative content initially. Here are the key points of their axiology, which are the basic of the culture of Janvids – the main characters of the Navigitel tales:

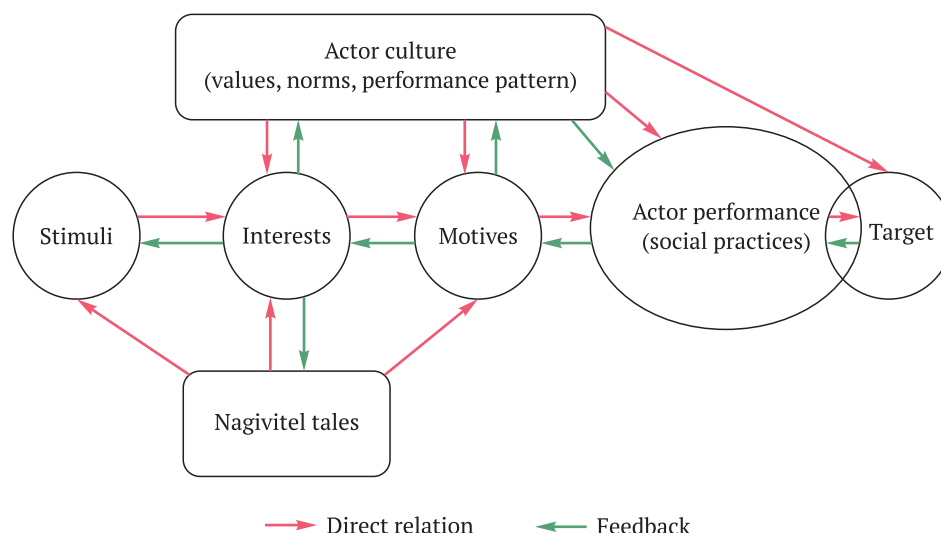
- 1) life has unconditional value in all its manifestations;
- 2) social progress is possible and must be pursued consciously;
- 3) all social contradictions can and should be resolved through negotiation;
- 4) social progress must take precedence over technical progress;
- 5) the experience and wisdom of the ancestors are the reliable foundation of the present;
- 6) the future begins today and depends on contribution everyone's.

The tales storyline are not incidental also. Each episode is related to some a social law, some a sociological method or concept. For example, «The tale about 400 wheat grains» in a literary and artistic way reveals an essence of the sampling method in sociology. «The tale about the fast built palisade» shows the practical value of the socio-economic law of division of labour. «The tale of a harsh winter and good neighbours» tells about the vital benefits of social cooperation. «The tale about the difficult way to the right solution» convincingly testifies to the imperishable value of expert opinion. The tale «About acorns, chestnuts and saving bag» demonstrates the advantages of a survey method in seeking public opinion on questions that are relatively simple in nature, but concern many actors. The tale «About the miraculous salvation of “Sneha” and the magical power of the Navigitel culture» reveals the amazing possibilities of culture in the formation of a socialised personality, etc.

The constructed model of development of the sociological way of thinking refers, in the terminology of V. A. Stoff, to the class of ideal models (see figure). «Models of this kind remain mental, ideal even if they are embodied in some material form, in the form of a drawing, drawing, diagram or simply a system of signs... These models can be called ideal also because even when their elements and relationships are fixed by signs, drawings or other material means, all the transformations in them, all the transitions into another state, all transformations of elements are carried out mentally, i. e. in the consciousness of the actor, who is based on a certain semantics and uses logical, mathematical, physical and other specific rules and laws. Without this, such drawings, drawings, sign systems and other constructions are deprived of the meaning and overall value of the models as images of reality» [7, p. 26].

There is a stimulative-motivational mechanism [8, p. 269–272] in the central part of the model, one's consisting of three components: stimuli, interests and motives. The main functional of the interests component is associated with the selective transformation of some, potentially the most interesting for the actor, incentives (opportunities, variants of action, chances) into motives (inner drive to actions). The culture is a factor influencing to a work of the all three components of the stimulation-motivational mechanism. This essential block of the model includes values, norms, performance patterns was learned and mastered by the actor as acceptable and correct. The actor, being motivated, approbate in practice (right-bloc the model) certain actions that are aimed at achieving the goal and make up the performance style of this actor. The content of the motives component and the culture block can be adjusted on the basis of feedback depending on the results of the activity.

²Человек с бульвара Капуцинов // КИНО-ТЕАТР.РУ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/7783/annot/> (дата обращения: 10.02.2022).

Model of development of the sociological way of thinking
under the Navigitel tales influence

The motives component, can influence the central component of the stimulation-motivational mechanism, that is, to the interests, also on the principle of feedback. This influence can be supportive when the activity of the actor was generally successful, or corrective character, if the results of the activity were assessed by the actor as not very successful. The interests component, in turn, is able to produce reverse «requesting» connections by relation to the «Navigitel tales» and the stimuli component. This happens if the interests component is difficult to ensure the implementation of its functionality, based on its own information-content resources.

The presented model of development of the sociological way of thinking reveals the most general principles of a thinking of the actors. The transformation of the model from a theoretical status to an applied set of tools is associated with its enrichment new or updated ways of assessing various situations and methods of solving actual problems. The stimulation-motivational mechanism, which constitutes the central part of the model, periodically needs fresh «fuel» and a new «lubrication», for its uninterrupted operation. That is why we included in the model block «Navigitel tales», which strategically performs the role of reservoir of good content, which gently and unobtrusively «injects» into the sphere of public consciousness positive, constructive, progressive, socially responsible ideas. All this content, firstly, is fully consistent with the spirit of a sociological science and organically come about as from its principles, secondly, is presented in a most suitable form.

The «Navigitel tales» as a block in the model of development of the sociological way of thinking provide performance of the three main functions: 1) the function of updating of a stimulation field; 2) the function

of development of sphere of interests; 3) the function of improvement of a motivational diversity. The stimulation field is extended by inclusion of new game features. Preliminary (pilot) observations of the ways children learn the Navigitel tales showed that children easily get acquainted with fabulous characters – Janvids, and include them in their own game scenarios. The sphere of interest is actualised by awakening creative potencies, for example, by colouring black and white illustrations accompanying the text of the tales, or by testing in reality the recipes and tips that are organically include in the text (for example, the recipe paints or an ancient recipe for cooking porridge, cakes and acorn biscuits). Motivational diversity are activated by offering ready-made examples of social actions and performance. Presenting themselves in the place of heroes, readers «try» on themselves style of performance of Janvid, penetrate their logic, feel their emotions. Much in this process, of course, depends on individual perceptions.

At the level of the each specific actor, the purpose of the operation of the block «Navigitel tales» is to provide a meaningful evolutionary transformation of the all other blocks and components of the model by introducing new ideas into the individual consciousness and experimenting in practice new ideas, or well-forgotten old ideas, but in a new «package», by training the actor to their «cognitive consistency» and ability to act, and gradually translating these «fabulous» ideas into the category of social actions of the value-rational type [9, p. 628–630].

At the present stage of development of information technologies and computerisation of almost all spheres of human activity, when a new virtual communication space is actually formed³, modern approaches to the choice of technological base are required in the development

³Хохлова Е. А. Коммуникационные процессы в современном социокультурном пространстве : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Ставрополь : СКФУ, 2006. 26 с.

of the general communication strategy implementation of the functional unit the «Navigitel tales».

Why, as the title suggests, is the multimedia technology chosen as such? Firstly, because, the complex multimedia tools have the following capabilities:

1) interactivity enabling exchange of messages between an user and a system, when the system receives, processes and issues the messages in real time, as well as hypertextuality allowing the user to independently form various sequences of displaying a content in real time⁴ [10]. Together they provide the possibility to implement the principles of non-linearity, multivariantly⁵ [11];

2) effective application of the systematisation and synthesis of an information while ensuring a high degree of visibility and quality of the relevant texts, illustrations, audio and video;

3) use of a virtual reality of a new media art that reflects a reality fairly accurately. Visualisation is one of an important requirements for successful implementation of the our project [12–14];

4) the possibility of creating immersive projects, which significantly increases an effectiveness of impact to the recipients [15, p. 263–266];

5) the possibility of multimedia technologies to control, if it's necessary, the process of formation of the sociological way of thinking, that is important for our pilot project. Any component of the model, as well as links between components, can be presented accordingly to obtain the necessary information on the performance of the tasks.

Secondly, the multimedia technology also provides an opportunities for polyformism. The Navigitel tales, for example, can are presented in such forms as the multimedia edition for viewing in modes of-line and

on-line, the virtual immersive theater project, the computer game, etc.⁶ [16].

And thirdly, design of the multimedia projects is based on the metalanguage of computer technologies [17, p. 305–307], which has its semantics, syntax and pragmatics, that allows to ensure the implementation of all the basic social-communicative functions of the text of the Navigitel tales.

Let's consider the potential of multimedia technologies on the example of the implementation of three main functions of the block «Navigitel tales» in the model of development of the sociological way of thinking:

1. Stimulation field update function. Since, as already mentioned, the stimulation field is extended by inclusion of the new game features, then will be effective use of the virtual reality of a computer game, sufficiently accurately reflecting the reality⁷ [18, p. 16–24; 19]. Depending on the target group to which the recipient belongs and his personal preferences, multimedia technologies give him an opportunity to adjust the game parameters in real time.

2. Interest development function. The project toolkit of the multimedia technologies allows to create open authorised the multimedia issues in which each user can create, for example, their versions of the colour solutions of the characters acting in the tales. Each issue is tied to the registration data of a particular user in the system, which allows each user to see its colour solution.

3. The function of improving the motivational diversity. To realise this function, it is possible to represent the tales in an immersive virtual theatre, in which, by definition, takes place a practical full immersion of the viewer into theatrical action. Here the user can impersonation into the various Janvids, depending on his individual perception and personal preference.

Conclusion

Interactivity and hypertext structure of the multimedia project, provide the user with the opportunity for creative self-realisation, as it is able to each such project additionally attach importance and different senses, independently modelling different scenarios, thanks to the nonlinearity and multivariant multimedia. In turn, the multimedia technologies expand a possibilities of using the creative potential of authors who are aware of the fundamental incompleteness and potential multi-variant of the been created multimedia project.

Multimedia projects by themes of the Navigitel tales can be used as a basis for some meta-strategy on how to

currently shape the sociological way of thinking. Especially it should be noted that at the preliminary stage of development of this project must be carried out art research and subsequent selection of objects from the field of art, which, as already noted, have an important role in preparation of the content of this multimedia project.

The strategic goal of developing the sociological way of thinking with the help of the Navigitel tales is to expand a reproduction of the socially responsible types of performance characteristic of characters-Janvids, which in a plan of actions will be contribute to the development of a sustainable structure of types of such performance,

⁴Чичканов Е. С. Интерактивность как форма диалога в пространстве цифрового экранного произведения : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.09. СПб. : СПбГУП, 2011. 23 с.

⁵Яцюк О. Г. Мультимедийные технологии в проектной культуре дизайна: гуманитарный аспект : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения : 17.00.06. М. : ВНИИТЭ, 2009. 46 с.

⁶Culture is digital. Executive summary // Depart. for Digital, Culture, Media and Sport [Electronic resource]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/686725/Culture_is_Digital_Executive_summary_1.pdf (date of access: 14.03.2022).

⁷Ibid.

that is – the formation of a social mechanism for the regulation of public relations and relations on the principles of Janatavidua (the science of society), and in the value sense will create the necessary preconditions for the formation of the subculture of the Navigitel.

The implementation of the strategic goal will ensure the popularisation of the sociological way of thinking as an organic component of the mature social consciousness. It will create prerequisites for expan-

ded a development and an approbation of conflict-free social practices, will give an additional impetus to the development of children's creativity and the system of additional education, especially in the sphere of project activities of learns by social studies, art studies, multimedia technologies, will improve the quality of vocational guidance and pre-university training of applicants for sociological and other humanitarian specialties, including in the field of art criticism.

Библиографические ссылки

1. Хейне П. *Экономический образ мышления*. Пинскер Б, редактор; Автономов А, Аукционек С, Белянова Е, Бойко М, Журавская Е, Кузнецов В и др., переводчики. Москва: Новости; 1991. 704 с.
2. Соколова ГН. Сущность и формы проявления социально-экономического закона конкуренции. В: Соколова ГН. *Экономическая социология*. Минск: Навука і тэхніка; 1995. 255 с.
3. Здравомыслов АГ. О принципах социологического мышления [Интернет]. 2008 [процитировано 10 февраля 2022 г.]. Доступно по: <https://polit.ru/article/2008/11/05/zdravomyslov/>.
4. Дефо Д. *Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, написанная им самим*. Шишмарева МА, переводчик. Москва: Правда; 1979. 302 с.
5. Кобяк ОВ, Шифрин АЕ. Сказки о приключениях древних социологов-джанвидов в волшебной стране Навигитель. *Социология*. 2016;3:134–140.
6. Поршневу ВФ. Контрсуггестия и история. В: Поршневу ВФ, Анциферова ЛИ, редакторы. *История и психология*. Москва: Наука; 1971. с. 7–35.
7. Штофф ВА. *Моделирование и философия*. Москва: Наука; 1966. 303 с.
8. Шавель СА. *Общественная миссия социологии*. Минск: Беларуская навука; 2010. 404 с.
9. Вебер М. *Избранные произведения*. Шестерина НЛ, Вербицкая НВ, редакторы; Левина МИ, Филиппов АФ, Гайденоко ПП, переводчики. Москва: Прогресс; 1990. 808 с.
10. Nakajoji K, Yamamoto Y, Aoki A. Third Annual Special Issue on Interface Design, Interactions. *ACM Press*. 2002; IX(2):99–102.
11. Silva MR. *Digital Alchemy: matter and metamorphosis in contemporary digital animation and interface design*. Pittsburgh: University of Pittsburgh; 2005. 253 p.
12. Dixon S. *Digital performance: a history of new media in theater, dance, performance art, and installation*. Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology; 2007. 809 p.
13. 黄昌武. 新媒体概论. 北京: 中国传媒大学出版社; 2012. 240 页 = Чанъу Хуанг. *Знакомство с новыми медиа*. Пекин: Издательство Университета коммуникаций; 2012. 240 с.
14. 陈玲. 新媒体艺术史纲. 北京: 清华大学出版社; 2007. 347 页 = Лин Чен. *История искусства новых медиа*. Пекин: Издательство Университета Цинхуа; 2007. 347 с.
15. Медведенко ВВ, Тумашова ГА, Тумашов МА. Иммерсивное театральное искусство как технология социально-культурной деятельности. *МНКО*. 2020;4(83):263–266.
16. Pfau T, Dusol J, Wiley H, editors. *Digital Theatre. A Casebook*. Berlin: European Theatre Convention; 2018. 94 p.
17. Шифрин АЕ. Метаязык компьютерных технологий: на материале языков культуры. В: Чумак ЛН, редактор. *Язык и социум: материалы V Международной научной конференции; 6–7 декабря 2002 г.; Минск, Беларусь. Часть 1*. Минск: РИВШ; 2003. с. 305–307.
18. Днепров СА, Каткова АЛ. Педагогические возможности виртуального пространства компьютерной игры. *Педагогическое образование*. 2009;3:16–24.
19. Korn A. *Zur Entwicklungsgeschichte und Asthetik des digitalen Bildes. Vom Hohlenbild zur Immersionswelt im Computerspiel*. Duisburg: Universitat Duisburg-Essen; 2005. 352 S.

References

1. Heyne P. *The economic way of thinking*. 5th edition. Chicago: Science Research Associates; 1987. 532 p. Russian edition: Heyne P. *Ekonomicheskii obraz myshleniya*. Pinsker B, editor; Avtonomov A, Auktsionek S, Belyanova E, Boiko M, Zhuravskaya E, Kuznetsov V, et al., translators. Moscow: Novosti; 1991. 704 p.
2. Sokolova GN. [Essence and forms of manifestation of a socio-economic law of competition]. In: Sokolova GN. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. Minsk: Navuka i tjechnika; 1995. 255 p. Russian.
3. Zdravomyslov AG. About principles of sociological thinking [Internet]. 2008 [cited 2022 February 10]. Available from: <https://polit.ru/article/2008/11/05/zdravomyslov/>. Russian.
4. Defoe D. *Life and adventures of Robinson Crusoe*. Chicago: Rand McNally & Co; 1932. 382 p. Russian edition: Defoe D. *Zhizn' i udivitel'nye priklucheniya Robinzona Kruzo, moryaka iz Iorka, napisannaya im samim*. Shishmareva MA, translator. Moscow: Pravda; 1979. 302 p.
5. Kobayak OV, Shifrin AE. Tales about adventures of ancient sociologist-janvids in Navigitel magical country. *Sotsiologiya*. 2016;3:134–140. Russian.
6. Porshnev BF. [Contrasuggestia and history]. In: *Istoriya i psikhologiya* [History and psychology]. Porshnev VF, Antsiferova LI, editors. Moscow: Nauka; 1971. p. 7–35. Russian.
7. Stoff VA. *Modelirovanie i filosofiya* [Modelling and philosophy]. Moscow: Nauka; 1966. 303 p. Russian.

8. Shavel' SA. *Obshchestvennaya missiya sotsiologii* [Social mission of sociology]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2010. 404 p. Russian.
9. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Shesterina NL, Verbitskaya NV, editors; Levina MI, Filippov AF, Gaidenko PP, translators. Moscow: Progress; 1990. 808 p. Russian.
10. Nakakoji K, Yamamoto Y, Aoki A. Third Annual Special Issue on Interface Design, Interactions. *ACM Press*. 2002; IX(2):99–102.
11. Silva MR. *Digital alchemy: matter and metamorphosis in contemporary digital animation and interface design*. Pittsburgh: University of Pittsburgh; 2005. 253 p.
12. Dixon S. *Digital performance: a history of new media in theater, dance, performance art, and installation*. Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology; 2007. 809 p.
13. Changu Huang. *Introduction to new media*. Beijing: University of Communications Publishing; 2012. 240 p.
14. Ling Chen. *Art history of new media*. Beijing: Qinghua University Press; 2007. 347 p.
15. Medvedenko VV, Tumashova GA, Tumashov MA. Immersive theatrical art as a technology of social and cultural activity. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2020;4(83):263–266. Russian.
16. Pfaut T, Dusol J, Wiley H, editors. *Digital theatre. A casebook*. Berlin: European Theatre Convention; 2018. 94 p.
17. Shifrin AE. [Metalanguage of computer technologies: by the material of cultural languages]. In: Chumak LN, editor. *Yazyk i sotsium: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 6–7 dekabrya 2002 g.; Minsk, Belarus'; Chast' 1* [Language and society: materials of the 5th International scientific conference; 2002 December 6–7; Minsk; Belarus. Part 1]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2003. p. 305–307.
18. Dneprov SA, Katkova AL. [Pedagogical possibilities of virtual space of computer game]. *Pedagogicheskoe obrazovanie*. 2009;3:16–24. Russian.
19. Korn A. *Zur Entwicklungsgeschichte und Asthetik des digitalen Bildes. Vom Hohlenbild zur Immersionswelt im Computerspiel*. Duisburg: Universitat Duisburg-Essen; 2005. 352 S.

Received by editorial board 11.04.2022.

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Святослав Тихонович
КАВЕЦКИЙ
Sviatoslav Tikhonovich
KAVETSKI**

Совсем недавно, 29 марта, Святославу Тихоновичу Кавецкому исполнилось 69 лет. А сегодня его уже нет с нами. Сердце нашего друга перестало биться 3 апреля 2022 г.

С. Т. Кавецкий родился в 1953 г. Окончил Белорусский государственный университет по специальности «история» (1975), Высшие социологические курсы Института социологии Академии наук СССР (1991), аспирантуру БГУ (1983). В 1984 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Роль трудового коллектива промышленного предприятия в рациональном использовании свободного времени (на материалах БССР)». С 1985 г. преподавал общественные науки в учреждениях высшего образования Минска и Бреста. До последнего дня своей жизни кандидат философских наук, доцент С. Т. Кавецкий работал в Брестском государственном университете имени А. С. Пушкина, занимал должность заместителя заведующего кафедрой политологии и социологии исторического факультета, а также заведующего социологической учебно-методической лабораторией.

У Святослава Тихоновича было множество планов, он неустанно работал над их воплощением. Это был талантливый, целеустремленный, необыкновенно добрый, отзывчивый человек, всегда готовый

прийти на помощь. Среди белорусских гуманитариев Святослав Тихонович занимал особое место. Пик его плодотворной деятельности пришелся на период работы в Брестском государственном университете имени А. С. Пушкина, где он, выпускник исторического факультета БГУ, и его старший товарищ профессор В. В. Коклюхин возрождали социологию на Брестчине. Им пришлось преодолеть много трудностей, часто выступать перед самой разной аудиторией и не бояться писать правду.

Святослав Тихонович любил свою профессию, был обязателен и трудолюбив, знал цену настоящей дружбе, не любил хвастовства, философски относился ко всему. На протяжении жизни он учил других и учился сам. Социология стала его призванием, а любовь к исследовательской работе, умение общаться, слушать и слышать собеседника снискали ему высокий и заслуженный авторитет в профессиональном сообществе. С. Т. Кавецкий является автором востребованных монографий «Брестский социологический барометр» (2005), «Аномия: истоки и современность» (2017), «Аномия: теория и социальная практика» (2019).

Сквозной темой научной деятельности С. Т. Кавецкого стала аномичность современного общества. Брестский социологический барометр, созданный

ученым, позволил в мониторинговом режиме скрупулезно исследовать происходящие в стране перемены. Святослав Тихонович взвалил на себя, как сейчас видится, неподъемную для одного человека ношу – отслеживать в мониторинговом режиме, как меняется современное общество, что в нем не так и что нужно делать для исправления ситуации. Он тяжело переживал предательство некоторых коллег, до последнего вздоха продолжал верить в лучшее и усиленно работать. Беда, как это часто бывает,

подкралась незаметно. Святослав Тихонович достойно и открыто принял свой последний бой, но силы оказались неравными.

Мы – его коллеги, друзья, ученики, родные и близкие – скорбим о невозполнимой утрате. Светлая память об этом прекрасном ученом-социологе, педагоге с большой буквы, надежном товарище и верном друге навсегда сохранится в наших сердцах.

А. Н. Данилов

**Вячеслав Яковлевич
КОЧЕРГИН**
**Vyacheslav Yakovlevich
KOCHERGIN**

Пришла печальная весть о кончине известного белорусского социолога, сотрудника легендарной Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований Белорусского государственного университета, первого заведующего кафедрой экономической социологии Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ) Вячеслава Яковлевича Кочергина. Ученый ушел из жизни 23 июня. Ему было 74 года.

В. Я. Кочергин родился 12 ноября 1947 г. в Новогрудке в семье кадрового офицера, участника Великой Отечественной войны. Детство ученого прошло в военных гарнизонах России, Узбекистана, Беларуси. С 1963 г. В. Я. Кочергин жил и работал в Минске. В 1971 г. окончил отделение философии исторического факультета БГУ, распределился в сектор социологии Института философии и права Академии наук БССР. С 1976 г. работал в Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ в секторе проблем студенческой молодежи. Участвовал в социологических исследованиях в области социального планирования,

промышленности, образования и науки. С 1986 г. преподавал на кафедре философии, а с 1994 г. на кафедре гуманитарных дисциплин Минского государственного педагогического университета имени М. Горького. В 2001 г. В. Я. Кочергин был назначен заведующим кафедрой гуманитарных дисциплин Минского института управления. С 1 марта 2007 г. ученый возглавлял созданную в БГЭУ кафедру экономической социологии. На протяжении пяти лет работы на этой должности он внес весомый вклад в методологическое и кадровое обеспечение кафедры. Также В. Я. Кочергин преподавал на кафедре социологии факультета философии и социальных наук БГУ, работал ведущим научным сотрудником в Институте социологии Национальной академии наук Беларуси.

В 1981 г. Вячеслав Яковлевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Влияние характера научной деятельности на профессиональные ценностные ориентации ученых». Круг его научных интересов включал социальную философию, экономическую социологию, социологию культуры,

образования и науки. В трудах социолога серьезное внимание уделено исследованию взаимодействия таких феноменов, как профессиональная культура и социальные технологии.

В. Я. Кочергин – автор более 170 научных публикаций. Среди наиболее значимых его монографий можно отметить следующие: «Устойчивость и развитие производственного коллектива» (1975, в соавторстве), «Студент и его деятельность» (1978, в соавторстве), «Социология» (2006, в соавторстве), «Профессиональная культура и социальные технологии» (2007). Ученый публиковался в таких известных российских журналах, как «Социологические исследования» и «Теория и практика управления».

Вячеслав Яковлевич долгое время являлся членом редколлегии и постоянным автором нашего журнала.

За достижения в области социологической науки и образования В. Я. Кочергин в 2004 г. стал лауреатом премии Санкт-Петербургского фонда профессионального образования имени А. Г. Неболсина.

Выражаем искренние соболезнования родным и близким Вячеслава Яковлевича. Уверены, что светлая память об этом прекрасном человеке, талантливом профессионале и педагоге останется в памяти всех, кто хоть однажды с ним встречался, работал, слушал его лекции и выступления.

А. Н. Данилов¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Бабосов Е. М., Баньковская Ю. Л.</i> Конвергенция сетевизации и цифровизации социально-политических процессов в современном белорусском обществе	4
<i>Данилов А. Н.</i> «Европейская философия разучилась по-настоящему не знать»: размышления над книгой А. В. Смирнова «Логика смысла как философия сознания»	11
<i>Дождиков Р. Н.</i> Когнитивный анализ функций обыденного познания	18
<i>Евелькин Г. М.</i> Гражданское общество и общество граждан: теоретико-методологический аспект ...	27

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Злотников А. Г.</i> Истоки нового витка депопуляции в Беларуси	36
<i>Борейко С. А.</i> Демографический фактор воспроизводства научных работников высшей квалификации в Республике Беларусь	49
<i>Давыдовский А. Г., Лапицкая Н. В.</i> Социальные последствия цифровой трансформации образования в условиях коронакризиса	56

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Шевчик Д. О., Неделевская И. Г.</i> Концептуализация стратегий воспроизводства и адаптаций в кон-структивистской перспективе	66
<i>Посталовский А. В.</i> Основные тенденции и тренды телесмотрения среди белорусской аудитории	74
<i>Елсукова Н. А., Гафарова Ю. Ю., Купчинова Т. В.</i> Мобильные технологии в повседневности белору-сов: поколенческие различия	88
<i>Похомова А. А., Яковлева И. А.</i> Формирование потенциала социальной активности молодежи в си-стеме дополнительного образования	97

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

<i>Кобяк О. В., Шифрин А. Е.</i> Развитие социологического образа мышления с помощью мультимедий-ных технологий на примере сказок Навигител	108
---	-----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Святослав Тихонович Кавецкий 	115
Вячеслав Яковлевич Кочергин 	116

CONTENTS

ARTICLES AND REPORTS

<i>Babosov E. M., Bankovskaya Yu. L.</i> Convergence of network and digital socio-political processes in modern Belarusian society	4
<i>Danilov A. N.</i> «European philosophy has forgotten how to not really know»: reflection on the book by A. V. Smirnov «The logic of sense as a philosophy of mind»	11
<i>Dozhdikova R. N.</i> Cognitive analysis of the everyday cognition functions	18
<i>Evelkin G. M.</i> Civil society and society of citizens: theoretical and methodological aspect	27

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Zlotnikov A. G.</i> The origins of a new round of depopulation in Belarus	36
<i>Boreiko S. A.</i> Demographic factor of replacement of employees with PhD degrees in the Republic of Belarus	49
<i>Davidovsky A. G., Lapitskaya N. V.</i> Social consequences of the education digital transformation in the conditions of coronacrisis	56

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Shevchik D. O., Nedelevskaya I. G.</i> Conceptualisation of reproduction and adaptive strategies in the constructivist perspective	66
<i>Postalovsky A. V.</i> Main tendencies and trends of TV viewing among the Belarusian audience	74
<i>Yelsukova N. A., Gafarova J. Yu., Kupchynava T. V.</i> Mobile technologies in everyday life of Belarusians: generational differences	88
<i>Pokhomova A. A., Yakovleva I. A.</i> The forming of potential of youth social activity in the system of additional education	97

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

<i>Kabiak A. V., Shifrin A. E.</i> Development of a sociological way of thinking with the help of multimedia technologies on the example of Navigitel tales	108
---	-----

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

Sviatoslav Tikhonovich Kavetski	115
Vyacheslav Yakovlevich Kochergin	116

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 2. 2022**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редактор *Е. В. Жерносек*
Технический редактор *Д. Ф. Когут*
Корректоры *А. С. Горгун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 30.06.2022.
Тираж 110 экз. Заказ 4866.

Издательско-полиграфическое частное
унитарное предприятие «Донарит».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2022

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 2. 2022**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editor *E. V. Zhernosek*
Technical editor *D. F. Kogut*
Proofreaders *A. S. Gorgun, L. A. Merkul'*

Signed print 30.06.2022.
Edition 110 copies. Order number 4866.

Publishing and printing private
unitary enterprise «Donarit».
Certificate of state registration of the publisher,
manufacturer, distributor of printed publications
No. 1/289 dated 2014 April 17.
25 Kastryčnickaja Str.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

© BSU, 2022